

sf_fantasy

Ирина
Александровна
Матлак

Преимница темного мага

Я думала, что знаю о своем происхождении все, но пробудившаяся во мне темная магия вновь перевернула мой мир. Вынужденная пользоваться помощью Кайера Флинта и служащего ему теневого охотника, я скрываюсь в самом загадочном уголке королевства, находящегося за скалами Забвения.

Охота за осколками кристалла душ продолжается, и в нее вступают новые игроки. Но, похоже, главная игра разворачивается в моей душе, которая так стремится к адмиралу морского флота, морскому демону — лорду Эртану Рею. Лорду, на которого у нашего короля свои планы.

ru

Кауа

FictionBook Editor Release 2.6.7
15 October 2019
C4BEFDB9-E437-4BA3-89A8-9DEA10C38F6B
2.037

1.0 — создание файла (Кауа)

Ирина Матлак «Сумеречье. Преимница темного мага»
Альфа-книга
Москва
2019
978-5-9922-2968-4

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5 М33 Художник В. Успенская Сумеречье. Преимница темного мага: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019,— 282 с.: ил.— (Романтическая фантастика).
Заведующий редакцией В. Н. Маршавин Ответственный редактор Т. А. Стельмах Художественный редактор Л. В. Меркулова Технический редактор А. А. Ершова Корректор Я. А. Карелина
Компьютерная верстка Л. С. Федерякиной Подписано в печать 26.08.19. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 3000 экз. Изд. № 8605. Заказ № 8557.

ГЛАВА 1

Заброшу в море я сети,
Сумею русалку поймать,
Эй, вы, глубинные дети,
Плывите меня целовать!
За русалочки ласки готов я
Душу отдать Глубине,
Эй, Нагхар, слышишь?
Покоиться буду на дне!

— Заткнись! — грубо оборвал невысокого, коротко стриженного эльфа боцман и без перехода рыкнул остальной команде: — Пошевеливайтесь, крысы трюмные, не то на растерзание потерянным душам отдам!

Ввиду глухоты к недовольству боцмана Ослар — или Ослик, как его называли за длинные уши, — остался безучастен и продолжил горланить залихватскую пиратскую песню, добросовестно не попадая ни в одну ноту.

Покинув каюту, я поднялась на палубу «Черного призрака» и сейчас стояла на корме, стараясь держаться в тени и не привлекать внимания. Куда Кайер Флинт — капитан этого легендарного судна держал курс, я не имела ни малейшего представления. Вокруг простиралось беспокойное Сумеречное море, окутанное синей мглой, какая извечно существовала в наших краях.

Ночка у меня выдалась бессонная. Мучительная. Кошмарная, откровенно говоря. Поэтому я и поднялась в такую рань, не в силах больше ворочаться в кровати. Да-да, именно в кровати — вместо привычной койки в каюте Флинта, которую он любезно уступил мне, стояла самая настоящая двуспальная кровать. Мягкая и удобная, она никак не вписывалась в общую картину этого мрачного и с виду негостеприимного корабля. Зато вписывалась в интерьер капитанской каюты — удивительно, но, похоже, Флинт ценил комфорт.

Даже сейчас, когда в лицо бил бодрящий морозный ветер, голова оставалась горячей от переполняющих ее мыслей. Если быть до конца честной перед самой собой, я искренне удивлялась, как после всего случившегося еще не сошла с ума.

Мало было с пару месяцев назад узнать, что я — ундина из особого рода, чья кровь может помочь в воссоздании могущественного кристалла душ, так минувшей ночью открылось еще и то, что я — наполовину маг смерти. Маг смерти, ши возьми! А мой родной отец — некромант, известный под именем Тайлес, который едва не убил отца моего приемного! Ну а если ко всему этому добавить тот факт, что моя собственная темная магия в ближайшее время будет пытаться меня уничтожить, впору вешать на шею камень и бросаться за борт. Прямо к Нагхару, о котором до сих пор поет Ослик!

Глядя в темное предраассветное небо, я так задумалась, что не сразу заметила набежавшую на меня тень. А когда заметила, непроизвольно вздрогнула, обнаружив, что надо мной нависает боцман. Сложив руки на груди, крупногабаритный тролль, в ухе которого поблескивала серьга-колечко, сверлил меня немигающим взглядом.

— Что забыла здесь, а? — спустя короткую паузу прорычал он. И, сплюнув, выдал: — О чем только капитан думает? Всем известно: баба на корабле...

— Быть беде, — буднично закончила я набившую оскомину фразу.

Кажется, еще немного — и действительно поверю, что притягиваю к себе несчастья.

— Ну-ну, Садр, — подошедший со спины боцмана Флинт хлопнул его по плечу. — Будь повежливее с нашей гостьей. Синеглазка не баба, она у нас леди.

Из уст пирата «леди» прозвучало до того насмешливо, что показалось еще более оскорбительным, чем «баба». Но мне к такому было не привыкать, слова Флинта звучали беззлобно, так что внимания на них я не обратила.

Вместо этого уже не в первый раз задала вопрос:

— Куда мы плывем?

Жестом велел боцману уйти, Флинт встал рядом со мной, глянул исподлобья и с усмешкой заметил:

— В том и прелесть путешествий, синеглазка, — не знать, что ждет впереди. Если конечная цель ясна, жить становится скучно.

— Ты поэтому подался в пираты? — повторяя его тон, хмыкнула я. — От скучной жизни?

— Ну, кому-то же нужно исполнять роль злодея, — беззаботно отозвался он. — Потому что иначе скучно будет таким, как Эртан Рей. В конечном счете чем станет заниматься весь морской флот, если не будет ни пиратов, ни агрессивных потерянных душ, ни даже какой-нибудь захудалой угрозы от соседних государств? Миру нужна тьма, без нее не будет и света. Я только удивилась тому, как от моего вполне безобидного вопроса Флинт незаметно перешел к философии, и заметила:

— В таком случае ты зря охотишься за осколками кристалла душ. Собрать его все равно что ознаменовать конец света.

Карие глаза Флинта лукаво блеснули.

— Вот об этом я и говорю. Всегда ведутся разговоры о конце света. Заметь, о конце тьмы речи даже не идет!

Пока я обескураженно искала ответ, рядом вновь нарисовался боцман, тактично прокашлялся, что в исполнении этого громилы выглядело просто эпично, и доложил:

— Капитан, скалы Забвения на горизонте!

Всмотревшись в окутанную сумерками даль, я действительно заметила их — высокие острые скалы, хаотично торчащие из воды. После всего пережитого меня уже было сложно чем-либо удивить, но здесь я все-таки удивилась: мы что, держим курс прямо на них? Да это же самоубийство!

Скалы Забвения пользовались дурной славой по многим причинам. Главной из них являлась та, что в омывающих их водах обитали сирены, потопившие не одну сотню кораблей. Вдобавок скалы были нестабильны, могли вырасти прямо из воды у носа на свою беду подплывшего к ним судна и отправляли его кормить чернотубых акул. А еще скалы меняли местоположение, никогда не находясь долго в одном месте. Их можно было увидеть то у покрывающего Сумеречье барьера — в такие уникальные моменты они просматривались даже из окон Морского корпуса, то у Туманных островов, то просто затерянными на просторах Сумеречного моря.

И все же сомнений быть не могло — мы действительно направлялись к ним. Черные паруса наполнил морозный ветер, почерневшая скульптура Ританы, вырезанная на носу корабля, устремилась вперед, но вскоре мы сбавили скорость. Море успокоилось, паруса тут же оказались приспущены, и «Черный призрак» неспешно заскользил по темной водной глади. Сначала я хотела от греха подальше вернуться в каюту, но любопытство все-таки победило и вынудило остаться на палубе. Мало кто может похвастаться, что видел скалы Забвения столь близко... из живых. А мертвые, как известно, говорить не очень любят.

Чем больше выступающих из воды скал мы миновали, тем сильнее становилось мое удивление. Казалось, они словно расступаются перед «Черным призраком», принимая его как дорогого гостя. А как вскоре выяснилось — не просто казалось, а так оно и было.

Когда Флинт отдал приказ бросить якорь меж двух скал, где находилось некое подобие суши, раздался обволакивающий женский голос:

— Кайер... Давно ты к нам не заглядывал...

Переведя взгляд на обладательницу голоса, я обомлела — на небольшом камне, свесив в воду гладкий хвост, сидела сирена. Да не одна, а в компании двух сестер, преспокойно чистящих свои синие, подобные птичьим, крылья! Ши возьми! А если они вдруг надумают запеть?

Впрочем, уже совсем скоро стало ясно, что петь они не собираются, а если и соберутся, то песни их будут вполне безобидными, неспособными причинить ни мне, ни пиратам никакого вреда.

Флинт сошел на берег, команда почти в полном составе предпочла к нему присоединиться, и я, немного помедлив, тоже спустилась вслед за ними. Удивительным образом образовавшийся меж скалами островок суши оказался гораздо больше, чем виделся с корабля. Вскоре на нем повсюду полыхал разведенный костер, над которым пираты, толкаясь и бранясь, поджаривали любезно предоставленную сиренами рыбу. Боцман тем временем приволок из трюма три добрых бочонка эля, их тут же откупорили и, опять же толкаясь и бранясь, принялись лихорадочно опустошать.

Ну вот, началось... только разгульной пиратской попойки не хватало!

Памятуя, что пираты — это зло, а пьяные пираты — зло в квадрате, я держалась от шумного сборища на расстоянии. Присмотрев большой и плоский лежащий на берегу камушек, села на него, подобрав под себя ноги, и зябко поежилась. Судя по всему, скалы Забвения защищала от холода магия сирен, но гуляющий здесь ветер все равно был пронизывающим. Намотав любимый красный шарф до самого носа, я спрятала замерзшие пальцы под плащ и с тоской посмотрела на окутанный утренними сумерками корабль. К этому моменту уже жалела, что не осталась в каюте.

— Замерзли? — неожиданно прозвучало позади меня.

К внезапному появлению всяких опасных личностей я успела привыкнуть, так что сейчас даже не вздрогнула.

— Немного, — не стала отрицать очевидного.

Теневой охотник — верный спутник и правая рука Кайера Флинта устремил взгляд на пылающий костер:

— Не желаете погреться?

— Нет уж, спасибо, — негромко проговорила я, глядя на танцующих с пиратами сирен. Они успели сменить рыбьи хвосты на ноги, и сейчас только крылья напоминали о том, кем эти существа являлись на самом деле.

— Пожалуй, вы правы, — верно истолковав выражение моего лица, признал теневой охотник. — В таком случае позвольте перенести вас в каюту.

Предложение было созвучно моим желаниям, поэтому я безропотно поднялась и молча кивнула. Он накинул на нас черную тень, картинка перед глазами поплыла, и в следующий миг я оказалась в каюте Флинта.

— Пойдите! — позвала охотника, когда он развернулся в явном намерении уйти. И, завладев его вниманием, спросила: — Когда вы начнете меня обучать?

Выбивающиеся из-под плаща клубы темно-серого тумана растелились по полу, и тьма под глубоким капюшоном заколыхалась.

— Когда прибудем в Сумеречную Жемчужину.

Ответив, теневой охотник мгновенно исчез, а я эхом переспросила, обращаясь в пустоту:

— Сумеречную Жемчужину?..

Так назывался остров, официально входящий в состав нашего королевства, но в то же время находящийся в постоянной изоляции. Насколько мне было известно, почти все жители покинули его еще более века назад, и сейчас население там исчислялось буквально парой сотен. Согласно легенде некогда этот островок являлся частью Сумеречья, располагаясь в непосредственной от него близости. Но однажды его жители чем-то так прогневали Ритану, что она перенесла Жемчужину в неведомые дали Сумеречного моря, привязала остров к скалам Забвения, и теперь туда можно было попасть, только минуя их. А миновать скалы, по понятным причинам, отваживались далеко не многие.

Конечно, это была всего лишь старая легенда. Но, как бы то ни было, до сих пор попасть на Жемчужину или же покинуть ее было совсем непросто. Единственная возможность для обычных людей — это воспользоваться услугами сильных, занимающих официальный пост транспортировщиков-магов. Но такая роскошь стоила недешево — по слухам, в три раза дороже билета на Призрачный мост!

В общем, такое нежданное путешествие меня крайне взволновало. Хотя причины, по которым мы направлялись в Сумеречную Жемчужину, были предельно ясны. Пожалуй, если мыслить отстраненно, то этот островок — самый неприметный и неприступный уголок всего

Объединенного Двулунного королевства. Да и адмиралу Рею, учитывая его возможности, навещать меня будет совсем несложно.

Опустившись на удобную кровать, я возвела глаза к потолку, на котором плясали отблески от заряженных огнем саламандр светильников, и вздохнула. Затем перекадилась на бок, притянула колени к подбородку и, свернувшись клубочком, незаметно для самой себя погрузилась в легкий сон.

Пирушка пиратов продолжалась до самого вечера. Наверное, длилась бы и дольше, но Флинт отдал приказ к отплытию. Удивительно, что после попойки почти все члены команды не только держались на ногах, но и были в состоянии исполнять свою работу. Казалось, выпитый эль и гостеприимные объятия сирен только придали им сил.

На свое счастье, практически все это время я проспала и не видела того, что происходило среди скал. Когда проснулась и посмотрела в иллюминатор, застала последние всполохи догорающего костра, Ослика, посапывающего в обнимку с бочонком, да нескольких разошедшихся пиратов, лихо отплясывающих и горлающих непристойные песенки. К «Черному призраку» направлялась пара шлюпок, но Флинта среди плывущих на них не было. Его я заметила спустя мгновение — стоящим на одной из выступающих над водой скал. Волны с шумом ударялись о ее подножие и рассыпались на множество мелких брызг, ветер развеивал полы плаща и темные волосы, а сам легендарный капитан пиратов смотрел куда-то вдаль. Я не видела его лица, но почему-то была уверена, что в эти моменты на нем отражается... тоска. И задумчивое одиночество.

Стоило мне задержаться на этой мысли, как Флинт резко обернулся, ловко спрыгнул на землю и уже в следующую секунду с кривой ухмылкой отдавал какие-то распоряжения нарисовавшемуся рядом боцману.

— Совсем спятила, — покачав головой, обратилась я к себе. — Нашла кому одиночество приписывать...

Уж что-что, а одиночество и тоска этому лихому пирату точно были неведомы!

До места назначения мы добрались к середине ночи, причем отследить путь, сколько ни пыталась, я не смогла. «Черный призрак» бесшумной тенью проскользнул через туман и пришвартовался на каком-то пустынном причале. Судя по всему, тот был заброшен, что вовсе не удивительно — если здешние суда и выходили в море, то таковых явно было совсем немного.

Даже местные жители вряд ли обрадовались бы, увидев причаливший к их берегам пиратский корабль. Но «Черный призрак» покрывала тень, наброшенная охотником, благодаря чему заметить его было не так-то просто. Только недавно я поняла, что и прежде корабль все время прятался под тенью. Как и в тот памятный день, когда мне довелось впервые его увидеть. Помнится, обнаружив его причалившим к берегам Сумеречья, я еще удивилась, что пираты на такое осмелились. Но, видимо, дремлющая во мне темная магия позволила рассмотреть его даже сквозь теневую вуаль.

Команда осталась на корабле, а на берег сошли только мы с Флинтом и охотником. Вернее, это сначала мне так показалось, — оказавшись в шлюпке, я обнаружила, что следом за нами в нее спускается Пип — низкорослый чернобородый пират, помешанный на воровстве книг! Вот уж кого меньше всего ожидала иметь в спутниках...

Фонари в раскинушемся на острове городке встречались еще реже, чем в Слезных трущобах. Впрочем, возможно, дело было в районах, какими мы шли. Узкие улочки утопали во мраке, под ногами хлопал разъеденный солью снег, превратившийся в кашу, выстроившиеся по бокам дома смотрели на нас темными глазницами окон. В отличие от Сумеречья, на этом островке не было очень сильного мороза, здесь властвовала промозглая сырость. Даже мои добротные сапожки совершенно промокли, а подол плаща быстро оказался заляпан грязью.

В округе не было видно ни души. Очень непривычно, учитывая, что в тех же Слезных трущобах ночью кипела жизнь.

Вскоре окружение несколько изменилось: дома стали встречаться более аккуратные, а тротуары и дороги больше не пестрели многочисленными выбоинами. Даже хлопаящего под ногами снега стало как будто бы меньше.

Уж не знаю, было то иронией судьбы или просто волей случая, но строения, к которым мы пришли, располагались на возвышенности. Я как будто дома очутилась! Только, не в пример

трущобам, район здесь был явно приличный, а строения вовсе не напоминали почерневшие от времени хибары.

Теневой охотник незаметно исчез, Пип тоже, и перед калиткой одного из домов мы оказались вдвоем с Флинттом. К моему величайшему изумлению, он откинул капюшон плаща и спокойно постучал. Но еще больше я удивилась, когда нам открыла худощавая, закутанная в кружевную шаль старушка, которая при виде физиономии пирата не бросилась прочь.

Да в жизни не поверю, что объявления с его портретом здесь не развешивали! Судя по энтузиазму властей, лицо Флинта украшало каждый фонарный столб!

— Кай... — В старушечьем голосе звучали искренняя теплота и радость. — Мальчик мой, как я рада, что ты пришел!

Я подавилась воздухом.

— Стало быть, это и есть та девушка, за которой нужно присмотреть? — привлек ее внимание мой кашель. Не дожидаясь ответа, старушка поправила небольшие квадратные очки и приветливо улыбнулась. — Я — госпожа Герра.

Придя в себя, я вымучила ответную улыбку:

— Меня зовут Фрида.

— Позвольте ключики, дорогая госпожа Герра, — присоединился к нашим улыбкам Флинт. — Не заржавели еще, а?

— Еще чего! — хмыкнула старушка, затем проковыляла к дому, откуда вернулась уже с упомянутыми ключами. — Я присматриваю за домиком, ты же знаешь. Прибрала вот к вашему приезду, Фридочке там удобно будет.

Меня не часто называли уменьшительно-ласкательным именем, не сопровождая это ехидством. А из уст госпожи Герры оно прозвучало до того просто и невероятно тепло, что я тут же прониклась к ней безоговорочной симпатией. Есть такие люди, которые быстро располагают других к себе, так вот, эта старушка абсолютно точно входила в их число.

Дом, о котором шла речь, располагался по соседству, и именно в нем мне предстояло провести следующие несколько недель. В ряду строений он являлся крайним, прятался за домом госпожи Герры и находился в нескольких минутах ходьбы от раскинувшегося поблизости небольшого леса.

Как и обещала моя новая знакомая, внутри оказалось уютно и чисто. На первом этаже обнаружили гостиную и кухню, а на втором — небольшая спальня с примыкающей к ней ванной. Я уже сбилась со счета, сколько раз за последнее время мне приходилось собирать и разбирать вещи, поэтому дорожную сумку пока решила оставить нетронутой. Примостив ее рядом с кроватью, спустилась на первый этаж, где госпожа Герра в это время хозяйничала на кухне.

Пить чай с пампушками среди ночи в компании пирата, за голову которого обещали золотые горы, было по меньшей мере странно. Госпожа Герра как ни в чем не бывало разливала чай по симпатичным чашечкам, предлагала обязательно попробовать свои фирменные пампушки и то и дело украдкой смахивала слезы, с нежностью глядя на легендарного капитана пиратов. Тот, в свою очередь, за обе щеки трескал выпечку, не уставал ее нахваливать и попутно интересовался делами в Сумеречной Жемчужине.

— Карлика вон пришибли, — вздохнув, поделилась госпожа Герра. — Ну, того, что во главе банды, промышляющей краденым золотом, стоял. Не поделили они чего-то, вот его же соратники своего главаря и прикопали. Оську три дня назад повязали, вчера как раз повесили. Палача к нам прислали, виселицу установили, все как полагается.

Я снова зашлась кашлем, и Флинт участливо похлопал меня по спине. В общем-то ничего удивительного в ее рассказе не было, но я как-то привыкла, что все приговоры выносятся в столице. У нас, в Сумеречье, смертные приговоры приводились в исполнение редко — только если преступление было очевидным и уж очень тяжким. В остальных случаях либо ограничивались тюремным заключением, либо просто ссылали на казнь в столицу.

— Плохо, — констатировал Флинт. — Совсем у вас здесь власть страх потеряла.

Наверное, я бы закашлялась еще разок, но снова ощущать на себе руки пирата совсем не хотелось. Так что просто хлебнула чай и вонзилась зубами в соблазнительную пампушку.

В ответ на потрясающее замечание пирата госпожа Герра только повторно вздохнула и любезно придвинула ко мне тарелку с выпечкой:

— Ты кушай-кушай, деточка. Где же ты жила, бедненькая, что так исхудала? Одни глаза остались...

Вообще-то многочисленные тренировки способствовали росту мышц, так что излишней худобой я не страдала. Да в сравнении с теми временами, когда работала в рыбной лавке, я сейчас вообще как одна из лежащих передо мной пампушек была! Но у госпожи Герры, как у всякой добропорядочной бабушки, было иное мнение на этот счет.

— У девушки формы должны быть, — чуть понизив голос, просветила меня она. — Чтобы не как корабельная доска, а как мягонькая подушечка.

И все-таки третьему приступу кашля суждено было быть!

— Госпожа Герра... — попыталась я сменить тему.

— Ну ничего, я тебя быстренько откормлю, — продолжила свое та и подмигнула. — Еще такие мужики за тобой бегать будут, что все девки обзавидуются, вот увидишь!

Флинт, в этот момент как раз закончивший свои похлопывания по моей спине, со смешком поддакнул:

— Слушай, синеглазка, что тебе старшие говорят. Никаких корабельных досок, только подушечки!

Извечная привычка краснеть проявилась совсем не вовремя, и я со страдальческим стоном уронила лицо в ладони. Наверное, никогда от нее не избавлюсь...

Вновь оказавшись в своей новой комнате, я привалилась спиной к двери и долго смотрела в темноту за окном, думая о странностях жизни. До чего же все-таки сложные лабиринты строит для нас судьба. Когда ты думаешь, что отыскал выход, он неожиданно оказывается входом, который ведет в новые, неизведанные коридоры. И так бесконечно.

Перед тем как улечься в кровать, я заметила мелькнувший в темноте огонек. Подошла ближе к окну и, чуть отдернув занавеску, увидела две коренастые фигуры, стучащие в соседний дом. На интуитивном уровне ощутив исходящую от них опасность, я уже подумала, что нужно бить тревогу, но показавшаяся на пороге госпожа Герра спокойно ихпустила.

Впрочем, стоит ли удивляться, если до этого она гостеприимно открыла двери пирату? На изолированном острове определенно существовали свои законы, о которых мне еще предстояло узнать. И здешние обитатели наверняка были не так просты, как казались на первый взгляд.

ГЛАВА 2

Несмотря на то что легла поздно, проснулась я рано и, самое главное, бодрой и полной сил. Поскольку в моем временном пристанище никого не оказалось, я спокойно приняла душ, на который не хватило сил накануне, позавтракала оставшимися пампушками и все-таки разобрала некоторые вещи.

На самом верху в сумке лежала моя новая форма. Форма ловца Морского корпуса ловцов потерянных душ. Темно-синяя, с эмблемой морского волка на нагрудном кармане, она так и манила ее примерить. Но я лишь поднесла ее к лицу, вдохнула запах новой одежды и с сожалением отправила обратно. Надеюсь, что все образуется и в ближайшем будущем я все же смогу ее надеть.

Поскольку в доме по-прежнему никто не появлялся, а сидеть взаперти мне стало невыносимо, я решила немного прогуляться. Отходить далеко не собиралась, хотя и было любопытно узнать больше о Жемчужине, а вот исследовать этот район однозначно стоило.

Накинув плащ и на всякий случай скрыв лицо в тени глубокого капюшона, я отворила дверь и вышла на окутанную утренними сумерками улицу. С первого взгляда... нет, с первого же вдоха стало ясно, что Сумеречная Жемчужина отличается от моего родного острова. Воздух здесь был более влажным и менее морозным, солено-рыбным и чуточку горьковатым. Как ни странно, но и туман тоже был другим — невесомым, полупрозрачным и напитанным все той же влагой. Да и светало здесь, судя по небу, гораздо раньше. Сквозь синеватую муть просматривались очертания непритязательных, но симпатичных домишек, в некоторых из них светились желтые окна. Неподалеку прямо у спуска в воду примостилась небольшая таверна, которую я не заметила ночью. То, что это именно таверна, стало понятно по доносящимся характерным запахам и вывалившейся из дверей подвыпившей компании... точнее, не

подвыпившей, а пьяной в хлам. Парочка троллей цеплялась друг за друга и с трудом держалась на ногах. А еще рядом с ними вилял из стороны в сторону самый настоящий огр. Вот ведь ши! Ограм же запрещено покидать Туманные острова! Похоже, с преступностью на этом островке дела обстоят еще хуже, чем в пресловутом Сумеречье...

Миновав дом госпожи Герры, я прошла немного вперед и уже почти добрела до той самой таверны, когда в глазах неожиданно потемнело. Множество мелких черных точек за считанные мгновения превратилось в мельтешащий рой, уже вскоре заслонивший собой весь мир. Не успела я испугаться собственной внезапной слепоты, как тело пронзила боль такой силы, что ноги тут же перестали держать. Рухнув в кашу талого снега, я попыталась закричать, но голос исчез, и из груди вырвались прерывистые хрипы, которые постепенно стали мной неразличимы. Я не слышала, не видела и как будто исчезла, вытесненная из собственного сознания раздирающей болью. Каждый нерв, каждую клеточку тела наполнил ядовитый холод, что обжигал сильнее огня. Сопrotивляться ему казалось просто невысказанным, да и сама способность мыслить была утрачена.

Смутное прояснение возникло лишь в тот миг, когда меня неожиданно оторвали от земли. Я ощутила себя находящейся в чьих-то руках, и в скованном болью сознании промелькнуло бестолковое сравнение себя с безвольной куклой. Взметнулись клубы черного дыма, где-то на грани восприятия загорелся мерцающий голубоватый свет — и я провалилась в черноту.

Похоже, привычка падать в обморок, как и привычка краснеть, будет преследовать меня до скончания дней. Придя в себя, я обнаружила, что нахожусь в той же комнате, где провела половину минувшей ночи. Горло нещадно саднило, в глаза будто насыпали песка, кости ныли, как у древней старухи, но в сравнении с пережитым теперешнее состояние можно было назвать удовлетворительным.

Надо мной возвышался теневой охотник. Я не могла видеть скрытое капюшоном лицо, но точно знала, что его немигающий взгляд прикован ко мне.

Подумалось, что, когда попытаюсь заговорить, у меня не получится, но я ошиблась.

— Что... это было? — Вопреки ожиданиям, голос не походил на воронье карканье, разве что прозвучал тише, чем хотелось.

— Ваша темная магия, — прозвучал спокойный ответ. — Я усмирил ее на время, но откладывать больше нельзя. Сегодня вечером пойдем в лес.

— В лес? — с трудом приподнявшись на локтях, недоуменно переспросила я.

Охотник промолчал, но мне уже и так стало понятно для чего. Уж если учиться держать некромантию под контролем, то делать это в безлюдных местах, подальше от посторонних глаз. Я была потрясена тем, насколько мощная сила находится внутри меня. Конечно, с самого начала было ясно, что она далеко не безобидна, но чтобы оказалась опасной настолько... Темная магия. Некромантия. Магия смерти. Как ни назови, а принять ее как часть себя все еще невозможно. После случившегося я воспринимала ее как самостоятельное, живущее внутри существо, с которым намеревалась бороться. И в этой борьбе можно было или победить, или умереть.

Остаток дня я провела в доме, находясь в компании теневого охотника. По моей просьбе он не набрасывал на себя тень, благодаря чему оставался для меня видимым. Быть одной — последнее, чего мне сейчас хотелось, так что я была рада и его молчаливому обществу. Надо сказать, к такой форме тьмы рядом с собой я уже действительно привыкла и перестала трястись по поводу и без. По крайней мере, сейчас ни теневой охотник, ни запропастившийся Флинт не представляли для меня угрозы, и бояться их было попросту глупо.

Когда силы немного восстановились, я спустилась на первый этаж, исследовала небольшую библиотеку, представленную одним книжным шкафом, и, в конце концов устав от безделья, попросилась скорее пойти в лес.

Что удивительно, мою просьбу удовлетворили. На дворе только-только стало смеркаться, а я уже вышагивала по снежному месиву, направляясь в сторону высоких, словно сросшихся друг с другом верхушками деревьев. Теперь охотник тень на себя все-таки накинул, так что со стороны могло показаться, будто я иду одна.

Да, я не боялась ни его, ни даже этого темного, откровенно недружелюбного леса, а вот саму себя боялась очень. С одной стороны, понимала, что разобраться с собственной некромантией необходимо, а с другой — мечтала, чтобы все происходящее оказалось лишь дурным сном.

Лес, ночью показавшийся мне небольшим, на деле оказался далеко не таковым. Множество высоких, густо растущих деревьев устремлялись высоко вверх, цепляясь верхушками за опускающиеся на остров сумерки. К лесу вела всего одна узкая, протоптанная в снегу тропка. И, к слову, близ деревьев снег больше не напоминал кашу, а покрывал землю ровным белоснежным ковром. Здесь было гораздо холоднее, и мороз прекрасно дополнял мрачность этого места.

Войдя в лес, я еще некоторое время шла в видимом одиночестве, отчего чувствовала себя несколько неуютно. Так и казалось, что из-за деревьев вот-вот выскочит какой-нибудь свирепый грызволк или вылетит стая кровожадных ши!

— Здесь, — произнес внезапно появившийся охотник, когда я вышла на небольшую, занесенную снегом поляну.

Что именно будет происходить и как, я не имела ни малейшего представления, поэтому просто остановилась и вопросительно на него посмотрела. Теневой охотник на несколько мгновений замер, после чего вытянул перед собой руку, затянутую в черную перчатку. Вскоре перчатка полетела на снег. Рука у охотника оказалась самой обычной, человеческой, с аккуратными округлыми ногтями. Только сама кожа отличалась легким пепельным оттенком и была чрезмерно бледной.

Следом охотник негромко проговорил короткую фразу — явно на древнем кратфаге, а после наступила тишина. Какое-то время ничего не происходило, и я уже собралась ее нарушить, как вдруг где-то в зарослях послышался шорох. С каждой секундой он становился все отчетливее, было ясно, что к нам кто-то приближается. Кажется, я даже услышала тихое рычание, прежде чем на поляну вышла седая лиса. Вообще-то эту породу называют лунной, поскольку цвет шерсти повторяет цвет одной из лун, но простой люд уже давно привык называть таких лис седыми. Они отличаются поразительным чутьем и размерами, превосходящими среднестатистического волка.

Я не сразу поняла, что с ней не так. Почувствовала только, что зверь настроен агрессивно и вместе с тем боится.

— Она больна, — произнес охотник. — Протянет от силы месяц.

Во мне тут же всколыхнулось сострадание. Жалела я всегда всякую живность — еще одна моя привычка, которую, в отличие от остальных, я считала хорошей.

— Вам нужно ее убить.

Я подумала, что ослышалась. Мотнув головой, с изумлением и ужасом воззрилась на охотника, надеясь, что мне действительно показалось. Но нет — он сказал то, что сказал.

— Я этого не сделаю, — возразила, машинально попятившись.

— Существует четыре варианта ваших дальнейших действий, и каждый из них закончится ее смертью, — безапелляционно сообщил теневой охотник. — Смерть — сущность пробудившейся в вас магии. Чтобы научиться ее контролировать, научиться ею пользоваться, рано или поздно придется убить.

— Пусть будет поздно, — без тени сомнений стояла я на своем, мысленно решив, что «поздно» в данном случае обозначает «никогда». И, не став дожидаться ответа, добавила: — Послушайте, все, что мне нужно, — это подавить в себе эту глубинную... силу. Я не хочу учиться ею пользоваться, не хочу причинять никому вред. Мне бы только справиться с ней и не позволить себя убить!

— Тогда мое предложение действительно вдвойне, — ровно произнес охотник. — Сейчас ваша магия жаждет себя проявить. И в первую очередь — отнять жизнь. Не важно, вашу или чужую. Самый простой способ заставить ее замолчать — удовлетворить этот голод. И чем сильнее будет убитое существо, тем больше вероятность, что ваша сила успокоится. На время.

— Да что вы такое говорите... — Теперь я не просто попятилась, а буквально отшатнулась. — Нет! Слышите? Нет! Да я скорее сама умру, чем убью ни в чем не повинного зверька или, тем более, человека!

«Зверек» в это время продолжал стоять на месте и скалиться. Он явно хотел убежать, но что-то не давало ему это сделать — должно быть, магия теневого охотника.

— Какие отвратительные методы, — неожиданно вклинился в наш спор смутно знакомый голос. — Последователь Нагхара, ты совсем запугал мою подопечную.

Ничего не понимая, я судорожно осмотрелась да так и замерла, наткнувшись на полупрозрачную, словно сотканную из голубого света фигуру. Рядом с нами, едва касаясь кончиками туфель земли, парил... Дымок.

Дымок — потерянная душа, привязанная ко мне адмиралом Реем и призванная меня защищать!

Но ведь потерянные души не могут принимать такую форму и уж тем более говорить!

Единственный раз, когда ему это удалось, произошел в столице, в доме моих родственников, который находился в зоне действия сильной магии.

Теперь стало ясно, от кого исходил увиденный мной перед обмороком свет. Но вот почему Дымок внезапно принял какую-никакую материальную форму, было ни капли не понятно!

— Чтобы обуздать магию смерти, вовсе не обязательно убивать, — словно не замечая моего изумления, продолжил Дымок. — У некромантии есть и другая сторона, о которой знают и говорят гораздо меньше, — удержание души умирающего на вашем свете.

Он несколько мгновений помолчал и добавил:

— Мне ли не знать.

— Твое присутствие неуместно, — напомнил о себе теневой охотник. — Исчезни.

— Вынужден заметить, что твое позволение, последователь Нагхара, мне не требуется.

— Знай свое место, потерянный!

— Оно рядом с леди Фридой, обугленный!

Я подавилась воздухом. Как-то совсем не ожидала от теневого охотника и сильнейшей потерянной души разговоров в такой манере!

— Господа, — настал мой черед о себе напомнить, — если кого-нибудь из присутствующих волнует мое мнение, то сообщаю о том, что рада присутствию вас обоих. Вот правда. Дымок, — окончательно сориентировавшись, обратилась я к потерянной душе, — что ты там говорил о необязательности убийств?

И тут очередь напоминать о себе дошла до четвертого героя происходящей сцены. До этого лишь тихо рычащая лиса громко фыркнула и пригнулась к земле, явно готовясь к прыжку. Но прыжка все же не последовало — стоило Дымку заслонить меня собой, как зверь распрямился, прижал уши и вновь негромко, но уже не так уверенно зарычал.

— Отпустите вы ее, — попросила я. — Она ведь мучается!

— Сейчас мучения закончатся, — проронил теневой охотник.

Едва до меня дошел смысл его слов, как лиса рухнула точно подкошенная, и из ее пасти на снег побежала струйка багровой крови. На мгновение показалось, что вместе с ней рухнула какая-то часть моего и без того порушенного мира. Лоснящаяся серебристая шерсть, по-прежнему раскрытые, чуть прищуренные серые глаза — лиса оставалась прекрасной... став мертвой. А потом я увидела его, вылетевший вместе с последним вздохом темный дымчатый сгусток, на короткое время замерший над неподвижным телом. Всего несколько дней назад я уже видела ему подобный и теперь знала, что он такое, — покидающая этот мир душа. Но на этот раз я действовала осознанно, точно зная, чего хочу добиться.

Подумала, что охотник специально убил лису, чтобы побудить меня к действиям, но эта мысль была неважной и надолго не задержалась. Подбежав к распластавшемуся на снегу зверю, я упала на колени и протянула руки к туманному сгустку. Осторожно, но решительно устремилась к нему, заставила себя коснуться его кончиками пальцев и тут же ощутила болезненный, пробравший до самых костей холод. Этот холод был столь сильным, что, казалось, я и сама могу попроситься с жизнью, обернувшись глыбой льда. И все же то, что было внутри меня, то, от чего я так отчаянно хотела бы избавиться, оказалось сильнее. Моими руками оно пересилило саму смерть, меньше чем за минуту вынудив улетающую душу вернуться обратно.

Лиса вздрогнула всем телом, изо рта ее вырвался хрип, а я, практически полностью обессиленная, шумно выдохнула. Тут же навалилась невероятная слабость, лоб покрылся испариной, хотя всего лишь мгновение назад я замерзала.

— Приспешник Нагхара! — требовательно произнес Дымок. — Ты позволишь леди Фриде заболеть?

Вот уж не думала, что удостоюсь такой заботы от ранее безразличной потерянной души! Не дожидаясь, пока охотник поможет мне подняться, и не вслушиваясь в его ответ, я встала сама и даже нашла в себе силы отряхнуть приставший к плащу снег. Лиса тоже попыталась подняться, но потерпела неудачу. Подрагивающие ноги не выдержали, и она повалилась обратно.

Не став ничего комментировать, охотник снова произнес несколько отрывистых фраз, и через пару секунд с неба что-то рухнуло прямо мне под ноги. Вскрикнув от неожиданности, я отскочила в сторону, но тут же обнаружила, что упавшее — вовсе не какое-то чудовище, а всего лишь птица. Дохлая. В наших суровых краях пернатых вообще водилось мало, разве что грифоны прекрасно себя чувствовали, но причисление их к птицам, конечно, условное. — Бесспорно, вам хорошо дается удержание душ, — признал теневой охотник. — Но не менее важно использовать другую сторону некромантии. Именно поднятие нежити раскроет ваш потенциал.

Я уже хотела повторить, что никакое раскрытие такого потенциала мне не нужно и даром, как он, опередив, предупредил:

— Учтите, с этим столкнуться вам придется, хотите того или нет. И не в обозримом будущем, а в ближайшее время. Сейчас. Иначе на вашу жизнь я не поставлю и медяка.

Прозвучало убедительно, и я как-то сразу поникла. Смирилась, хотя при слове «нежить» меня передернуло. Нет, ходячих мертвяков я особо не боялась, даже брезгливости не испытывала — наверное, сказывалась темная кровь, но одно дело — сражаться с ними и совсем другое — управлять. Брр, жуть-то какая!

В течение следующих десяти минут мне преподавали теорию, за одно только знание которой — прямой путь на виселицу. А ведь мне предлагалось превращать эту теорию в практику, причем незамедлительно. Впрочем, я и без того общалась с теми, за голову которых обещали целое состояние, а потому уже находилась с ними в одной лодке.

Фрида-Фрида, куда же забросила тебя жизнь...

— У меня не получится, — констатировала я, когда пришло время совершать те самые «превращения».

— Настроенный на поражение изначально на него обречен, — изрек теневой охотник. — Вы уже давно не маленькая улитка, ограниченная мирком своей раковины. Помните об этом. Здесь с ним трудно было поспорить, и я, вздохнув, сконцентрировалась. Перед этим бросила быстрый взгляд на лису, убедилась, что она оклемалась, и, немного воодушевившись, приступила к делу.

Трупик поднять, значит. Нежить создать, значит. Поднебесные, ну почему моим родным отцом не мог оказаться какой-нибудь милый и благородный эльф?! С прискорбием задавшись этим вопросом, я последовала данной мне инструкции. Сперва требовалось дотянуться до своей темной магии, погрузиться глубоко в себя и ее почувствовать. С этим проблем не возникло — весь сегодняшний день я и так ощущала ее более чем явно. А вот дальше справиться оказалось куда сложнее. Нужно было позволить магии проявиться, но не дать выйти из-под контроля. Не допустить нанесения вреда окружающим и самой себе. Может быть, я эгоистка, но в первую очередь волновалась за себя. Потому что, как ни крути, а охотник в любом случае сумеет защититься. Ну а Дымок... он уже и так мертв, да к тому же находится в личном подчинении адмирала. Так что вряд ли мои первые попытки воспользоваться некромантским даром представляют для него угрозу.

Было больно. Терпимо, но на грани. Не так, как утром, но все же треклятый холод быстро распространился по телу, замедлил сердцебиение и, смешавшись с кровью, побежал по венам. Стиснув зубы, я изо всех сил старалась концентрироваться на птице, а не на боли, но давалось это огромным трудом.

Стараясь передать ей толику своей силы, я представляла себя героиней детских сказок, которая оживляет животных одним прикосновением. Была у меня в детстве старая книга, которую я зачитала буквально до дыр, так вот, в одной из содержащихся в ней сказок говорилось о девушке с подобным умением. Наверное, представлять себя таковой, учитывая суть моей магии, было нелепо, но зато так мне становилось легче. И вообще, я ведь наполовину ундина, а ундины — прямые наследницы Ританы, и сила им дана Поднебесьем! Так что сторонница Глубины я всего лишь частично...

Мысли отвлекали, а требовалось сосредоточиться. Стараться еще больше, представлять, как в бусинках-глазах загорается алый свет, как крупное пернатое тельце поднимается, как наполняется обманчивой жизнью... И я сосредоточивалась, старалась, представляла. Погрузилась в это желание настолько, что даже упустила момент, когда птица едва заметно шевельнулась. Сначала дрогнуло одно крыло, затем ее глаза блеснули, а после она внезапно приняла вертикальное положение. Резко, неожиданно, до смерти меня перепугав!

— Хорошо. — Голос теневого охотника прозвучал успокаивающе. — Теперь попробуйте заставить ее что-нибудь сделать. Для начала будет достаточно пары шагов. Получив очередные указания, я сделала все так, как было велено, и... птица пошла. Точнее, поковыляла, волоча за собой одну ногу. Естественно, далеко такими темпами она не продвинулась, но, упав, упорно продолжила ползти вперед.

— Мамочки... — выдохнула я, тщетно пытаясь ее успокоить. — Да замри ты, ши тебя возьми! Она и замерла, правда, в той же позе, в какой находилось до этого. Зрелище было настолько же отталкивающее, насколько комичное, — никак чувство черного юмора во мне пробудилось.

— Хотя некромантия не является основным моим профилем, могу с уверенностью сказать, что вы очень одаренны, — спустя недолгую паузу констатировал теневой охотник. — Судя по тому, что мне довелось видеть, магия смерти преобладает в вас над магией ундин. Надо ли говорить, что такая «похвала» меня ничуть не обрадовала? Уж не знаю, как там распорядилась моими способностями природа, но некромантом я никогда не была и быть не собираюсь! Хочу быть ловцом потерянных душ, служить на благо родного корпуса и королевства, развиваться как ундина и исполнять свой прямой долг, помогая отыскать осколки кристалла душ! Но когда это мы получали все, что хотим?

Пичуга продолжала в непонятном положении возлежать на снегу, и я уже собралась предпринять очередную попытку это исправить, как вдруг прозвучал флегматичный голос Дымка:

— Хозяин идет.

Мое сердце отреагировало быстрее разума, забившись с невероятно бешеной скоростью. Кажется, его стук раздавался на весь лес, когда я оборачивалась в ту сторону, где проявлялся белесый туманный проем. Замерев, как та птичка, я неотрывно смотрела на выходящего на поляну адмирала королевского морского флота и повелителя уймы потерянных душ — лорда Эртана Рея.

ГЛАВА 3

На меня смотрели хорошо знакомые и до боли родные прозрачно-голубые глаза. Холодный ветер трепал белоснежные волосы и полы накинутого поверх формы черного плаща. Белесый туманный проем, образованный потерянной душой, постепенно развевался, и обладатель тех самых глаз двинулся в нашу сторону.

Сначала я просто стояла, будто примерзнув к месту и не в силах пошевелиться, а затем, повинуясь внезапно нахлынувшему порыву, бросилась ему навстречу. Просто побежала, не задумываясь ни о чем, и уже через несколько мгновений оказалась в сильных, но вместе с тем бережных объятиях.

— Фрида... — выдохнули мне куда-то в волосы, еще крепче прижимая к себе. Кажется, адмирала присутствие свидетелей ничуть не смущало, а я спустя пару секунд все же испытала смущение. И нашла в себе силы отстраниться, хотя впитывать исходящие от него силу и тепло хотелось бесконечно!

Адмирал Рей взял мое лицо в ладони, пристально в него всмотрелся, и увиденное его явно не обрадовало. Нахмурившись, он перевел не предвещающий ничего хорошего взгляд на теневого охотника, и тот, не дожидаясь вопроса, произнес:

— Это нормальная реакция организма. Следующая пара недель будет для нее тяжелой, но она справится.

Адмирал явно хотел что-то добавить, как вдруг его взгляд переместился немного левее, и в прозрачно-голубых глазах отразилось неприкрытое изумление. Видеть лорда Рея столь удивленным мне приходилось нечасто, так что я с не меньшим изумлением проследила за его взглядом, гадая, что же он такое увидел, и наткнулась на парящего поблизости Дымка. Повисла выразительная тишина.

— Невозможно, — вскоре нарушил ее адмирал, неотрывно следя за склонившей перед ним голову потерянной душой.

— Невозможно, — подтвердил теневой охотник. — Но это так. Полагаю, все дело в ауре Фриды. Смесь магии смерти и магии ундин создает особый фон, позволяющий потерянному проявиться.

— Запомни раз и навсегда, последователь Нагхара, я не потерянный, — сузив глаза, возразил Дымок. — Я нахожусь в личном подчинении одного из самых сильных морских демонов!

— Хорошо, — подозрительно легко согласился охотник. И, добавив в голос непривычных саркастических ноток, припечатал: — Значит, прирученный. Ручная потерянная душа.

Светло-голубая призрачная фигура стала стремительно бледнеть, что, должно быть, свидетельствовало о нарастающей ярости. Неизвестно, чем бы закончилась эта перепалка, не вмешайся адмирал Рей.

— Исчезни, — холодно обронил он, и Дымок мгновенно развеялся, не оставив после себя и следа. Хотя его незримое присутствие я все еще улавливала.

— Теперь это. — Адмирал покосился на бездыханную птицу, после чего вновь посмотрел на меня. — Твоя работа?

Я с опаской кивнула. Несмотря на свою магию, позволяющую держать в личном подчинении потерянные души и имеющую прямое отношение к Глубине, лорд Рей в моем представлении был самым честным и светлым человеком из всех, кого я знала. Потому в этот момент я как никогда отчетливо почувствовала себя... неправильной. Запятнанной темной и запрещенной магией. Разве ловец Морского корпуса может поднимать нежить? Разве может касаться покидающих мертвое тело душ? Некромантия — зло в истинном его проявлении. Так считали все. Так считала и я.

Должно быть, все стремглав пронесшиеся в сознании мысли было легко прочесть на моем лице, так как адмирал Рей мгновенно смягчился:

— Ты ни в чем не виновата, Фрида. Не смей корить себя за то, что не в твоей власти. Ты не выбирала магию, с которой родилась. Не выбирала родителей. И теперь просто делаешь необходимое для того, чтобы выжить.

Чуть помедлив, он мягко коснулся моей щеки и негромко добавил:

— У смерти много оттенков. Почти все они темные, поэтому смерть и принято воспринимать как абсолютное зло. Но на самом деле все гораздо сложнее. Порой постичь смерть и то, что за ней находится, еще тяжелее, чем понять жизнь.

Я уже привыкла к его пронизательности и сейчас несколько не удивилась тому, что он фактически ответил на мои мысли.

Слабо улыбнувшись, проговорила:

— Спасибо...

Мне вправду было очень важно услышать такие слова, и услышать именно от него — того, кто был мне невероятно дорог, кого я безмерно уважала и... любила. А еще почти до слез трогало то, как он заботился обо мне. То, что не отвернулся, когда я нуждалась в помощи, поступился своими принципами, пойдя на сделку с пиратом, лишь бы меня защитить. И я знала: лорд Эртан Рей держал обещание не потому, что был благороден, не потому, что надеялся с моей помощью собрать осколки кристалла душ, а потому, что я в какой-то мере тоже была ему дорога.

— На сегодня достаточно, — не терпящим возражений тоном обратился адмирал к теневому охотнику. — Фриде нужно отдохнуть. К слову... — Он извлек откуда-то из-под плаща небольшой темный пузырек.

— Это... — глядя на него завороченно, проронила я.

— «Холодная смерть», — подтвердил адмирал мою догадку. — Зелье, которое поможет тебе восстановиться в случае, если твоих собственных сил останется на грани.

Ну вот. Похоже, теперь меня окончательно и бесповоротно можно причислять к самым настоящим некромантам! Только им это крайне редкое и баснословно дорогое зелье способно помочь при необходимости.

Вздохнув, я приняла пузырек, повозившись, запрятала его во внутренний карман, и мы все вместе покинули лес. Лиса к этому времени оклемалась и дала деру, а тушка птицы по мановению руки охотника обратилась горсткой пепла.

Вернувшись в дом и взглянув на свое отражение, я поняла, что вызвало недовольство адмирала. Вид у меня был как у того, кого сначала убили, затем подняли и упокоили снова. Бледная, с большими потемневшими глазами и обветренными, почти бескровными губами, я напоминала саму смерть! Косичка на фоне этого смотрелась как-то странно, инородно, и я, не задумываясь,

ее расплела. Сильно отросшие волосы сплошной каштановой массой опустились ниже пояса, укрыв меня не хуже плаща.

Смотря в зеркало, я с трудом себя узнавала. Вроде бы те же лоб, нос, губы, овал лица... глаза. Но вот взгляд изменился, и даже я сама не могла понять, что он теперь отражает.

Адмирала Рея и теневого охотника я застала в гостиной, где они обсуждали что-то, стоя у окна. Посчитав своей прямой обязанностью проявить себя как гостеприимная хозяйка, я незаметно прошмыгнула в кухню, где заварила чай. А как только водрузила чайничек с чашками на поднос и вновь вышла в гостиную, входная дверь глухо хлопнула, и через несколько мгновений в комнату вошла госпожа Герра. Я не сразу заметила стоящую позади нее девушку — невысокую, худенькую, с тонкими русыми волосами, собранными в низкий хвост. Ее глаза были опущены, а в руках она держала блюдо, на котором возвышался какой-то пирог. Как раз к чаю...

Вошедшие привлекли внимание адмирала, его разговор с теневым охотником прервался, и во второй раз за вечер повисла тишина. Правда, длилась она недолго, и ее снова нарушил лорд Рей.

— Вы не меняетесь, госпожа Герра, — произнес он, кивнув в знак приветствия.

— Так давно тебя не видела, Эртан, — с улыбкой ответила та. — Как стал птицей высокого полета, так больше и не залетаешь в наши края.

Великое Поднебесье, я когда-нибудь перестану удивляться? Если факт знакомства этой милой пожилой женщины и Флинта еще как-то укладывался у меня в голове, то ее фамильярное обращение к адмиралу королевского флота находилось где-то за гранью!

— Что, Фридоочка, так смотришь? — не укрылись мои чувства от госпожи Герры. — Не ожидала, что я вожу знакомство с самим Эртаном Реем?

Застыгнувшая врасплох, с ответом я сразу не нашлась, а когда он все-таки пришел на ум, старушка огорошила повторно:

— Раньше они с Каем часто посещали Сумеречную Жемчужину. Мальчишки! Тогда еще были зелеными кадетами, только-только вставшими на путь ловцов. Эх, хорошее было время...

— Госпожа Герра! — резко оборвал ее адмирал, которому упоминание о давней дружбе с нынешним пиратом было явно неприятно.

— Мальчишки, — покачав головой, повторила та и без перехода представила свою спутницу:

— Это Яли, помогает мне по дому. Рыбу готовит так, что пальчики оближешь! Вот, принесли вам рыбный пирог. А ты, Фридоочка, если будут нужны какие продукты, обращайся, подскажем, где лучше купить.

Я несколько заторможенно кивнула, пытаюсь осмыслить одну царапнувшую меня деталь.

Сильные маги традиционно являлись долгожителями, и что Флинт, что адмирал обучались в корпусе давно. По всему выходило, что либо в роду госпожи Герры имелись представители долгоживущих рас, либо она сама обладала магией. Внешне она производила впечатление самой обычной человеческой женщины, но я почти полностью уверилась в том, что у нее есть свои секреты.

— Яли, будь порасторопней! — выдернул меня из размышлений бойкий голос госпожи Герры. — Ставь пирог на стол и приборы Фридоочке помоги принести!

Девушка послушно прошла со мной в кухню, где взяла врученные ей тарелки. Я же украдкой рассмотрела ее повнимательней и неожиданно поймала себя на том, что она мне кого-то напоминает. Ее лицо было из разряда тех, что очень легко стираются из памяти, — простое, ничем не примечательное, и все же...

— Простите, мы раньше нигде не встречались? — не удержалась я от вопроса.

— А разве могли? — тихо, вопросом на вопрос ответила Яли.

Тут из гостиной донесся зов госпожи Герры, сетующей на то, что пирог остынет, и мы поспешили обратно — танцевать на руинах теперь уже окончательно погребенного прежнего мира. Теневой охотник и адмирал королевского флота собрались ужинать вместе... должно быть, Глубина с Поднебесьем поменялись местами и все существующее перевернулось вверх дном!

Вечер плавно перетекал в ночь, погода успела смениться с зябкой и слякотной на морозную, отчего оконные стекла оказались покрыты белоснежным узором. И даже он, этот узор, имел свой характер, свой собственный необычный рисунок, как и весь остров, который я вместе с адмиралом отправилась исследовать после ужина.

Он позвал меня сам, и на такое приглашение я откликнулась с радостью. Адмирал Рей мог перенести нас в любое место за считанные мгновения, но мы пошли пешком, двигаясь по улицам незнакомого мне городка, словно две тени. На этот раз я благополучно миновала таверну, у которой мне стало плохо утром, и наконец спустилась по убегающей вниз по склону дорожке. Мир словно замер на границе вечера и ночи — фонари все еще горели, как и окна многих домов, а добропорядочные горожане по пути встречались все реже. Гноллы, тролли, огры, даже друу — вот кто в основном слонялся по путаным улицам Сумеречной Жемчужины. Некоторое время мы шли молча, и первой заговорить я не решалась. Боялась нарушить хрупкое, повисшее между нами с адмиралом чувство доверия и покоя. Наверное, это было странно... точнее, не совсем, а по-настоящему странно — ощущать покой в том положении, в каком я находилась. Но теперь, когда рядом вновь был лорд Рей, морально мне стало гораздо легче. Выйдя на набережную, мы неспешно побрели вдоль беспокойного темного моря. Набережная тоже отличалась от той, к какой я привыкла за долгие годы, — ничем не примечательная, с налетом небрежности и разрухи, но не лишенная какого-то простого, непередаваемого очарования.

— Вы доставили найденный осколок в Гномий банк? — все же решилась заговорить я, задав вопрос, ответ на который знала и так.

— Да, — подтвердил адмирал. — Теперь у нас их два.

— Два? — остановившись, непонимающе переспросила я и следом перечислила: — Один находится у принцессы Калисты, два — у того, на кого работает Флинт, а мы забрали тот самый, найденный в пещере. Почему два?

— Потому что ты, как и твои мать с бабушкой, — прямая продолжательница древнего рода ундин, у прародительницы которого находился осколок. Разумеется, когда сам король потребовал у твоей бабушки, леди Шаркэ, оказать поддержку короне, она не могла оставить этот осколок у себя. Теперь он под надежной защитой.

— Вот как... — задумчиво проговорила я.

А ведь и правда! Почему мне раньше не пришла в голову мысль, что у моих родственничков тоже имеется осколок? Это ведь очевидно.

— Но если два осколка сейчас под надежной защитой, имеет ли смысл пытаться перехватить остальные? — озвучила я посетившие меня сомнения. — Ведь для того чтобы собрать кристалл, нужны все восемь. Если не будет хватать хотя бы одного, ничего не выйдет.

Адмирал остановился и внимательно на меня посмотрел:

— Каждый осколок — часть древнего, могущественного артефакта, Фрида. Могущественного настолько, что в каждой из частей сокрыта сила, достаточная для того, чтобы значительно повлиять на этот мир. Один раз нам всем уже было продемонстрировано, что не существует такого места, куда невозможно попасть. Даже на самый лучший тайник всегда найдется вор, способный его вскрыть. К тому же в данном случае речь идет об особах королевских кровей. Для них открыты почти все двери. И хотя его величество лично контролирует защиту осколков, ни в чем нельзя быть уверенными до конца. Уничтожить их по одному невозможно.

Я коротко кивнула, соглашаясь с такими доводами. Мне и раньше случалось над этим задумываться, и объяснения я находила такие же, какие сейчас дал адмирал.

— И еще, — спустя недолгую, наполненную плеском волн паузу произнес он. — Существует большая вероятность того, что Тайлес также владеет двумя осколками. Вероятно, получил их одним из первых.

А вот это стало для меня неожиданностью. Тайлес — известный, безуспешно преследуемый законом маг смерти, приходящийся мне родным отцом. Если у него действительно есть два осколка, значит, осталась всего одна часть кристалла душ, которая может появиться в любое время и в любом месте.

Подняв с земли мелкий камушек, я замахнулась и бросила его в сторону моря. Тучи немного разошлись, открыв путь легкому серебристому свету, что источала одна из лун. Он стелился по волнам тонкой сияющей вуалью, придав мрачному морю оттенок тайны.

— Как там мой папа? — взглядываясь в даль, спросила я и, чтобы внести ясность, уточнила: — В смысле... Филипп.

Стоя сзади, лорд Рей приобнял меня за плечи:

— Уже лучше, понемногу приходит в себя. Он ведь фактически умер, Фрида. Ты заставила его душу вернуться обратно, а такие вещи не проходят без следа. Все имеет свою цену, и рано или поздно ее придется заплатить.

Развернувшись, я уткнулась в пахнувший холодной свежестью китель, выглянувший из-под распахнутого ветром плаща, и прикрыла глаза. Рядом продолжали обрушиваться на берег волны, откуда-то издали доносились отзвуки песен сирен, в соседних кварталах кто-то кричал густым басом, а я стояла, прижимаясь к обнимающему меня адмиралу, и чувствовала, как на душе становится все светлее и светлее. Будто он — мой личный, разгоняющий темноту маяк... Безмятежность продлилась недолго. Сперва я ощутила, как адмирал напрягся, затем услышала позади какой-то свистящий звук, а уже в следующую секунду оказалась стоящей за спиной лорда Рея, одна из подчиненных душ которого отбросила кого-то в сторону. Все произошло настолько быстро, что я не успела среагировать и увидела только трепыхающееся на снегу тело. Адмирал подошел к нему, и неизвестный тут же вскочил на ноги, бросился вперед, вооруженный блеснувшим на свету ножом, но спустя миг снова корчился на снегу. Нападавшего подхватили два бесформенных белесых силуэта, подняли в воздух, и адмирал сдернул с его головы капюшон. Увидев открывшееся лицо, я вскрикнула. У мужчины была белая, отдающая синевой кожа, испещренная множеством мелких порезов, складывающихся в странный узор. Волосы отсутствовали, и от бритого затылка до лба шла татуировка в виде вязи неизвестных символов, органично вписывающихся в рисунок порезов. Завершала жуткий облик черная повязка, закрывающая глаза.

И от запоздалого испуга, и от увиденного сердце бешено заколотилось, и я глубоко вдохнула, сию же секунду успокоить. Адмирал же в это время негромко, но очень выразительно выругался, что происходило совсем нечасто. Всегда сдержанный, держащий эмоции под контролем, непристойно выражаться он позволял себе крайне редко.

— Ты-ы-ы, — прохрипел висящий в воздухе незнакомец, указав на меня тонким скрюченным пальцем, — должна умереть...

По позвоночнику пополз холодок, вызванный вовсе не усилившимся к ночи морозом. Черная повязка только усугубляла и без того жуткий вид странного мужчины, и казалось, что скрытые ею глаза все равно меня видят.

— Ты из приверженцев культа Лайара? — В голосе адмирала звучал лед, а тиски потерянных душ, держащие нападавшего, усилились. — Отвечай!

На какое-то мгновение показалось, что он сейчас действительно ответит, — его тонкие губы приоткрылись, выпуская короткий выдох... но выдох оказался предсмертным. На этот раз не успел отреагировать даже адмирал. В мгновение ока темная вязь на коже мужчины засветилась и тут же осыпалась пеплом, а следом за ней, нечеловечески закричав, обмяк сам незнакомец, уронив голову на грудь.

Наверное, стань я свидетельницей такому еще пару недель назад — лишилась бы чувств или бежала без оглядки. Но за последние дни смерть стала до того привычной, что сковавший меня ужас быстро исчез. Заставив себя сделать первый шаг, дальше я двигалась решительнее и, подойдя к распластавшемуся на земле человеку, обратилась к адмиралу:

— Что за культ Лайара?

Тот некоторое время помолчал, после чего все-таки ответил:

— Как тебе известно, Лайар — один из верховных столпов Глубины, которого многие считают и вовсе высочайшим. В его власти находится сама смерть, поэтому некроманты издревле находятся под его покровительством. У каждого поднебесного и глубинного, помимо наследников силы, есть те, кто им поклоняется. В нашем королевстве, особенно в Сумеречье, распространен культ Ританы, а здесь, в Сумеречной Жемчужине, чтят и боятся Лайара. На северном побережье ему даже возвели храм, где регулярно проводятся обряды. Поклонения любым глубинным официально запрещены, но этот островок всегда жил по своим собственным законам.

Присев, лорд Рей оголил запястье нападавшего, приподняв рукав балахона, и произнес:

— Существуют яркие приверженцы культа Лайара, поклоняющиеся в том числе магам, обладающим даром некромантии. У них на запястье всегда есть соответствующий знак. Присев рядом, я рассмотрела в полумраке символ Лайара, который прежде уже видела неоднократно. Знак был небольшим, но все же четко читался на тощем запястье мужчины.

— Но если он один из тех, кто почитает некромантов, почему пытался меня убить? — в недоумении спросила я.

— А вот это мы и должны узнать, — отрезал адмирал и, поднявшись, помог встать мне. — Ты возвращаешься домой, а я наведу в... одно место.

Подчиненная душа уже сложилась в белесый проход, когда я отрицательно покачала головой и, уверенная в своем решении, возразила:

— Нет. Я иду с вами.

Я видела, что он намеревался без лишних разговоров перенести меня в дом, но в последний момент что-то его остановило. Возможно, обуявшая меня решимость, которая, по ощущениям, сквозила в моем облике. Неопределенно поведя плечами, адмирал взял меня за руку и первым шагнул в проход. Перед глазами тут же все поплыло, а когда зрению вернулась ясность, я обнаружила, что мы стоим на припорошенном снегом пригорке, откуда тянется узкая дорожка, ведущая к... храму?

О том, что это мрачное, полуразрушенное строение является именно храмом, можно было догадаться только по воздвигнутой перед ним статуе Лайара, возвышающейся на мраморном постаменте. В отличие от самого храма, статуя, несмотря на старину, сохранилась хорошо и, если не считать отбитой по локоть левой руки, выглядела вполне презентабельно.

Вот только само это место — и массивное темное строение, частично разрушенное, и эта самая статуя, и атмосфера — производило гнетущее впечатление. Я поймала себя на том, что невольно впиваюсь ногтями в ладони и дышу через раз — как будто даже здешний воздух напоит темным ядом.

Снова вложив руку в протянутую ладонь адмирала, я стала спускаться к храму вслед за ним. Несмотря на первое впечатление, о своем решении прийти сюда я не жалела. В конце концов, просто преступно отсиживаться в стороне, в то время как другие постоянно рискуют, причем чаще всего — ради тебя!

Ночь сгустилась, сумерки из синеватых и легких сделались чернильными и плотными, похожими на густое чернягодное варенье, какое использовали для приготовления десертов почти во всех кондитерских Сумеречья. Ни единая луна не пробивалась сквозь тесно жмущиеся друг к другу плотные тучи, и темноту разгонял лишь свет расставленных вокруг храма факелов, на которых подрагивал огонь саламандр.

Кажется, мы находились где-то на окраине... если таковое определение можно применить к острову.

По пути к храму нам никто не встретился, и когда к нему приблизились — тоже. Вблизи это округлое, встречающее потрескавшимися колоннами строение казалось еще более гнетущим. И дело было не столько в его внешней мрачности, сколько в каком-то необъяснимом чувстве могущественного страха, которое оно внушало. А возвышающийся надо мной Лайар с прищуренными, ничего не выражающими, инкрустированными черными камнями глазами это чувство только усиливал.

— Не бойся, — словно прочитав мысли, обратился ко мне адмирал. — Со мной ты в безопасности.

В этом я не сомневалась ничуть. И все же беспокойство нарастало, а вместе с ним приходила и злость на саму себя. Мне уже давно надоело ощущать себя слабой, не способной защититься девочкой, являющейся для многих всего лишь пешкой.

Не знаю, в какой именно момент во мне родилось такое желание, но теперь я сильнее всего хотела превратиться из пешки если не в ферзя, то хотя бы в ладью. Впрочем, учитывая положение, я уже долгое время походила скорее на короля — беспомощного, ведомого и тщательно оберегаемого...

Внутри храм оказался таким же мрачным, как снаружи. Гладкий и начищенный до блеска черный пол отражал высокий и такой же черный потолок, походящий на беззвездное ночное небо. Холод здесь был куда ощутимее, чем на улице, — жаливший, пробирающий до костей и затрагивающий самую душу.

Осматривая зал, в котором мы вскоре оказались, я поежилась. Он был пуст — никаких фанатиков Лайара, да и вообще никого. Только в самом центре стояли два невысоких продолговатых постамента, один из которых покрывала черная бархатистая ткань.

Неожиданно остановившись, адмирал тоже окинул зал беглым взглядом. А затем вытянул вперед руки, и с его пальцев один за другим стали срываться знакомые белесые силуэты, от появления которых тут же усилился холод. Подчиненные души, со свистом рассекая воздух, разлетелись по всему храму, а некоторые вернулись за его пределы, чтобы исследовать окрестности.

— Они никого не найдут, — прозвучало до того внезапно, что я едва не вскрикнула.

— Что ты здесь делаешь? — не оборачиваясь, спросил адмирал Рей.

Оторвавшись от колонны, Флинт неспешно, с исчезающей усмешкой приблизился к нам и невозмутимо бросил:

— Приобщаюсь к духовному. Надо же когда-то начинать заботиться о своей пропадающей душе.

ГЛАВА 4

Сарказм пирата я оценила. Учитывая, в честь кого был воздвигнут этот храм, последнее, для чего он предназначался, — спасение души.

— Они ушли около часа назад, — сообщил Флинт, подразумевая приверженцев культа. — Вообще они проводят здесь каждую ночь, но сегодня у них встреча. Взгляни. — Он протянул адмиралу округлый и продолговатый красный камень. — Это они оставили на постаменте. С магической защитой постарались на славу, но мой охотник с ней справился.

Когда камень оказался в руках адмирала, я поняла, что он собой представляет. В корпусе служили близнецы-саламандры, и как-то мне доводилось видеть у них точно такие же камушки, являющиеся проводниками силы. В нашем суровом климате саламандрам приходилось несладко, а такие проводники могли не только вбирать в себя пламя, но и изменять его, чтобы потом напитывать своих обладателей.

— Шайхар, — глядя на камень, произнес адмирал.

Покопавшись в недрах беспокойной памяти, я припомнила, что это имя принадлежит саламандру-полукровке, вместе с глубинной ведьмой работающему на принцессу Калисту.

— Именно, — с прежней беспечностью подтвердил Флинт. — Он подкинул фанатикам Лайара информацию о том, кем является синеглазка. Младшая принцесса, вероятно, надеялась, что они станут одновременно служить ей и оберегать Фридопку, но ошиблась. Эти ребята по-настоящему двинутые и считают, что маги смерти должны быть чистокровными, иначе это осквернение крови самого Лайара. Поэтому вместо того, чтобы раболепствовать и преклоняться перед новоявленным некромантом, они вознамерились Фриду убить.

Я даже не удивилась. Уже сбилась со счета, сколько раз окружающие так или иначе желали моей смерти. Тот же Флинт, несмотря на нынешнюю защиту, в конечном счете намеревался собрать кристалл душ и понимал, что ради этого мне придется умереть. Все происходящее с его стороны было не более чем продуманной игрой, каждый ход которой служил для достижения главной цели. И я для него, как и для всех остальных, кроме Эртана Рея, являлась той самой важной, но безвольной фигурой.

— Мне пора на аудиенцию к королю, — спустя несколько секунд молчания произнес адмирал, метнув в мою сторону короткий взгляд, а затем вновь посмотрел на пирата.

Тот, словно заранее это предвидя, иронично бросил:

— Не беспокойтесь, адмирал Рей, гроза всех морей, этим вопросом займусь я.

«Гроза всех морей» никак не прокомментировал слова Флинта, хотя было заметно, что сложившаяся ситуация его изрядно раздражает. Вероятно, он ни за что не доверился бы пирату, имейся у него выбор.

— Пойдем, — позвал адмирал, тронув меня за локоть. — Здесь делать нечего.

«

Тебе

здесь делать нечего» — так и говорили его глаза. И с этим утверждением я была более чем согласна. Покинув храм Лайара, мы остановились неподалеку от входа, в то время как Флинт задержался внутри.

Развернув меня лицом к себе, адмирал Рей долго смотрел мне в глаза, и я, не сдержавшись, спросила:

— Вы... еще придете?

— Иногда ты задаешь очень глупые вопросы, Фрида. — Он невесело улыбнулся. — Я буду навещать тебя при любой представившейся возможности. Главное — помни, что сейчас только от тебя зависит, как скоро ты вернешься в корпус.

Напоследок он снова меня обнял, а затем отступил на шаг и уже совершенно иным тоном добавил:

— Старайтесь, ловец Талмор. Подчините темную магию, справьтесь с самой собой и не смейте унывать!

Он шагнул в туманный проход, и, когда тот почти исчез, я пообещала:

— Постараюсь... — а затем, повинувшись какому-то необъяснимому порыву, от всего сердца тихо пожелала: — Пусть алый рассвет всегда освещает твой путь, Эртан...

Поднеся к губам замерзшие пальцы, я еще некоторое время стояла неподвижно, прежде чем меня настигло насмешливое:

— Очень трогательно, синеглазка. Жаль, он этого не услышал.

Пират, о котором я почти забыла, совершенно неожиданно оказался за моей спиной, и мне, не желающей сейчас вести разговоры, осталось только сбросить оцепенение и двинуться вперед по ведущей прочь от храма тропе.

Флинт ожидаемо шел следом. В отличие от меня, он явно пребывал в прекрасном расположении духа и неустанно что-то говорил. В частности, счел нужным заметить, что мне в свете последних обстоятельств никак нельзя забрасывать тренировки, поэтому к помощи теневого охотника мы прибегать не будем и домой пойдем пешком.

Меня очень насторожило это его «мы», произнесенное таким тоном, словно...

— Ты задержишься в Сумеречной Жемчужине? — не оборачиваясь, с подозрением спросила я.

— Должен отметить, я ее и не покидал, — легко ответил Флинт. — «Черный призрак» все еще ютится у этих славных берегов. А в ближайшие дни, синеглазка, я планирую испытать все прелести сухопутной жизни, поэтому спешу сообщить, что крышу намерен делить с тобой. Я споткнулась.

— Ай-ай-ай, — не укрываясь от него моя неловкость. — Похоже, ты угробишь себя раньше темной магии. То давишься, то спотыкаешься... или на тебя так действует мое присутствие? Согласен, я всегда был неотразим.

— Не смешно, — не придумав ничего лучшего, вспыхнула я.

— Конечно не смешно. — Вопреки словам, он явно улыбался. — На самом деле печально, что ты все еще не можешь назвать старину Рея по имени.

Короткая, но крайне выразительная пауза и еще более довольное:

— А со мной так легко перешла на «ты»!

В этот момент я была очень близка к тому, чтобы сорвать с какого-нибудь столба объявление о розыске, отправиться в столицу и сдать одного конкретного пирата властям! А еще в полной мере понимала Гвиану — несчастную потерянную душу, над которой при любом удобном случае измывался Флинт. Похоже, теперь, за неимением ее поблизости, он решил переключиться на меня. И, что самое прискорбное, слушать его насмешки мне предстояло долго.

Наверное, разумным было бы вообще никак на них не реагировать, с чем я успешно справлялась прежде. Но, Глубина все поглотит, я же в последнее время ужасно нервная! Некроманты, убийства, поднятие нежити... хоть плачь! Или ищи какой-нибудь столб, только уже с целью побиться об него головой.

Путь до дома оказался неблизким. Как вскоре выяснилось, храм Лайара и мое последнее прибежище находились в разных концах острова, а учитывая, что Флинт внезапно изъявил желание заглянуть в таверну на поздний ужин, наше возвращение домой растянулось на несколько часов. Мы прошли две таверны, прежде чем Флинт отвесил до издевательства галантный поклон, пропуская меня в двери третьей, с говорящим названием «Заплесневелый ботинок». Видимо, предполагалась ассоциация с неудачным уловом рыбаков, но мне на ум сразу пришли большие ботинки какого-нибудь тролля, ведь эта раса, как известно, чистоплотностью не отличается.

Тем удивительнее было уловить внутри не вонь, а приятный запах жареной рыбы. Убранство таверны оказалось более чем скромным: грубо сколоченные деревянные табуреты и столы, низкий, испачканный сажей потолок, несколько чадящих факелов на стенах (нет, об огне саламандр здесь не слышали) и покрытая темным налетом картина, висящая на противоположной от входа стене.

Зато обилие гудящих посетителей знатно оживляло это место, а милые улыбки симпатичных подавальщиц делали это место уютным. По атмосфере оно смахивало на «Щупальце кракена» — таверну в Сумеречье, которую я в свое время часто посещала.

Свободных мест не наблюдалось, но Флинт, исчезнувший на пару минут, уже вскоре махал мне из-за стола, откуда понуро отходила троица гномов.

Уж кто бы сомневался...

— Кай! — как только я присела, воскликнул нарисовавшийся рядом грузный огр. — Ты это... того... где пропадал, а?

Присмотревшись к нему внимательнее, я заметила, что огром владелец таверны (сразу стало понятно, что это именно владелец) был лишь частично. Даже не наполовину, возможно, на треть. Очень крупный парень с чуть сероватым оттенком кожи, большими щеками, в которых при улыбке тонули глаза, и округлым подрагивающим животом, он являлся обладателем таких старых и огромных ботинок, что с одного взгляда можно было догадаться — в их честь и названо сие заведение.

— К чему тебе слушать унылые рассказы морского бродяги? — Откинувшись на спинку стула, Флинт обворожительно улыбнулся проходящей мимо подавальщице и ловко принял у нее, моментально зардевшейся, меню.

Я только негромко хмыкнула: не у одной меня такое глупое свойство — моментально краснеть...

— Лучше поделись своими новостями, — прикрыв один глаз, лениво протянул Флинт. — Ты же лучший источник информации во всей Жемчужине, даже госпоже Герре с тобой не сравниться. Щеки огра заполыхали не хуже, чем у подавальщицы, и на его губах заиграла польщенная улыбка. Бегло осмотрев зал и убедившись, что все спокойно, он присел за наш столик, отчего тот характерно завибрировал, а стул натужно скрипнул.

— Стражей к нам, грят, пришлют, — понизив голос, поделился хозяин таверны. — Грят, целых три патруля, да еще и начальство сменят. Наш-то капитан стражи знай себе денежки в карман кладет да на все темные делишки глаза закрывает. Еще и сам с контрабандой повязан... Хотя что это я тебе рассказываю? И так знаешь. Так вот, ни с того ни с сего вчера поступил указ о его смещении. Не сегодня завтра новая шишка придет.

Флинт чуть прищурился и побарабанил пальцами по крышке стола:

— А вот это не вовремя.

— Так и я грю! — обрадовавшись поддержке, продолжил изливаться душа огр. — Жили же прекрасно, ладно все у нас устроено было, а тут — н

а

тебе! Они ж явно какого-нибудь чистого на руку пришлют. Ни договориться с ним, ни стаканчик по делу пропустить... тьфу! — На его лице проступила искренняя досада, и он залпом осушил своевременно подоспевший «стаканчик». — А у меня еще и налоги за последние семь лет не уплачены!

Пока он продолжал жаловаться на несправедливость жизни и делиться еще некоторыми не особо важными сплетнями, я задумалась над тем, что услышала. Могла бы поклясться, что смена местного капитана стражи произошла в нынешнее время не просто так. Преступность здесь, судя по всему, процветала долгие годы, и власть это особо не заботило. Королевство всегда было куда более заинтересовано в поддержании порядка на территории Сумеречья, где и закон действовал жестче, и формальности соблюдались строже. Совпадение ли, что перемены на этом маленьком клочке земли начали происходить с моим здесь появлением? Возможно, королю стало известно о моем нынешнем местоположении? Или он просто в связи с последними обстоятельствами решил установить здесь усиленный контроль?

Вообще-то информация о моем отсутствии в Морском корпусе дойти до столицы была не должна. И все же меня кольнуло беспокойство. Даже если дополнительные патрули стражей на Жемчужине не связаны непосредственно со мной, их появление осложняет дело. Конечно, мои портреты, слава поднебесным, столбы не украшают, но вот Флинту и теневому охотнику снова придется скрываться. Дело для них привычное, но неудобства определенно доставит.

— А, чтоб их всех гидра на дно утащила! — провозгласил тост вконец расчувствовавшийся огр, опустошив второй стакан.

— Да ладно тебе. — Губы Флинта вновь растянулись в ленивой улыбке. — Этот островок превратился в стоячее болотце, которое давно пора разворошить. Выпьем лучше за мою очаровательную спутницу!

Флинт скосил на меня глаза, но я сделала вид, что не заметила. Подавальщица тем временем принесла к рому три миски с похлебкой, где виднелись щедрые куски рыбы и лиловобородые мидии.

— Глянь-ка, и правда очаровательная, — словно только сейчас меня заметив, согласился огр. — Ладная такая!

Его взгляд я проигнорировала тоже.

— Ну же, синеглазка. — Флинт придвинул ко мне наполненную ромом кружку. — Грех не выпить за собственное здоровье и счастливую судьбу!

— Пить отраву за собственное здоровье — верх идиотизма, — мрачно бросила я, принявшись за похлебку.

Практически всю жизнь проведя бок о бок с папочкой, не просыхающим целыми днями, к алкоголю я испытывала стойкое предубеждение. И хотя адмиралу Рею удалось уговорить меня пару раз попробовать хорошее вино, ром и все крепкое спиртное я по-прежнему ненавидела искренне и всей душой.

— Ну нет так нет, — легко пережил мою несговорчивость Флинт и как бы по секрету поделился с огром: — С виду создание невинное, но упрямство у нее ослиное.

Пока пират с владельцем таверны продолжали приговаривать бутылку, я доела похлебку и, насытившись, неспешно скользила взглядом по залу. Посетителей становилось все больше, несколько особо громких компаний пировали на славу, заказывая, кажется, все блюда из меню. Кто-то сидел поодиночке, кто-то парами, кто-то просто зашел отдохнуть, а кто-то обсуждал насущные, не предназначенные для ушей посторонних дела — все как обычно.

Подперев подбородок рукой, я, скучая, перевела взгляд на дверь и зевнула, как вдруг та открылась. В таверну ворвался промозглый ветер. Вошли два посетителя, на которых я невольно задержала взгляд. Высокие, в черных плащах, они немного постояли, осматриваясь, а после двинулись к единственному свободному столику, стоящему недалеко от нашего.

Заняв пустующие места, новые посетители некоторое время сидели молча, и лишь когда к ним подошла подавальщица, на грани слышимости прозвучал голос, показавшийся мне каким-то неестественным. Возникло ощущение, будто он принадлежал девушке, но она старалась сделать его ниже и грубее, чтобы ее приняли за парня. А еще этот голос, несмотря на искаженность, показался мне знакомым, что было уж совсем странно.

Может, я схожу с ума?

Сначала помощница госпожи Герры знакомой показалась, теперь вот голос посетительницы...

И все же я продолжала украдкой поглядывать на соседний столик. Вскоре новым гостям принесли заказанное жаркое, и, когда те принялись за еду, я заметила, как из-под кашошона предположительно девушки выглянула и тут же исчезла светлая платиновая прядь. Это еще больше привлекло мое внимание и вынудило задуматься. Светлая платиновая... Альвы?

Конечно, светлыми волосами обладали многие, и просто так определить принадлежность к этой расе было трудно, но все-таки я интуитивно чувствовала, что права. А следом на меня будто вся Глубина обрушилась: подумалось, что голос принадлежит Сильвии Уилград — моей сослуживице, потомственному ловцу и представительнице одного из самых известных кланов альвов.

«Да ну, глупость какая, — тут же мысленно возразила я себе. — Как она могла здесь оказаться? Сильвия находится в Морском корпусе Сумеречья...»

Тем временем хозяин таверны поднялся из-за стола, отчего тот снова содрогнулся, и, перекинувшись напоследок еще парой слов с Флинтом, вернулся к работе. По дороге

недовольно гаркнул на подавальщицу, уронившую стакан, и заискивающе улыбнулся какому-то кивнувшему ему мужчине.

— Куда уплыла, синеглазка? — выдернул меня из размышлений Флинт, который, несмотря на выпитое, казался абсолютно трезвым.

Не дожидаясь ответа, он проследил за моим взглядом и спустя пару секунд молчания хмыкнул:

— Легки на помине.

— Ты их знаешь? — тут же переключилась на него я. — Кто это?

— А ты разве не догадалась? — вопросом на вопрос ответил пират, явно наслаждаясь моей растерянностью. — Ну же, прелесть моя, интуиция — единственная особа в этом мире, которой можно доверять.

Не веря в то, что правильно его понимаю, я помотала головой и усомнилась:

— Быть не может! Это какой-то бред...

— Не очень-то вежливо называть леди из именитого клана бредом, — делано укорил меня Флинт, лукаво сверкнув карими глазами. — Тем более когда ваши истории так похожи. Обе вынуждены покинуть корпус и скрываться на славном острове.

Все еще не понимая, как такое может быть, и гадая, не издевается ли надо мной пират, я вновь посмотрела на соседний стол и неожиданно наткнулась на прикованный ко мне взгляд.

Сильвия... если это действительно была она, рассматривала меня столь же пристально, как я ее. И, могла бы поклясться Поднебесьем, она была поражена не меньше моего!

— Дорогая, будь добра, еще рома, — словно издалека донеслась до меня просьба Флинта, обращенная к подавальщице. А следом обещание, адресованное уже мне: — Если прекратишь так откровенно пялиться на наших соседей и обратишь на меня свои прекрасные очи, расскажу любопытную историю.

Завладев моим вниманием, он расслабленно, словно говоря о чем-то незначительном, поведал:

— Жених твоей сослуживицы был напрямую связан с альвом, который действовал по указке Шайхара и глубинной ведьмы. Обоих альвов задержали, а клан Уилград прервал всяческие отношения с кланом Нортрес, откуда родом несостоявшийся жених, помолвка с которым, естественно, была расторгнута. Однако Нортресы, до конца верные принцессе Калисте, сочли бывших друзей предателями и объявили им войну. До настоящих действий дело, разумеется, не доходит, но Сильвия пребывает в опасности. Она хотела остаться в корпусе, но родные настояли на том, чтобы она на некоторое время залегла на дно.

Сказать, что я была поражена, — это не сказать ничего. Но больше всего меня занимало следующее.

— То есть ее клан считал, что она будет в большей безопасности в Сумеречной Жемчужине, а не в Морском корпусе?

В такое, откровенно говоря, верилось с трудом.

— По крайней мере, Нортресы уверены, что Сильвия по-прежнему находится на службе, а о ее истинном местоположении не знают. Занятно. — Флинт покосился на ее спутника, тоже периодически бросающего взгляды в нашу сторону. — Этак Сумеречная Жемчужина совсем пропадет. Мало адмирала, так теперь еще и капитан сюда таскается.

А вот теперь, сообразив, кого имеет в виду пират, я оторопела окончательно. Спутником Сильвии Уилград был не кто иной, как капитан Вагхан — гроза всего корпуса и предмет ее сумасшедшей любви.

Наученная горьким опытом, я уже приоровилась быстро справляться с ошеломляющими новостями и присутствие в Жемчужине сослуживцев выбило меня из колеи ненадолго. Хотя ситуация была и впрямь из ряда вон выходящая — капитан Вагхан, ужинающий в таверне, что располагалась на сомнительном, забытом Поднебесьем острове!

Я не знала, как себя вести: оставаться на месте, подойти к ним или просто сделать вид, что мы незнакомы. Эту дилемму за меня решил Флинт, который, разделавшись с последней кружкой, объявил, что пора уходить. Я заметила, что он намеренно обошел соседний столик, но все же мною был брошен еще один взгляд на Сильвию. Она тоже продолжала украдкой на меня смотреть, но попытки заговорить или как-то меня задержать не сделала.

Ночь на улице словно стала еще гуще. Плотные тучи осыпали остров влажными хлопьями снега, который, падая на землю, сливался с подтаявшей сероватой массой. Как и планировалось, путь до дома мы с Флинтом проделали пешком, а у двери этого самого дома выяснилось, что иногда пираты свои обещания все-таки держат.

— То есть ты действительно намерен здесь остаться? — с сомнением уточнила я, когда Флинт бесцеремонно ввалился в дом, как... как непосредственно к себе домой.

— В тепле, сухости и сытости? — К этому времени он успел переместиться на кухню и стянуть пару ломтиков вяленого мяса. — Дай-ка подумать... определенно да!

Выпитый ром сделал пирата еще более словоохотливым, ироничным и ехидно-невыносимым. Стремясь отделаться от его общества, я уже начала подниматься в свою комнату, когда на кухне раздался грохот, за которым последовало поминание Глубины, какой-то там бабушки и вонючих троллей.

На миг замерев, я решительно продолжила путь, но тут до меня долетело страдальческое:

— Синеглазка...

«Я его не слышу. Не слышу, и все!»

— Фрилочка...

Природная отзывчивость сыграла против меня, вынудив вновь остановиться. Вздохнув, я поплелась обратно, хотя и понимала — что бы там ни случилось, пират прекрасно может обойтись без меня.

Войдя на кухню, я обнаружила его сидящим на полу и прислонившимся спиной к буфету. Взгляд легендарного капитана пиратов, который в этот момент таковым совсем не выглядел, исследовал кучу лежащих рядом осколков, еще некоторое время назад бывших фарфоровым сервизом.

Сложив руки на груди, я недовольно спросила:

— И что? Предлагаешь мне убрать?

— Подарок госпоже Герре на позапрошлые алые рассветы, — пожаловался Флинт, с сожалением вертя в руках поднятый с полу осколок. И, скорее не увидев, а почувствовав мое удивление, добавил: — Да-да, здесь тоже бывают знаменитые алые рассветы. Точнее, их отсветы.

Я промолчала, произвольно отметив отсутствие теневого охотника. Конечно, существовала вероятность, что он просто находится под пологом тени, но мне, ставшей за последнее время еще более чувствительной к темной магии, думалось, что в доме его вообще нет.

— Жаль, — произнес Флинт, поднявшись на ноги.

Пройдя к дальнему углу ровной, совершенно несвойственной столько выпившему человеку походкой, он достал из-за шкафа веник и принялся невозмутимо подметать.

Хотя появление капитана Вагхана и драматичную историю Сильвии было сложно превзойти, я все же в который раз за сегодня испытала удивление. Прибирающийся пират — зрелище еще то. А прибирающийся неуловимый капитан пиратов, наводящий ужас на всех добропорядочных моряков и даже ловцов, — и вовсе что-то запредельное!

Не знаю, почему я продолжала стоять, подпирая дверной косяк. Возможно, из-за того, что совершенно не хотела спать или, что более вероятно, в глубине души страшно боялась остаться в одиночестве. Боялась тьмы, которая только притаилась где-то внутри меня и могла напомнить о себе в любой момент.

Закончив подметать, Флинт потянулся, лениво вернул веник на место и приблизился ко мне. Я тут же посторонилась, давая ему пройти, и он прошествовал в гостиную, где буквально рухнул на диван.

В камине пылал огонь, служивший единственным источником света, за окном завывал расшалившийся ветер, и несмотря на то, что находилась в обществе пирата, чувствовала я себя уютно. Флинт как никогда казался абсолютно безобидным. Пожалуй, настолько расслабленным и похожим на обычного человека я его еще не видела.

— Синеглазка, а почитай мне? — неожиданно попросил «похожий на обычного человека».

Нет, больше удивляться его причудам я не собиралась!

Его-то причудам не собиралась, а вот сама себе удивилась... потому что вместо обычного «нет» не без сарказма уточнила:

— О флаге с костями и морских разбоях? Или инструкцию по поиску осколков кристалла душ?

— «Старый маяк» Вайра Оттера, — положив руки под голову, отозвался Флинт.

Сперва я подумала, что это шутка, но он, заметив, что я не верю, добавил:

— Третья полка книжного стеллажа, крайний том справа. Самый потрепанный, ты не перепутаешь.

Подозревая, что надо мной все-таки снова издеваются, я подошла к обозначенному стеллажу и, пробежавшись кончиками пальцев по корешкам книг, остановилась на последней. Еще до того, как взять ее в руки, я уже знала, какое название написано на обложке. «Старый маяк» — гласила надпись на потертом темно-синем переплете. Точно такую же книгу я и сама зачитала до дыр еще в то время, когда училась в школе. Помнится, тогда я перечитала почти все доступные книги из небольшой городской библиотеки, но именно эту любила больше всего. Вайр Оттер удивительно проникновенно и точно описывал свою жизнь смотрителя маяка, наблюдающего за морем и безгранично его любящим. «Только сегодня, в эти самые минуты я понял, что море не способно кому-то принадлежать. Такова его натура, хотя я долгие годы считал море своим» — такими строками начиналась первая глава, которую я почти дословно помнила наизусть. Медленно подойдя к креслу, я опустилась в него и подняла взгляд на Флинта, который в этот момент смотрел в потолок.

ГЛАВА 5

— Вайр Оттер, удачливый ши, — усмехнулся пират, когда я закончила читать вторую главу. — Получил отказ в стольких издательствах, но в итоге сумел добиться публикации в самом невзрачном. И смотри-ка к какой популярности это привело...

— Не думаю, что его можно назвать популярным в полном смысле этого слова, — отложив чтение, возразила я. — Никто не знает его в лицо, да и имя на обложке явно является псевдонимом. Кроме того, он написал всего одну книгу, а чтобы поддерживать известность, нужно часто о себе напоминать.

— Ты так много знаешь об известности? — усмехнулся Флинт.

— Куда уж мне до славы капитана пиратов, — все-таки я точно подцепила от него вирус ироничности и сарказма. — Тем не менее, — уже серьезно продолжила я, воодушевленная обсуждением творчества любимого писателя, — нельзя оспаривать тот факт, что Вайра Оттера долгое время читали, лишь отдавая дань моде, что очень печально. А за последние годы эта мода прошла, что печально вдвойне. Мне кажется, мало кто может по-настоящему прочувствовать и понять все то, о чем он пишет.

Ко мне обратился взгляд прищуренных, поблескивающих глаз.

— А ты, значит, можешь?

Я немного смутилась, но все же ответила:

— Мне кажется, да.

— Ты совсем не похожа на девчонку, выросшую в трущобах. — Губы Флинта сложились не то в привычную усмешку, не то в совершенно непривычную улыбку.

— Так я не только девчонка из трущоб, — с показным весельем отозвалась я. — Еще ундина особых кровей. И преемница темного мага.

— И подруга пирата, — добавил Флинт.

— Это чересчур громко сказано, — не согласилась я.

Он неотрывно смотрел на меня несколько долгих мгновений — так, словно видел в первый раз и изучал каждую малейшую, даже мне неизвестную деталь, а затем с ленивой ухмылкой заверил:

— Не беспокойся, синеглазка, я предпочитаю блондинок. С вами, брюнетками, всегда сплошные проблемы.

У меня в мыслях тут же возник образ, который я однажды видела на старой карточке: девушка в очках с двумя темными длинными косами. Гвиана, которая некогда служила в одном отряде с Кайером Флинтом и Эртаном Реем, а затем погибла и теперь работала в библиотеке Морского корпуса в виде привязанной к ней души.

Гибель Гвианы до сих пор являлась для меня нерешенной загадкой, но одно было известно точно: в ее смерти так или иначе был повинен Флинт. По крайней мере, именно так считала она сама.

Время уже неприлично позднее, моя темная магия очень кстати о себе не напоминала, и не воспользоваться подвернувшейся возможностью как следует выспаться было бы просто

грешно. Так что я, не ответив на последнее замечание пирата, поднялась и аккуратно положила книгу на кофейный столик. Затем ненадолго замерла перед камином, наслаждаясь идущим от него приятным жаром, и развернулась, намередаясь уходить.

Пока я смотрела на огонь, Флинт успел приготовиться ко сну, что выразилось в снятии сапог и всей одежды, за исключением штанов. Обернувшись и застав его в таком виде, я опешила.

— Что, нравлюсь? — не упустил возможности вогнать меня в краску пират.

Решив оставить без внимания и эту его реплику, я двинулась в сторону выхода из гостиной, но неожиданно что-то заставило меня задержаться. Разумом еще ничего не понимала, а интуитивно улавливала нечто странное, непонятное и определенно темное.

Снова посмотрев на пирата, успела отметить, как он выразительно приподнял бровь, словно бы спрашивая, почему я все еще здесь, а после наткнулась взглядом на черную отметину на его щеке. Она была похожа на незаконченный и очень вытянутый овал, перечеркнутый двумя линиями.

Когда пират заметил мое повышенное внимание, исходящее от него легкое недоумение сменилось напряженностью, а затем на его лицо и вовсе набежала тень. Он резко повернулся ко мне другим боком, посмотрел куда-то в сторону и отстраненно, тоном, каким обычно наводил страх на свою команду, произнес:

— Спокойной ночи, синеглазка.

Таким интонациям подчинялись отъявленные пираты, тролли и гноллы, поэтому уж тем более не смогла не подчиниться я. Не дожидаясь дополнительного приглашения, выскользнула в коридор и, наконец преодолев все лестничные ступени, вошла в свою комнату.

Засыпала я долго, и даже мерный стук капель не мог помочь мне погрузиться в сон. Мороз удивительно быстро снова уступил место сырости, мокрый снег превращался в воду, чтобы затем стечь с крыши. Я пыталась считать капли, но мысли настойчиво кружили в сознании, отгоняя даже намек на желанную дремоту.

Я думала обо всем сразу, но самым ярким предметом размышлений неожиданно для меня самой стала только что увиденная отметина. Знак определенно был мне незнаком, и все же я могла бы поклясться, что это не обычная татуировка. Отпечаток темной магии вот что это такое. Но вот сам Флинт его нанес или же им его кто-то наградил, оставалось неясным. Реакция пирата, когда я заметила этот знак, говорила лучше всяких слов: он не хотел, чтобы о нем знали. Вероятно, Флинт забылся, сняв рубашку, либо думал, что я просто уйду не обернувшись и не замечу.

Приняв решение завтра же попытаться узнать, что обозначает перечеркнутый двумя линиями овал, я решительно перевернулась на другой бок и заставила себя расслабиться. Постепенно многочисленные мысли рассеивались, уступая место невесомому, наполняющему голову туману. Сначала он был легким и светлым, но в какой-то момент стал чернеть, погружая меня во тьму.

Передо мной простиралось буйное Сумеречное море, над которым нависло хмурое, беспросветное небо. Пенились и шипели волны, из которых выпрыгивали дикие русалки, где-то не то пели, не то завывали сирены, на горизонте сошлись объятые пламенем корабли. Опустив взгляд, я увидела свои босые израненные ноги и неровный край разорванного платья.

— Убей... — коснулся слуха чей-то похожий на шелест ветра шепот. — Убей...

Как-то отстраненно я отметила, что в моих руках появился кривой кинжал, и медленно пошла вперед, прямо в воду. Волны не хотели пускать, но, подчиняясь какой-то неизвестной силе, бессильно отступали, позволяя мне пройти.

Я видела перед собой сотканную из тумана фигуру, к которой приближалась с каждым сделанным шагом.

— Убей... — снова шептал ветер.

«Это просто туман, — мелькнула безразличная мысль. — Злой туман...»

Крепче сжав рукоять кинжала, я занесла его над собой и приготовилась обрушить на стоящий передо мной силуэт, когда вместо ветра до меня вдруг донесся сдавленный и сильный женский голос:

— Л-леди Талмор...

— Убей! — громче прежнего зашелестел ветер.

Рука дрогнула, и я прикрыла глаза. Стоило смежить веки, как меня вдруг словно отшвырнуло куда-то назад, а когда я снова посмотрела перед собой, то не сразу поняла, что происходит.

Напротив стояла помощница госпожи Герры, лицо которой пошло неровными алыми пятнами из-за того, что... я сдавливала ее шею.

— Поднебесные, — потрясенно выдохнула я и, спохватившись, отшатнулась. — Яли, прости, я... я не понимаю...

Мы находились в коридоре первого этажа, на мне была надета ночная рубашка, в которой ложилась спать, и как я здесь оказалась, не имела ни малейшего представления. Сказать, что я пребывала в ужасе, — это все равно что промолчать. Мое тело сотрясала мелкая дрожь, Яли медленно осела на пол и смотрела прямо мне в глаза, отчего захотелось немедленно исчезнуть. Прошло не менее полуминуты, прежде чем я обнаружила присутствие теневого охотника. Он стоял поблизости — спокойный и бесстрастный, окруженный клубами темного дыма.

— Вы... — прерывисто проронила я. — Почему вы сразу меня не остановили?! — и без перехода, опустившись рядом с Яли, добавила: — Поднебесных ради, прости! Я не понимаю, как это получилось... Что ты делаешь в этом доме?

— Ее прислала госпожа Герра, — ответил теневой охотник. — Она посчитала, что вас окружает слишком много мужчин и вы не будете против разбавить круг общения девушкой.

— Почему вы позволили мне на нее напасть? — не глядя на охотника, негромко повторила я.

— Это темная магия, леди Фрида. Каждый раз вы должны пытаться справиться с ней сами, иначе всякое обучение бессмысленно. Я знал, что вы остановитесь вовремя, но, выйди ситуация из-под контроля, я бы вмешался.

Только сейчас я обратила внимание, что за окном уже светает. Время стояло раннее, но снова ложиться спать я не собиралась. Слишком страшно было, да и весь сон слетел под натиском ожившего кошмара. Словно наяву я слышала это страшное «убей!», и по коже снова и снова пробегала дрожь.

— Мне не в чем вас винить, — поднявшись, произнесла Яли и тут же помогла подняться мне. — Я пойду приготовлю завтрак, если не возражаете.

Даже имейся у меня какие-либо возражения, озвучить их я все равно была не способна.

Совершенно не представляла, как теперь смотреть этой девушке в глаза, да и просто находиться рядом. Я хотела запоздало сказать, чтобы она возвращалась в дом госпожи Герры и не приходила сюда без лишней надобности, но Яли уже скрылась на кухне.

Поежившись, я обхватила себя руками, недолго постояла, глядя в пустоту, а затем мотнула головой и принялась подниматься по лестнице. Оказавшись в комнате, подошла к настенному зеркалу, с опаской всмотрелась в свое бледное лицо, столкнулась с потемневшими и блестящими синими глазами и будто вновь вернулась к беспокойному морю. Я видела в своих глазах его — бурлящее, темное... пугающее.

— Кто ты? — подышав на стекло, чтобы скрыть свое отражение, спросила себя. — Ундина, маг смерти? Чудовище, ходящее во сне и нападающее на беззащитных людей?

Неожиданно внутри поднялась волна несвойственной мне ярости, в порыве которой захотелось разбить зеркало вдребезги. Перед глазами мелькнула смазанная картина занесенного кинжала, и я замахнулась, но моей руки неожиданно коснулся отрезвляющий холод.

— Я бы вам не советовал, — сложив руки на груди, сказал появившийся передо мной Дымок. — Расцарапаете кожу в кровь, испортите не принадлежащую вам вещь.

— Великое Поднебесье, — в который раз выдохнула я, закрыв лицо руками. — Да что это со мной...

Самобичеванию я предавалась недолго. В конце концов, толку от этого немного, а подпитывать тьму негативными эмоциями — далеко не лучший способ с ней совладать.

Взяв себя в руки, я быстро умылась и переоделась. Хотела заплести привычную косу, но передумала и во второй раз за последнее время оставила волосы распущенными.

Светало медленно, словно сам свет нарочито отворачивался от меня, не желая показываться той, в чьей душе обосновалась ночь. Завтрак проходил в молчании... до тех пор, пока на кухне не появился Флинт со своей извечной ухмылкой. Глаза его лукаво поблескивали.

— Отличное утро, не правда ли? — спросил неприлично бодрый пират.

Я продолжила вяло делить на кусочки приготовленный Яли омлет, а сама девушка тоже промолчала, сделав глоток горячего ягодного отвара. Теневой охотник вновь отсутствовал, как и Дымок, рассеявшийся еще у меня в комнате.

— Прекрасные леди, вы выглядите так, словно проглотили по морскому ежу, — бесцеремонно отправив себе в тарелку булочки и остатки омлета, заметил Флинт. — Сожалею, что, по всей

видимости, вам спалось не так сладко, как мне. Не желаете поделиться, отчего с утра пораньше стены этого дома сотрясались от ужасного шума?

Не отрываясь от своего бесполезного занятия, я равнодушно ответила:

— Ты прекрасно знаешь ответ.

Даже не сомневалась, что ему известно о моем хождении во сне, и теперь он не то по привычке издевается, не то просто хочет это обсудить. Вот только я разговаривать на эту тему сейчас совершенно не желала — и так чувствовала себя хуже некуда, сдерживаясь с большим трудом.

— И давно ты работаешь у госпожи Герры? — Неожиданно внимание Флинта переключилось на Яли. — Что-то не припоминаю твоего прелестного личика среди ее окружения.

— Недавно, — коротко ответила девушка. — Мне требовалась работа, а госпожа Герра была так любезна, что согласилась мне ее дать.

Украдкой взглянув на Яли, я заметила, что пирата она совершенно не боится. Она оставалась тихой, учливой и скромной, но все же в ней чувствовалось нечто такое... необъяснимое, словно никакого страха она не ведала вовсе. Ни перед Флинтом, ни перед кем-либо другим. Еще и ощущение, будто видела ее раньше, никак не хотело меня отпустить, — впрочем, это волновало в последнюю очередь.

Если я по понятным причинам старалась не смотреть на Яли, то Флинт, напротив, демонстративно придвинул к ней стул, подпер подбородок рукой и, прищурившись, принялся гипнотизировать девушку источающим заинтересованность взглядом. Он явно вознамерился ее разговорить.

Мне как-то непроизвольно вспомнился наш вчерашний разговор, где пират упоминал о своей склонности к светловолосым. А Яли как раз обладала светлым оттенком волос. Пожалуй, распусти она их — стала бы выглядеть в разы привлекательнее. Но складывалось впечатление, что она, зная это, намеренно хотела оставаться незаметной. Выставляла напоказ бесцветные брови и невыразительное лицо, а умные глаза, которые можно было причислить к ее достоинствам, всегда опускала к земле.

— И откуда такая милашка родом? — взявшись за кончик ее светлого хвоста, поинтересовался Флинт.

Яли промолчала.

— Неужели такая жемчужина родилась в... Сумеречной Жемчужине? — улыбнувшись тавтологии, предположил пират. — В этом забытом поднебесным месте, где сосредоточен весь глубинный порок?

— Я из таких мест, — Яли спокойно посмотрела ему в лицо, — где вы никогда не бывали. И снова опустила взгляд в чашку, предоставив Флинту размышлять над ее словами. Даже я задумалась, в каких же местах не успел побывать легендарный капитан пиратов? Если верить слухам, он переплыл на «Черном призраке» все существующие в мире моря!

— А ты занятая, — спустя недолгую паузу произнес Флинт, продолжая играть кончиком ее хвоста. — Почту за честь, если столь прекрасная леди согласится вечером при свете двух лун осмотреть мой скромный корабль.

Не удержавшись, я закатила глаза. Уж сколько за свою жизнь навидалась таких вот «моряков», одаривающих простых девушек примитивными комплиментами с целью затащить их на свое... судно. Притом почти не сомневаюсь, что Флинт мог быть куда более изящным в подобных ухаживаниях, но сейчас не считал нужным стараться. Красотой Яли не блистала, положением — тоже, а пират наверняка привык не получать от подобных девушек отказа.

Поэтому, когда Яли, потупив взгляд и слегка покраснев, ответила: «Боюсь, я недостойна такой чести», — во мне всколыхнулась и гордость за нее, и удовлетворение проигрышем Флинта.

Хотя последний, похоже, считал отказ вызовом и, если я хоть сколько-нибудь разбиралась в людях, вознамерился повторить попытку позднее.

Когда он вновь явно захотел что-то сказать, я резко встала и, опередив его, обратилась к Яли:

— Хочу немного пройтись. Не составишь мне компанию?

Мелькнула мысль, что выйти из дома Флинт мне не позволит, но он препятствовать не стал. Я даже немного удивилась. Но еще более странным для меня самой оказалось непонятно откуда возникшее желание взять с собой Яли. Еще неизвестно, что для нее опаснее, — пират или общество той, что недавно чуть ее не убила...

— Конечно, если ты не возражаешь, — подумав об этом, поспешно добавила я.

Яли молча поднялась и, улыбнувшись одними уголками губ, проследовала за мной.

Флинт тоже вышел с нами во двор и вновь, вопреки моим ожиданиям, не стал спрашивать, куда я собираюсь идти. Вместо этого напомнил, что через час теневой охотник будет ждать меня для очередного урока, и направился в сторону, противоположную той, куда пошли мы.

Обернувшись, я еще некоторое время наблюдала за его черным, развевающимся на ветру плащом, пока капитан не скрылся из виду. Не была уверена, но предполагала, что пират решил разобраться с проблемой, касающейся фанатиков Лайара. Каким бы беспечным иногда ни казался Кайер Флинт, он оставался грозой всех морей, островов и даже королевств. А такую славу одними шутками не заработаешь.

Не в пример ему Яли целью нашей прогулки поинтересовалась:

— Куда мы пойдём?

— Не подскажешь, на этом острове есть библиотека? — вопросом на вопрос ответила я.

И уже через четверть часа мы стояли на пороге неприметного здания, по виду ничем не отличающегося от соседних: лавки башмачника и магазина рыболовных снастей.

Несмотря на досадное происшествие этого утра, вчерашний вечер мной забыт не был, а черная отметина на шее Флинта до сих пор стояла перед глазами. Зная по опыту, что в библиотеках зачастую можно отыскать ответы на многие вопросы, я надеялась, что данное правило сработает и на этот раз.

Приоткрытая дверь поскрипывала на ветру, как бы приглашая войти всех желающих, которых, к слову, поблизости не наблюдалось. Не считая, разумеется, нас.

Как только мы с Яли переступили порог, в нос ударил запах затхлости и сырости, чего я совсем не ожидала. Пол под ногами скрипел, точно жалуясь на тяжелую жизнь, стены местами почернели, кое-где даже проступила синеватая плесень.

Короткий темный коридорчик привел нас в относительно большое, но такое же неприглядное помещение, где все свободное пространство составляли проходы между стеллажами. За высоким письменным столом сидела пожилая женщина. Библиотекарь склонилась над раскрытой книгой, и ее седые спутавшиеся волосы закрывали лицо.

— Кхм, — прокашлялась я, привлекая внимание, но меня проигнорировали. — Кхм-кхм, — повторила чуть громче.

Ответа снова не последовало, и я вопросительно посмотрела на Яли. Та сделала несколько шагов вперед и, оказавшись у стола, неожиданно громко позвала:

— Госпожа Айша!

Сгорбленные плечи дернулись, и библиотекарь наконец соизволила на нас посмотреть. Не знаю, каким чудом мне удалось не вскрикнуть от изумления и ужаса: женщина определенно была глубинной ведьмой.

— Ну? — прохрипела она, глядя не на Яли, а прямо на меня своими темными глазами. — Чего уставилась?

Мне тут же вспомнилась ведьма другая — молодая, с длинными бледно-голубыми волосами, что вместе с Шайхаром напала на меня в подводной пещере. Впечатления от той встречи все еще были свежи, поэтому сейчас я оказалась выбита из колеи.

— Прошу прощения, — произнесла, взяв себя в руки. — Мне бы хотелось просмотреть имеющиеся у вас книги.

— У меня? — Ведьма скептически хмыкнула. — Дорогуша, я сижу в этой дыре только потому, что нахожусь в ссылке за давние прегрешения. Если тебе нужно что-то среди этого бумажного хлама — ищи сама.

Я бывала почти во всех библиотеках Сумеречья, и ни одна из них, даже маленькая библиотека господина Слоуэна, не могла сравниться с этой! На моем родном острове, при всей его дурной славе, никто не смел так ужасно обращаться с книгами и местом, где они хранятся!

Закипевшее в душе негодование грозило выплеснуться наружу, но я сумела себя сдержать. Если хочу исследовать здешние книги, ссора с библиотекарем — не лучший способ начать.

Несмотря на внешнее запустение, выбор в этой библиотеке был широк. На стеллажах имелись наименования рубрик, говорящие о разных разделах литературы, среди которых я сразу заметила надпись: «Темная магия». Насколько мне было известно, во всем королевстве действовал закон, запрещающий оставлять свободный доступ к подобного рода книгам. Но Сумеречная Жемчужина и здесь являлась исключением, выказывающим абсолютное неуважение к установленным правилам. Да и разве можно удивляться наличию запретных книг в библиотеке, которая и сама словно вышла из Глубины?

Здесь было темно. Сумрак разгоняла лишь пара ламп, источающих рассеянный голубоватый свет. Наверное, именно из-за плохой освещенности я не сразу обратила внимание на некоторые детали в этом помещении. Но когда присмотрелась внимательнее, взгляду открылись черные обломки ракушек и покрытые налетом кораллы, вросшие в стены. Они виднелись и кое-где на досках пола, которые были мокрыми и темными, отчего создавалось впечатление, будто я стою на корабельной палубе.

Присутствовали в библиотеке и другие странные вещи. К ним, без сомнения, можно было отнести стол, за которым сидела ведьма. Он был завален старыми пожелтевшими свитками и морскими раковинами. Но особенно выделялся посеребривший череп, судя по форме и размеру, принадлежащий дреу. Словом, библиотека стараниями глубинной ведьмы была превращена в ее же логово, находиться в котором было не слишком приятно.

Впрочем, имелись и плюсы: например, из-за повышенной влажности здесь напрочь отсутствовала пыль. Ну а то, что вместо нее книжные полки местами покрывала плесень, — дело десятое.

— Темная магия? — спросила Яли, когда я подошла к нужным стеллажам. — Хотите больше узнать о некромантии?

— Мне нужна кое-какая информация, — уклончиво ответила я, не желая врать.

Пожалуй, интерес к магии смерти в теперешней ситуации был бы естественен, но пока мне хватало того, что рассказывал теневой охотник. А вот природу метки на шее Флинта объяснить было некому — не спрашивать же о ней того же теневого охотника? Я буквально нутром чувствовала, что за ней крылось что-то важное, поэтому, доверившись своей интуиции, приступила к поиску.

Была какая-то ирония в том, что первыми книгами, какие мне попались, являлись посвященные некромантии. Их наличие я уже не удивлялась и мысленно сделала заметку вернуться к ним позже. Как бы то ни было, магия смерти — неотъемлемая часть меня, а значит, хочу того или нет, нужно учиться с этим жить.

Почти все книги были очень старыми, обложки многих пестрили потертостями, а буквы в названиях сделались нечитаемыми. Вездесущая плесень покрывала и некоторые корешки, отчего брать книги в руки было не очень-то приятно. Впрочем, излишней брезгливостью я никогда не страдала, да и к специфическому запаху быстро привыкла. Сосредоточившись на поиске, я мысленно прикидывала, к какой конкретной магии может принадлежать черная отметина. Темной — это понятно, но вот какой именно? Может, защитной? Отводящей глаза? Усиливающей способности? Я не знала наверняка и лишь надеялась, что мне повезет.

Яли тем временем подпирала стеллаж и тихонько что-то напевала, рассеянно наблюдая за моими действиями. Помощь она не предлагала и терпеливо дожидалась, когда я закончу. Имея в запасе всего один час, искать я старалась быстро, но вместе с тем внимательно, стараясь ничего не упустить.

Уже вскоре выяснилось, что книг в этой библиотеке еще больше, чем казалось на первый взгляд. Я успела просмотреть всего пару-тройку полок, когда рядом неожиданно за клубился темно-серый туман.

Теневой охотник появился как всегда внезапно и бесшумно, изрядно меня напугав.

Обернувшись, я наткнулась на темноту, скрытую черным капюшоном, и непроизвольно вскрикнула.

— Горазды же вы пугать, — облегченно выдохнула, когда поняла, кто передо мной.

Приход последователя Нагхара не остался незамеченным, и в следующий миг к теневому охотнику обратилось внимание глубинной ведьмы. Резко вскинув голову, она вперилась в него своими черными, как самая беспросветная ночь, глазами, и накрашенные темно-вишневой помадой губы растянулись в ухмылке. Зубы ведьмы оказались на удивление целыми и даже белыми.

— Не сдох еще, — с легкой хрипотцой приветствовала она. — Видать, глубинные к тебе и впрямь благосклонны.

— И тебе алых рассветов, Айша, — чуть склонив голову, усмехнулся теневой охотник.

Глаза ведьмы сузились, а ухмылка стала шире:

— Раньше ты не был столь любезен. Сколько лет прошло, а?

— Нам пора, — оставив вопрос без ответа, охотник обратился ко мне. — В Жемчужину прибыли стражи, здесь сейчас небезопасно. Две таверны уже перевернули вверх дном, задержали троих.

Ведьма грубо выругалась и одним щелчком пальцев обратила какой-то свиток в пепел. Затем принялась лихорадочно вытаскивать какие-то рукописи из ящиков стола, видимо, чтобы затем перепрятать их в другое место, и швырять их на пол. Попутно во время сего стремительного действия она, утратив остатки доброжелательности, сверкнула на нас черными глазами и рыкнула:

— Чего застыли? Вон отсюда! Это приличная библиотека, последователям Нагхара, некромантам и пиратам здесь не место!

К моему искреннему изумлению, она вдруг заслонила лицо руками, коснулась ладонями кожи и потянула ее вниз. А уже в следующий миг вместо патлатой старухи около стола стояла не очень молодая, но ухоженная и крайне привлекательная женщина, чья мрачная, но в то же время яркая красота могла покорить сердца многих. Вместе с этим изменилась и библиотека: куда-то вдруг исчезли плесень, запах сырости и даже пауки, чья паутина ранее оплетала все углы.

— Вон, я сказала! — уперев руки в бока, грозно повторила Айша. — Кыш-кыш! И ты, — ее взгляд метнулся куда-то мне за спину. — Книгу на место вернул! Живо!

Раздался грохот от нескольких увесистых, упавших на пол томов, и из-за стеллажа выглянул заляпанный ботинок. За ним нога, за ней — половина туловища, а потом на свет вышел целый Пип. Так вот кого подразумевала библиотекарка, говоря о пиратах!

Пип почесал густую черную бороду, шмыгнул носом и, воровато заозиравшись, припустился к выходу. Правда, на полпути был остановлен Айшей, и у него были изъяты две тоненькие брошюры. На него грозился обрушиться очередной поток гнева глубинной ведьмы, но тут за дверью раздался стук приближающихся шагов. Судя по звукам, к библиотеке подошла целая толпа, и не требовалось долго думать, чтобы понять, какие гости сюда пожаловали.

Прежде чем дверь оказалась рывком распахнута, теневой охотник успел набросить тень на Пипа и Яли, а сам вместе со мной перенесся в дом Флинта. Боковым зрением я успела отметить приветливую улыбку, что расцвела на лице Айши, и несколько силуэтов, появившихся в дверях, а затем очутилась в знакомой комнате.

ГЛАВА 6

Прошло еще несколько секунд, прежде чем я облегченно выдохнула. До сих пор я как-то не до конца осознавала свое новое положение и столкнуться с представителями правопорядка не боялась. А сейчас меня внезапно накрыло осознание, что я представляю для них интерес даже больший, чем все контрабандисты и пираты, вместе взятые. Может, я пока и не состоявшийся некромант, но от этого не менее потенциально опасный.

— Добро пожаловать в наш мир, — словно прочитав мои мысли, усмехнулся теневой охотник.

— Благодарю за гостеприимство, — так же невесело усмехнулась я и спросила: — Урок состоится?

— Если бы кучка стражей могла помешать такой мелочи, как обучение темной магии, все нам подобные уже давно кормили бы ворон, — последовал ответ, и охотник открыл дверь, предлагая мне идти вперед.

Когда мы спустились на первый этаж и вышли в прихожую, он на некоторое время замер, о чем-то задумавшись, а затем, видимо мысленно что-то решив, снова набросил на нас тень. Как и в прошлый раз, мы оказались в лесу, только теперь поляна была выбрана другая. Судя по обступившим ее плотно жмущимся друг к другу деревьям, мы находились в глухой чаще. Землю здесь покрывал слой нетронутого, девственно-белого снега, на котором не виделось даже следов от звериных лап.

— Здесь обитают несколько стай ши, — сообщил теневой охотник, подняв с земли ветку и принявшись что-то чертить на снегу. — Но не беспокойтесь, нас они не тронут.

Вот как раз об этом я беспокоиться даже не думала. Находясь под защитой охотника, вряд ли я стала бы опасаться мелких кровопийц, — они всегда отличались разумностью и не нападали на тех, кто заведомо сильнее.

— Дайте, пожалуйста, руку, — закончив чертить круг, попросил теневой охотник.

Не подозревая ничего дурного, я безропотно выполнила требуемое, и через миг по моей ладони прошло острое лезвие. Инстинктивно вскрикнув, я хотела было отстраниться, но мою руку удержали и, перевернув ее ладонью вниз, чуть сдавили. На снег, прямо в центр начерченного круга, упало несколько капель крови.

— Прошу прощения, — произнес охотник. — Ваша кровь слишком ценна, но я не могу отдать свою.

— Почему? — чуть поморщившись от боли, спросила я.

Ко мне обратилось скрытое тенью капюшона лицо.

— У меня ее нет.

Не успела я в полной мере удивиться, как со всех сторон стал доноситься прерывистый шелестящий шепот. Десятки голосов сливались вместе, походя на шуршание сухой листвы, и в этих перешептываниях слышалось что-то зловещее, предвкушающее и крайне нетерпеливое.

— Перед таким угощением им не устоять, — негромко произнес теневой охотник. — Займите место в круге.

Примерно представляя, ради чего все это было устроено, я заняла предложенное место и по велению все того же охотника вытянула перед собой порезанную руку.

Охотник набросил на себя тень, благодаря чему стал невидимым, и время ожидания пошло. Я стояла, почти не шелохнувшись, и выпускала облачка редкого белого пара. Несколько минут ничего не происходило, а затем шепот стал громче, и между деревьями замелькали маленькие красные огоньки — глаза привлеченных запахом крови ши. Чем дальше, тем сильнее становилось их желание попробовать предложенное «угощение», и в конце концов прогноз охотника сбывся.

Сначала на поляну вылетел один тощий ши, за ним подтянулся другой, а уже вскоре к ним присоединилась вся стая. Вид здешней мелкой нечисти говорил о том, что жизнь у них явно нелегкая, едят они в лучшем случае раз в день и вообще сидят на строгой диете. Вначале двигаясь медленно и с опаской, они непрестанно принохивались, а потом, осмелев и попав под влияние кружащего им головы запаха, ринулись вперед изо всех сил.

Я продолжала стоять неподвижно, всецело доверяя охотнику, хотя наблюдать за неотвратимым приближением стаи голодных, потерявших разум ши было тревожно. В момент, когда последний из них пересек границу круга и вся стая оказалась со мной буквально лицом к лицу, я ощутила, как меня резко дернули назад.

Мы с ши поменялись местами: теперь они были внутри, а я — за пределами начерченного на снегу круга. Охотник сбросил тень и, будто не замечая шипящих, буквально взбеленившихся ши, произнес:

— Теперь можем продолжить обучение.

Совпадение или нет, но именно в то время как он произнес эту фразу, я ощутила в голове пульсирующую боль. К горлу подкатила тошнота, мир подернулся дымкой, и самое скверное заключалось в том, что мне уже было известно, к чему все идет. Моя темная магия вновь рвалась наружу, желала себя проявить и... убить.

— Мысленно считайте до шести, — сквозь застилавшее сознание марево донесся до меня голос теневого охотника. — На счет «три» вдыхайте, «шесть» — выдыхайте.

Сконцентрировавшись, я последовала его совету. Спустя несколько минут стало полегче, и, хотя меня не отпустило до конца, теперь я, по крайней мере, могла хоть как-то себя контролировать.

— Могу я спросить, — голос прозвучал хрипло, — как к вам обращаться?

Теневые охотники никогда и никому не говорили своих имен. Знание имени давало возможность получить над ними власть. До этого времени я избегала прямого обращения, но теперь, когда мы были вынуждены часто разговаривать, это стало проблемой.

— Шатх, — спустя недолгую паузу ответили мне.

Разумеется, имя было ненастоящим. Хотя, надо отметить, хорошо ему подходило — шелестящее, приглушенное, но вместе с тем резкое. Я уже давно подозревала, что истинное имя его известно Флинту, поэтому охотник и является его преданным союзником.

— В прошлый раз вы неплохо справились с птицей, — похвалил охот... то есть Шатх. —

Сегодня попробуете использовать дар некромантии, чтобы поднять мелкую нечисть.

Приступим.

Всего один мимолетный взмах руки — и трое ши оказались за пределами круга, чтобы тут же упасть замертво. Всякую жалость к ним я подавила на корню — сейчас не время и не место предаваться этому чувству, тем более по отношению к нечисти, любящей полакомиться беззащитными людьми.

Правда, тут же вспомнился Ган — мой мелкий приятель, с которым у нас заключен контракт, но и это воспоминание я отогнала. Если питала относительно теплые чувства к нему, это еще не значит, что должна испытывать то же по отношению ко всем его собратьям.

«Приступим», — было легче сказать, чем сделать. Снова нужно было себя пересиливать, заниматься тем, что противоречило моей натуре и жизненным принципам, но выбирать не приходилось.

Отпустив темную магию, я позволила ей разрастись, побежать по венам и выплеснуться на одного из неподвижных ши.

— Ой, — только и проронила, когда от него осталась лишь горстка пепла.

— Такое иногда случается, — невозмутимо прокомментировал Шатх. — Давайте еще раз. Теперь я постаралась использовать меньше силы, сконцентрировалась на том, чего хочу добиться, но... на снегу появилась еще одна горстка пепла.

Ужас какой!

Совершенно сбита с толку, на третьего ши я воздействовала с еще большей осторожностью и изрядной долей опасения. Перед тем как это сделать, постаралась отрешиться от своих убеждений, принципов и представить, что в этот момент я творю не темную магию, а доброе дело, оживляя несчастного. Конечно, определение «оживляю» мало отражало суть поднятия нежити, но думать так мне было проще.

К моему несказанному облегчению, третьей кучки пепла на снегу не появилось. Вместо нее дохлый ши, как ему и было положено, дернулся, а затем медленно поднялся на тонюсенькие ножки.

— Уже лучше, — похвалил теневой охотник, и, по закону подлости, моя поднятая нежить в этот момент рухнула обратно.

Я вздохнула. Смирилась с неизбежным и повторила попытку.

Дело продвигалось медленно, но верно. Вскоре я сбилась со счета, сколько раз бедолага поднимался и падал, но с каждым разом он пребывал на ногах все дольше. По ощущениям прошло примерно полчаса перед тем, как он принял устойчивое вертикальное положение и вперился в меня пустыми горящими глазенками.

— Отлично, — резюмировал Шатх. — А теперь прикажите ему напасть на меня.

Судя по виду, моей мелкой нежити было абсолютно плевать, что делать, а вот я его безразличия не разделяла.

— Вы же его угробите, — возразила я, предчувствуя, что мои усилия сейчас пойдут морскому коту под хвост. — А я вообще-то старалась!

Хотя лица теневого охотника видно не было, мне показалось, что он улыбнулся. А затем молча на меня воззрился, ожидая, когда я выполню требуемое.

И мне не оставалось ничего, кроме как подчиниться. Хотя, откровенно говоря, теперь бедного ши мне было жаль еще больше. Глупо, наверное, но я, наделив его частью своей магии, чувствовала за него какую-никакую ответственность и совершенно не хотела, чтобы третья кучка пепла на снегу таки появилась.

Вспомнив, что ши могут не только топтать, но еще и летать, я заставила нежить взлететь.

Маленькие и рваные, похожие на отростки крылья затрепетали, и он с горем пополам поднялся в воздух, чтобы затем устремиться прямо на Шатха.

Прямо скажем, зрелище было печальным: окруженный клубами темного дыма теневой охотник, весь из себя неприступный, и дохлый, размахивающий тощими кулачками ши.

— Что ж, с внушением своей воли вы справляетесь прекрасно, — расщедрился на очередную похвалу Шатх. — Теперь усложним задачу.

Я и предположить ничего не успела, как у моих ног оказался еще один скончавшийся ши. Мне было предложено, не выпуская из подчинения предыдущего, поднять этого, чтобы после управлять одновременно ими двумя.

Мне было что сказать по этому поводу, но я промолчала. Просто послушно упражнялась в поднимании нежити, отключив чувства и наплевав на все. Через несколько часов, когда мои истязания подошли к концу, я была измотана — больше морально, чем физически. Все-таки

тренировки в Морском корпусе значительно укрепили мое тело, а вот душа к таким потрясениям, как использование некромантии, подготовлена не была, и все происходящее требовало от меня громадных душевных сил. Впрочем, существовал и значительный плюс, практически уравновесивший минусы: темная магия во мне на время притупилась. Увидеть Яли — целую, невредимую и даже несколько не напуганную, было для меня большим облегчением. Она дождалась нас дома, успев к этому времени приготовить вкусный и обильный обед. Сейчас я чувствовала себя перед ней виноватой вдвойне, поскольку вдобавок к утренним переживаниям добавила бедной девушке новых, предоставив ей скрываться в библиотеке под тенью охотника, да еще и вместе с пиратом.

Мы с ней ужинали вдвоем. Теневой охотник, который неизвестно, ел ли когда-нибудь вообще, куда-то исчез, а Флинт так до сих пор и не вернулся. Было много вещей, которые я хотела бы обдумать, но в настоящий момент мысленно возвращалась к вчерашним событиям и размышляла, чем для меня может обернуться внимание фанатиков Лайара. Удастся ли Флинту решить эту проблему, как он заверил лорда Рея? И не помешают ли этому новоприбывшие отряды стражей? На забытом поднебесными острове, в этом отделенном скалами Забвения мирке, всегда текла своя обособленная жизнь — мрачная, но размеренная. А за последние дни здесь как будто разыгралась буря... в какой-то мере связанная с моим появлением.

И что у меня за судьба такая — приносить окружающим сплошные неприятности?

— Нелегко вам, — неожиданно нарушила мою задумчивость Яли.

— Нелегко, — подтвердила я, выдавив слабую улыбку. — Но не труднее, чем многим другим. Во всяком случае, у меня есть защитники и те, кто помогает... какие бы причины ими не двигали.

— И среди них — адмирал Рей. — Яли внимательно на меня посмотрела.

— И адмирал Рей, — снова согласилась я, удивившись и ее внезапной разговорчивости, и замечанию.

— Несмотря ни на что, у него чистая душа. — Взгляд Яли одновременно направлялся и мне в лицо, и будто проходил насквозь. — Ему подобных называют морскими демонами, но никакая врожденная магия, какой бы темной ни являлась по сути, не перевесит душевного света. И все-таки было в этой с виду непримечательной девушке нечто такое, чего я все никак не могла разобрать.

— Ты действительно так думаешь? — непроизвольно сжав вилку, спросила у нее. — Что наши внутренние качества способны перевесить магию? Думаешь... это можно сказать про меня? Я смогу с этим справиться, не потерять себя?

И тут меня словно прорвало. Барьеры, которыми я оградила чувства, вдруг рухнули, позволив безудержной эмоциональной реке выплеснуться наружу.

— Я ведь не хочу умирать! Никогда не хотела обладать темной магией, а тем более — некромантией. Мне противно оттого, что сейчас приходится учиться поднимать нежить, иметь дело с убитыми существами, которых и убивают-то ради моего обучения... Поднебесные, клянусь, лучше умереть самой, чем позволить этой темной отраве взять верх! Если я вдруг окажусь на грани и у меня будет выбор: убить или умереть, я выберу второе...

Шумно втянув воздух, я замолчала. Медленно выдохнула, стараясь успокоиться и ощущая, как колотится сердце.

— Вот вы и ответили на свой вопрос. — Уголки губ Яли чуть приподнялись, а ее взгляд остался тем же. — Пока вы так думаете, ваша душа не станет темной.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила я. — Где находишь такие слова?

Девушка едва заметно пожала плечами:

— Знаю — и все. Не хочу вам ничего навязывать, но... если позволите, дам один совет.

Дождавшись моего кивка, она продолжила:

— Эта земля давно покинута поднебесными, и храмы их здесь не действуют. Но в Сумеречье они есть, как и в столице. Вчера вы волей-неволей посетили храм Лайара, чья магия отражает одну вашу сторону. Но ведь есть и другая. Рано или поздно вы покинете этот остров, и тогда...

— Тогда обязательно посетите храм, — закончила я, изумившись, как сама об этом не подумала. — Не всех поднебесных, а Ританы. В конце концов, она покровительствует ундинам как своим последовательницам. Спасибо, Яли...

Мы немного помолчали, слушая, как в окно стучит мокрый снег, а затем я нарушила заполнившую кухню тишину:

— Интересно, легенда о том, что Сумеречная Жемчужина была запрятана за скалы Забвения именно Ританой, — правда?

— Кто знает? — вопросом на вопрос ответила Яли, пригубив уже остывший чай. — Это было так давно...

Снова повисло молчание, во время которого у меня возникло подозрение, что помощница госпожи Герры имеет отношение к служителям поднебесных. Возможно, когда-то она служила при храме или даже была жрицей, что вполне объясняло и ее несвойственную возрасту мудрость, и данный мне совет. Или же она просто искренне почитала поднебесных и верила, что те способны помочь в решении любых трудностей.

Озвучивать свою догадку я не стала и, закончив обедать, приступила к мытью посуды. Яли попыталась было меня остановить, сказав, что приберет сама, но я не позволила. Еще не хватало, чтобы эта милая девушка мне прислуживала! Одно дело — помочь приготовить еду и совсем другое — взять на себя все заботы по дому, пока я буду лентяйничать и отсиживаться в стороне.

Как раз в момент, когда я доносила до Яли свою точку зрения на этот счет, раздался стук во входную дверь. Мы переглянулись и одновременно напряглись: все, кто был вхож в этот дом, никогда не стучали.

В прихожую я шла очень тихо, на цыпочках, а приблизившись к двери, прильнула к ней, стараясь услышать, что происходит на улице. Яли тем временем по моей просьбе аккуратно отдернула занавеску и посмотрела в окно.

— Там двое, — почти шепотом сообщила она. — Лиц не видно.

Кем бы ни были неожиданные гости, они не издавали ни звука, за исключением повторного стука. Ощувив виском прошедшую по двери вибрацию, я едва себя не выдала вскриком, но вовремя опомнилась и осталась стоять, не шелухнувшись.

— Талмор, я знаю, что ты там! — приглушенно прозвучал по ту сторону двери знакомый голос. — Открывай, ши тебя побери!

«Сильвия Уилград?» — с удивлением пронеслось в мыслях, прежде чем раздался второй голос, такой же знакомый:

— Ловец Талмор, будьте любезны, откройте нам.

Выработанный рефлекс беспрекословно выполнять команды, отданные капитаном Вагханом, сработал незамедлительно. Я еще осознать ничего не успела, а пальцы уже сами повернули ключ.

И только когда двое вошли внутрь, озвучила свое удивление:

— Вы?

Удивиться действительно было чему. Несмотря на наше недавнее столкновение в таверне, я никак не ожидала, что они не только станут искать новой встречи со мной, но еще и придут в этот дом.

Яли, не знаящая, кто к нам пожаловал, проявила себя куда более гостеприимной хозяйкой, чем я. Сообщив, что поставит чайник, она отправилась на кухню, тем самым и пригласив гостей к столу, и позволив нам остаться наедине.

— Да-а-а, Талмор, — протянула Сильвия. — Вот уж не думала, что увидимся при таких обстоятельствах.

— И тебе здравствуй, — усмехнулась я и, переведя взгляд на ее спутника, уже совсем другим тоном приветствовала: — Капитан Вагхан.

— Рад видеть вас в добром здравии, Фрида Талмор. — Уголки его губ чуть приподнялись, что в случае этого непоколебимого альфа означало дружелюбную улыбку.

— Должна признать, мне не терпится узнать, что вас ко мне привело и знает ли о вашем визите адмирал Рей, — произнесла я. — Но прежде я не могу не спросить о сослуживцах. Как Тэйн Бродельврок? И как Крилл, ей стало лучше? Она ведь была ранена в битве с...

Я осеклась. Не так давно произошла стычка между нашим отрядом и пиратами под командованием самого Кайера Флинта, в результате которой пострадало много кадетов и ловцов. И теперь тот факт, что я находилась здесь, под покровительством того самого капитана пиратов, казался просто... мягко сказать, удручающим.

— С ловцом Бродельвроком все в порядке, — успокоил капитан. — Кадет Гвор идет на поправку.

От таких вестей я почувствовала себя гораздо лучше, чем в течение всего сегодняшнего дня. Хоть какие-то хорошие новости за последнее время! Опомнившись и пригласив гостей пройти в гостиную, я проследовала за ними и, когда мы расположились за небольшим кофейным столиком, ожидающе на них посмотрела. Забавно, что еще некоторое время назад я бы не осмелилась так открыто смотреть в лицо капитану Вагхану, а теперь делала это без особого труда.

— Вы изменились, Фрида, — пронизательно заметил он, заставив вздрогнуть от непривычно неформального обращения.

— Вы ведь пришли не затем, чтобы мне об этом сообщить? — Давняя привычка дала о себе знать, и я незаметно скомкала пальцами ткань платья. — Извините за настойчивость, но я вынуждена повторить свой вопрос: адмирал Рей знает о том, что вы здесь?

— В Сумеречной Жемчужине — да, — последовал незамедлительный ответ. — В этом доме — нет. Полагаю, вам известно, что на острове сменился капитан стражи, вместе с которым прислали несколько дополнительных подразделений. Этому есть много причин, и одна из них — предположение, что последний осколок кристалла душ появится вблизи Жемчужины.

Король желает держать под контролем ситуацию в Сумеречном море, а кроме того — контролировать своих дочерей, внимание которых сейчас тоже сосредоточено на этом острове.

— Откуда такое предположение? — заинтересовавшись, уточнила я. — Насчет осколка.

— Насколько сейчас известно, такой слух пустил один из главных жрецов Лайара, которому было видение. — Капитан Вагхан чуть прищурился. — Правда это или нет, доподлинно неизвестно, но даже малейшая вероятность такого развития событий вынуждает предпринимать соответствующие меры. Адмирал Рей выяснил также, что здешние жрецы глубинного покровителя смерти имеют своих людей в Сумеречье и столице. Более того, они поддерживают связь с дроу, чья верховная жрица в настоящий момент действует с ними заодно.

— Дроу заодно с фанатиками Лайара? — машинально переспросила я. — Но это значит, что она поддерживает принцессу Калисту...

— Вижу, вы тоже располагаете необходимой информацией, — кивнул капитан Вагхан. — Да, у принцессы Калисты в настоящий момент много сторонников. Похоже, даже больше, чем у принца Дэрена, хотя неоспоримых доказательств, которые можно предоставить королю, нет. И все-таки жрица дроу действует в своих интересах. Окажись в ее руках все осколки, она не передаст кристалл душ принцессе, которой сейчас оказывает поддержку, а воспользуется им сама.

Такая информация определенно заслуживала внимания, и я не понимала, почему мне не рассказали об этом раньше. Ладно Флинт, который всегда себе на уме... но лорд Рей? Почему в последнюю нашу встречу он не сообщил о возможности скорого появления осколка, да еще и близ Сумеречной Жемчужины? Задавая этим вопросом, ответ я находила только один: он, как и многие другие из моего теперешнего окружения, не хотел, чтобы я отвлекалась от подчинения своей темной магии. Обуздать дар некромантии и научиться им управлять для меня сейчас самое главное.

С одной стороны, я понимала и признавала такое положение вещей, но с другой — чувствовала себя как в закрытом маленьком мирке, что находится в изоляции от большого и настоящего мира.

— Но пришли мы не затем, чтобы делиться последними новостями, — вмешалась в разговор Сильвия и, сделав недолгую паузу, будто бы нехотя добавила: — Нам... то есть мне нужна помощь.

Вот уж никогда не думала, что настанет момент, когда гордая альва из старинного клана, да еще и в компании капитана Морского корпуса придет ко мне за помощью!

— Обстоятельства сложились таким образом, что я вынуждена скрываться на этом острове, — начала Сильвия. — Дело в том, что мой несостоявшийся жених...

— Мне все известно, — мягко, но настойчиво перебила я. — Расскажи лучше, какая именно помощь тебе требуется.

Сослуживица была явно удивлена моей осведомленностью, но расспрашивать ни о чем не стала. Вместо этого она послушно и в краткой форме изложила цель своего визита.

Перед тем как отправить в Сумеречную Жемчужину, ее отец договорился с местным капитаном стражи о том, что Сильвия будет находиться под его личной защитой и ее пребывание здесь сохранилось в тайне. Разумеется, капитану стражи были заплачены немалые деньги, что, при его

любви к наживе, гарантировало соблюдение всех условий. Но сейчас, когда капитана сместили и ситуация со стражами обострилась, Сильвия лишилась своего главного здесь защитника.

Сопровождающие ее телохранители этим утром были задержаны патрулем якобы за развязанную драку, в результате которой был тяжело ранен простой житель острова.

— На самом деле этот «пострадавший» был послан кланом Нортрес. Они заподозрили, что меня нет в корпусе, и каким-то образом получили сведения, что я могу находиться здесь.

В общем, суть просьбы заключалась в том, чтобы Сильвия некоторое время пожила со мной.

— Но если Нортресам стало известно твое местонахождение, почему бы просто отсюда не уехать?

— Они не знают наверняка, — покачив головой, возразила мне Сильвия. — Отец сказал, что обо всем позаботится.

В этой истории оставались некоторые неясные для меня моменты, но пока я предпочла их опустить и сконцентрироваться на главном.

— Что касается меня, то я не возражаю, — немного подумав, ответила на озвученную ранее просьбу. — Но это не мой дом. И не мне решать, кого сюда приглашать. Боюсь, — я бросила быстрый взгляд влево, где, по ощущениям, сейчас стоял теневой охотник, — здешние обитатели... не придутся тебе по душе.

Вообразить сцену, где Сильвия, теневой охотник, Дымок и, не приведи поднебесные, Флинт находятся в одной гостиной, было трудно.

И я как в воду глядела! Не изменяя своей потрясающей привычке появляться неожиданно, в дверном проеме внезапно возник Флинт. Капитан Вагхан тут же вскочил на ноги, Сильвия впервые на моей памяти смотрела на кого-то с откровенным ужасом, а сам виновник переполоха откровенно наслаждался произведенным эффектом.

— Ты? — Воздух вокруг капитана сделался холодным и подернутым белой пеленой. Так и казалось, что из-за магии альва сейчас пойдет снег.

— О, прошу прощения, что смел заявиться в свой собственный дом, — сложив руки на груди, иронично бросил пират. — И конечно же прошу прощения за отсутствие хороших манер: если гостей раздражает присутствие хозяина, последний должен незамедлительно уйти.

У окна раздалось тихое фырканье, и, посмотрев в ту сторону, я обнаружила, что его издала Яли. Капитан Вагхан хранил гробовое молчание, как и Сильвия, а Флинт, оторвавшись от дверного косяка, прошествовал в центр комнаты, непринужденно опустился в кресло и заметил:

— Польщен, что вы предпочитаете стоять в моем присутствии, но разрешаю вам снова присесть.

На щеках капитана Вагхана заходили желваки, и еще несколько долгих мгновений он стоял не шелохнувшись. Повисшее в гостиной напряжение стало ощутимо буквально на физическом уровне, но, когда он все-таки опустился на диван, несколько разрядилось.

— Что, неужели наш общий друг не поставил тебя в известность о том, под чьим покровительством сейчас находится Фридошка? — делано удивился Флинт.

После таких слов я искренне и всей душой разделила желание капитана Вагхана его уничтожить. Во фривольном использовании имени и тем более во фразе о «покровительстве» при желании можно было усмотреть двойной смысл. И все же, несмотря на это, мое внимание больше заострилось на очевидном и главном смысле вопроса. А действительно, неужели, идя сюда, капитан Вагхан не знал, кого может встретить?

— Вижу, не поставил, — с неприкрытым удовлетворением констатировал Флинт.

— Мне было известно, что ловец Талмор находится в Сумеречной Жемчужине, — глухо выдавил капитан. — С кем именно, мне не сообщали.

Похоже, капитан Вагхан был действительно крайне неприятно изумлен — это, несмотря на отличную выдержку, все равно читалось у него на лице.

— Итак, прекрасной леди нужна помощь. — Взгляд Флинта переместился на Сильвию. — Вы блондинка, да еще и альва, — какая прелесть. Я просто не могу отказать в просьбе такой девушке, мой дом — ваш дом.

Только в этот момент, когда Флинт вскользь повторил, что этот дом его, я акцентировала на нем внимание. Так дом принадлежит ему? Почему-то до сего времени мне и в голову не приходила такая, казалось бы, очевидная вещь...

— Мне не нужна помощь пирата! — сбросив оцепенение, гордо вскинулась Сильвия.

Флинт нарочито зевнул и небрежно махнул рукой в сторону двери:

— Тогда добро пожаловать в лапы охотящегося на тебя клана.

ГЛАВА 7

— Не знаю, о чем думал адмирал, когда пошел с тобой на сделку, — процедил капитан Вагхан. — Но это не помешает мне отправить тебя на виселицу, где такому преступнику, как ты, самое место!

— Ошибаешься, Рагх, — услышав свое имя из уст пирата, альв разве что зубами не закричал. — Мое место в море, а в данный момент — на этом острове. Сумеречная Жемчужина просто создана для таких морских бродяг, как я. А вот что здесь делает первый капитан Морского корпуса?

— Я не унижу себя, отчитываясь перед пиратским отребьем!

Флинт криво ухмыльнулся:

— Преступник, пиратское отребье... сколько еще комплиментов я услышу от того, кто пришел ко мне домой, чтобы просить о помощи?

— Я не прошу о помощи! — возразил капитан Вагхан.

— Да неужели? — Этот разговор явно доставлял Флинту какое-то извращенное удовольствие. — Какие вы, однако, скучные, дорогие гости. Повторяете друг за другом, словно влюбленные морские попугайчики.

Такого оскорбления, как сравнение себя с морским попугайчиком, бравый капитан Морского корпуса перенести уже не смог. Вновь вскочив с места, этот всегда сдержанный, обладающий завидной силой воли мужчина направил на Флинта поток чистой магии альвов. Пират же в этот момент продолжал сидеть в расслабленной позе и с таким видом, словно в него не устремлялось способное если не убить, то нанести серьезные раны заклинание. В последний миг перед тем, как Флинт должен был в полной мере прочувствовать на себе саму суть убийственного холода, перед ним возник теневой охотник. И ладно бы магия альва оказалась им просто отражена или развеяна — нет! Она попала прямо в него, прошла насквозь и... не причинила никакого вреда. Вообще. По крайней мере, видимого.

Сложно сказать, кто удивился больше: капитан Вагхан или снова приоткрывшая рот Сильвия.

На меня же произошедшее особого впечатления не произвело — и не такое в исполнении Шатха видела. Зато благодаря этой ситуации я задалась вопросом, которым следовало озадачиться уже давно: а какой, собственно, магией обладает сам Флинт? Да, когда-то он служил в Морском корпусе, а значит, умел отлавливать потерянные души, но это не ответ. Кто он? Простой, наделенный магическим даром человек? Какой-нибудь полукровка?

Пока я ушлыла в ментальные дали, морские попугайчики... то есть капитан Вагхан и Сильвия собирались уходить. Капитан был одним из самых принципиальных и не делающих компромиссов в отношении пиратов людей, каких я знала. Точнее, не совсем людей, но сути это не меняет. Не намеревался он задерживаться в обществе «пиратского отребья» и сейчас, особенно после появления теневого охотника.

Мне его даже стало жаль. Знал бы, идя сюда, скольким испытаниям подвергнется его выдержка, со сколькими темными личностями придется столкнуться... Интересно, какова была бы его реакция, узнай он, что в этой гостиной находится еще и некромант? Вряд ли капитан отнесся бы к этому факту столь же лояльно, как адмирал. Такая мысль кольнула болезненной тоской — все же кем бы я ни была, как бы ни старалась остаться верной себе, а столкновения с предубеждениями к темной магии не избежать.

Судя по развитию событий, неожиданные гости должны были уйти так же внезапно, как нагрянули. Несомненно, они не задержались бы в этом доме и на лишнюю минуту, не случись того, что случилось.

А случилось появление адмирала Рея, который по внезапности появления ничем не уступал Кайеру Флинту. И вот здесь я наконец удивилась, потому что его прихода не ожидала никак! А еще захотела нервно расхохотаться: что я там говорила о нахождении в одной гостиной капитана Вагхана, Сильвии, Флинта и теневого охотника? А если приплюсовать еще и сильнейшего морского демона?

Сам «сильнейший» тоже был удивлен. Впрочем, удивление это длилось не дольше секунды, а затем он, продолжая скользить пристальным взглядом по застывшим подчиненным, осведомился:

— Могу я узнать, по каким невероятным причинам здесь собралась такая компания?

Я едва сдержала новый порыв засмеяться. Точно нервное! Просто как представила, какой выразительной вся эта сцена выглядит со стороны... честное слово, более странного сборища и не придумать!

В тоне же адмирала не было и намека на смех — напротив, под обманчивым спокойствием скрывалось не то недовольство, не то угроза. Отправляясь сюда, он явно не ожидал увидеть кадета Морского корпуса и уже тем более — капитана!

— Я здесь живу, — не упустил возможности в третий раз напомнить Флинт.

Яли снова фыркнула, и я, все-таки не сдержавшись, к ней присоединилась, чем тут же привлекла к себе внимание.

Опомнившись, капитан Вагхан приветствовал морского демона, учтиво склонив голову:

— Адмирал Рей.

Хотя они и были друзьями, сейчас он предпочел официальное обращение, которое сделало атмосферу еще более напряженной. Присутствующие словно разделились на два лагеря, в одном из которых царило то самое напряжение, а в другом — расслабленность и доля юмора. Я, как ни странно, находилась в последнем, и меня поддерживали Яли и Кайер Флинт. Остальные пополнили ряды первого лагеря. И только теневой охотник сохранял бесстрастный нейтралитет. Проиgnорировав реплику пирата, адмирал сосредоточил внимание на капитане, взглядом требуя ответа на ранее озвученный вопрос. А когда адмирал Рей чего-то требует взглядом, это действует на всех, вот и капитан Вагхан исключением не стал.

— Я сопровождаю кадета Уилград, которая пришла к ловцу Талмор по личному вопросу, — вернув самоконтроль, что отразилось и на тоне, ответил он. — Мы уже собирались уходить.

— Теперь придется задержаться, — прищурившись, отрезал адмирал.

Когда морской демон медленно убивает взглядом, да еще и с прищуром, то... Словом, моя жалость к капитану удвоилась.

—

Ловец

Талмор? — неожиданно спросила Сильвия, сделав акцент на звании и глядя на меня в упор. — Я не ослышалась?

— В Глубину формальные обращения, они сейчас неуместны! — Адмирал повысил голос, и всеобщее внимание снова обратилось к нему. — Почему ты не поставил меня в известность о том, что намереваешься встретиться с Фридой? — Вопрос явно адресовался Вагхану. — Почему не сообщил о том, что покинул Морской корпус? Твой отряд, если мне не изменяет память, последние несколько дней находится в рейде! И что же, позволь поинтересоваться, капитан в это время делает на забытом поднебесными острове?

— Не поверишь, я задал ему тот же вопрос, — вклинился Флинт. — Но до ответа мой любезный гость не снизошел. Ай-ай, — не дал он капитану вставить ни слова. — Бросить свою команду, наплевать на устав, самовольно отлучиться... ну и кто из нас двоих преступник?

По концентрации сарказма легендарный капитан пиратов сегодня превосходил самого себя, что не осталось незамеченным. Капитан Вагхан явно хотел что-то ему ответить, но, видимо, счел ниже своего достоинства вновь вступать в спор и произнес, глядя на адмирала:

— Мой отряд совершает рейд, объединившись с отрядом капитана Диатея и под его же командованием. Да, я должен был поставить тебя в известность, но в силу некоторых обстоятельств этого не сделал. Кадет Уилград, — он осекся, но через мгновение уже уверенно продолжил, интонационно выделив фамилию и звание: — Кадет Уилград нуждалась в помощи, и я счел нужным ее оказать.

— И сколько раз успел... оказать помощь до того, как прийти сюда? — в который раз не смолчал Флинт.

— Да как ты смеешь! — Раскрасневшаяся Сильвия гневно сверкнула на него глазами. — Пиратское отр...

— Полегче, дорогуша. — С Флинта резко слетела ироничная беззаботность, и его тон стал не менее холодным, чем у адмирала Рея. — Не говори того, о чем можешь пожалеть.

Откуда у капитана Вагхана взялась такая невероятная выдержка, осталось загадкой, но оскорбительный намек в адрес своей спутницы он проигнорировал. Хотя по выражению его лица и по сжавшимся кулакам стало понятно, сколько сил потребовал этот самоконтроль.

— Поговорим наедине? — не столько спросил, сколько приказал адмирал Рей, обратившись к своему подчиненному.

— При всем уважении, — с нажимом произнес капитан. — Я не позволю девушкам остаться наедине с этими...

Очередной «комплимент» пирату и его помощнику остался неозвученным, но додумать его не составило труда. Понимая, что атмосфера накалилась почти до предела и это грозит новой серьезной стычкой, я решила вмешаться.

— При всем уважении, — произнесла вкрадчиво и как бы между прочим, — я нахожусь наедине с «этими» уже несколько дней. Уверяю, капитан Вагхан, сейчас Сильвии не угрожает никто, кроме охотящегося на нее клана. В этом доме она находится в безопасности.

«Видимо, я действительно изменилась, — промелькнула мимолетная мысль. — Раньше в присутствии капитана без дозволения не осмелилась бы даже просто заговорить, не то что ему возразить».

Что удивительно, ко мне прислушались. Ну или не столько ко мне, сколько к здравому смыслу, подсказавшему капитану Вагхану, что продолжать спор не стоит. Видимо, решив, что раз сам адмирал Рей не считает Флинта и его приспешника угрозой, он отрывисто кивнул и проследовал за морским демоном на улицу.

Хлопнула входная дверь, и после ухода адмирала с капитаном в гостиной повисла звонкая, физически ощутимая тишина. Сильвия продолжала стоять, гневно глядя перед собой, и я, хорошо понимая, что она сейчас должна чувствовать, подошла ближе. Осторожно взяла ее под руку и увлекла в сторону двери, выйдя через которую направилась на кухню.

Здесь, не видя Флинта и теневого охотника, альва явно почувствовала себя свободней и немного расслабилась. Я разлила по чашкам ранее заваренный Яли чай и подала его вместе с пампушками госпожи Герры.

— В голове не укладывается, — проронила Сильвия, уставившись в поставленную перед ней чашку. — Как ты — служащий Морского корпуса, истинный борец закона можешь жить под одной крышей с пиратом, по чьей вине погибло и продолжает гибнуть столько наших? Как адмирал Рей мог такое допустить?

Тоже опустив глаза в чашку, я выдохнула:

— Это долгая история.

— И подробностей, полагаю, от тебя можно не ждать. — Мы с Сильвией одновременно оторвались от созерцания чашек, и наши взгляды столкнулись. — Скажешь хотя бы, когда успела принести клятву ловца?

— Совсем недавно. — Это был один из немногих вопросов, на которые я могла ответить. — Незадолго до того, как покинула корпус. Сильвия... — Обернувшись на дверь, я негромко спросила: — И все же как получилось, что с тобой оказался капитан Вагхан?

Рассказывать об этом моя сослуживица, очевидно, не хотела. Отпив чай, она отодвинула чашку и устремила взгляд в окно, на которое налипли хлопья мокрого снега. Из гостиной не доносилось ни звука, с улицы — только гул расшалившегося ветра, и весь дом словно утонул в безмолвии.

— До тебя же наверняка доходили слухи, — неожиданно, как бы нарочито небрежно бросила Сильвия, — о моей в него влюбленности. И да, это так! — Она с вызовом на меня посмотрела, готовая дать отпор, если я вдруг начну ее осуждать. — Я люблю Рагха! Люблю так, как не люблю больше никого и никогда! Но он не хочет этого признавать. Относится ко мне как девчонке, которую когда-то спас...

Она на мгновение замолчала и, погрузившись в воспоминания, будто не замечая меня, продолжила:

— Наши кланы давно были дружны. Впервые мы встретились, когда я сбежала из родового замка и заблудилась в горах.

Тогда мне было всего семь. Как раз в тот день у моей старшей сестры была помолвка, и Вагханы были приглашены на нее в качестве почетных гостей. Рагх случайно наткнулся на

меня, когда вместе с несколькими сопровождающими решил сократить путь, поехав через горы. До сих пор помню тот момент... В горах уже сгустились сумерки, разразилась сильная метель, из-за которой вокруг не было видно ничего, кроме сплошной белой пелены. Выбившись из сил, я просто сидела, обхватив колени руками. Хотя во мне течет кровь чистокровных альвов, я замерзала. Слишком долго находилась на жутком морозе... И вот тогда из белого плена вынырнул он — всадник, чьи длинные белоснежные волосы развевались на ветру. Он был таким красивым, таким нереальным, словно прекрасный принц, сошедший со страниц сказок, которые мне тогда читала няня. Подъехав ближе, он легко подхватил меня на руки и посадил перед собой. Тогда он еще не знал, кто я такая, и только после нашего приезда в замок выяснилось, что Рагх Вагхан спас дочь главы клана Уилград, которую все безуспешно искали целый день.

Сильвия вновь ненадолго замолчала и, сбросив оцепенение, продолжила:

— Я поступила в Морской корпус не только потому, что там служат все члены моей семьи.

Мною двигал не только долг перед кланом, но и желание быть рядом с Рагхом. Но он отвергает мои чувства, прикрывается тем, что по уставу романы между сослуживцами запрещены. Глупая отговорка — кого это вообще хоть когда-нибудь волновало? Но я знаю, он тоже меня любит... просто пока еще этого не понял.

Последнее утверждение вызывало некоторые сомнения, но я благоразумно оставила их при себе. Сейчас Сильвия — эта гордая, порой даже высокомерная альва открылась мне совершенно с другой стороны. Я не только видела, но и интуитивно чувствовала, что ее слова абсолютно искренни, как и чувства, которые она питает к неприступному капитану. Сильвия всегда действовала решительно, в чем-то проявляла жесткость, и влюбленность не стала исключением. Не требовалось быть великим чтецом чужих душ, чтобы понять: она готова пойти на все, лишь бы добиться от любимого взаимности и быть рядом с ним.

— Так вот. — Сильвия заправила за заостренное ушко выбившуюся из хвоста прядь. —

Несмотря на упорное нежелание видеть во мне девушку, Рагх оказывает мне поддержку.

Недавно я узнала, что мой отец просил его приглядывать за мной в корпусе. Это меня ужасно разозлило! Но сейчас я за это даже благодарна. Ведь Рагх решил, что обязан оберегать меня не только в корпусе, но и здесь, в Сумеречной Жемчужине... Конечно, он не может находиться со мной постоянно. Уже сегодня ему предстоит вернуться на службу. Именно поэтому, увидев тебя вчера, мы сюда и пришли.

Наш разговор прервал скрип входной двери, возвестивший, что вернулись старшие по званию. Не сговариваясь, мы с Сильвией поднялись в намерении тоже вернуться в гостиную, но тут на кухню вошел капитан Вагхан. Выглядел он так, словно собирался пройти все круги Глубины, но тем не менее, когда заговорил, его голос звучал ровно.

— Вы останетесь здесь, — произнес он, глядя на Сильвию. — Столько, сколько потребуется. От капитана моя сослуживица ожидала услышать точно не это и удивление скрыть даже не пыталась.

— Здесь? — Сильвия бросила выразительный взгляд на дверь. — С ними?

— С ловцом Талмор, — непоколебимо уточнил капитан Вагхан. — Это приказ, кадет Уилград, возражения неуместны.

Я даже вообразить не могла, какой выдержкой он должен обладать, чтобы сейчас сдерживать свои чувства. Слишком уж рьяно капитан Вагхан радел за честь корпуса и слишком сильно ненавидел всех пиратов, не говоря о самом опасном и знаменитом из них, по чьей вине погибли многие его сослуживцы.

Им с Сильвией явно требовалось перемолвиться парой слов, так что я оставила их наедине. Но до гостиной, куда направилась, все-таки не дошла, поскольку была перехвачена на полпути адмиралом Реем. Даже находясь в той самой гостиной, которая была слишком тесной для такого скопления народа, я не чувствовала нехватку свободного пространства так явно, как сейчас. Казалось, приходящая была слишком тесной для нас двоих, но, как ни странно, на этот раз вместо того, чтобы пугать, мне такое положение вещей принесло какую-то взволнованную радость. За последнее время я осмелела настолько, что, когда меня взяли за руку и посмотрели в глаза, исхитрилась даже не покраснеть.

— Не желаешь подышать свежим воздухом? — спросил лорд Рей, и мой ответ был утвердительным.

О том, чем закончилась наша вчерашняя прогулка, я почти забыла, да и обилие в Сумеречной Жемчужине стражей страха не внушало, когда рядом находился адмирал.

Обувшись и надев пальто, я вышла на крыльцо и остановилась, предоставив адмиралу возможность выбирать направление. Как и ожидалось, далеко от дома отходить мы не стали — все же сбрасывать со счетов патрули не стоило, — а всего лишь медленно перешли на заднюю часть двора, откуда хорошо просматривался лес.

Видеть лес после наших с теневым охотников уроков мне совершенно не хотелось, что заставило пересилить последние остатки стеснительности и сосредоточить взгляд на лице адмирала Рея.

— Как успехи? — первым делом поинтересовался он, поправив мой небрежно замотанный шарф.

Было в этом жесте что-то такое... очень личное, заботливое, отчего мое сердце встрепенулось. Да и теперешний тон лорда Рея совершенно не походил на тот, каким он еще недавно разговаривал с капитаном. Его голос звучал мягко, пожалуй, в нем даже угадывалась толика все той же заботы и нежности.

— Ну, я всего лишь чуть не задушила Яли этим утром, а потом целый день мучила несчастных ши, которых для меня убил теневой охотник, — легко сообщила я, пряча за показным юмором свои настоящие чувства.

Проницательные прозрачно-голубые глаза чуть сузились, и адмирал покачал головой:

— Ты совсем не умеешь врать.

— Ужасный недостаток, — теперь уже искренне посетовала я.

— Прекрасное достоинство, — не согласился адмирал, и уголки его губ чуть приподнялись, хотя взгляд остался серьезным. — Что произошло?

После того как я кратко и по существу рассказала об утреннем происшествии, он сделал одновременно и то, чего я ожидала, и то, чего не ожидала совсем.

— В этом нет твоей вины. — Эти слова были как раз ожидаемыми.

А вот поцелуй, следовавший за ними, — нет. Он был все таким же мягким и нежным, а мой почти моментальный отклик удивил не только адмирала, но и меня саму. Одним поднебесным ведомо, насколько сильно я нуждалась в этой поддержке. Насколько сильно хотела почувствовать, что между нами ничего не изменилось, что он не отвергает меня из-за пробудившейся во мне темной магии.

Кажется, это был едва ли не первый раз, когда я отвечала на поцелуй так открыто, самозабвенно и полностью осознанно. И обнимала тоже открыто, и зарывалась пальцами в светлые волосы, в то же время даже сквозь слои одежды чувствуя тепло ладоней, скользящих по моей спине.

И все же я отстранилась первой, но и после этого не испытала обычно свойственного мне смущения. Вместо этого посмотрела прямо в прозрачно-голубые глаза, находящиеся совсем близко, и прочла в них то же, что творилось в моей собственной душе. У меня было слишком мало опыта, чтобы прочесть все, что в них отражалось, но зато я чувствовала интуитивно, и этого было достаточно.

— Потерпи еще немного, — негромко попросил адмирал. — Скоро ты отсюда уедешь, и весь кошмар останется на этом острове.

— Вы умеете врать, лорд Рей, — грустно улыбнувшись, вернула я его недавнюю реплику. —

Но на этот раз ложь слишком очевидна. Кошмар не закончится до тех пор, пока не будут уничтожены все осколки кристалла душ. Кстати, мне бы очень хотелось узнать...

Я на несколько секунд замолчала, почему-то вспомнив вчерашние ехидные замечания Флинта, и, пересилив себя, продолжила:

—

Эрган

, почему

ты

не рассказал мне о том, что, возможно, последний осколок появится близ Сумеречной Жемчужины, и притом совсем скоро?

И прозвучавшее имя, и обращение, разумеется, не остались незамеченными. Похоже, я сумела удивить адмирала по-настоящему, и удивление это было приятным не только для него, но и для

меня самой. Оказывается, очень приятно переступить через предрассудки и глупое смущение, тем самым преодолевая страх.

— Полагаю, мне стоит заказывать поминальную песню по тому, кто умер в Сумеречном море? — сыронизировал адмирал Рей.

Я тихо засмеялась и уже серьезнее повторила:

— Так почему?

— Потому что сейчас это не твоя забота. — Ответ был вполне ожидаем. — Тебе и так приходится трудно, не хочу, чтобы ты думала еще и об этом. Вдобавок информация неподтвержденная, пока нет никаких оснований доверять словам жреца.

— Но и не доверять его словам оснований тоже нет, — заметила я.

— Если будет что-то действительно важное, дам тебе знать. Обещаю.

Адмирал Рей относился к тому немногочисленному типу людей, кто всегда держит свое слово, поэтому его обещание не подлежало сомнениям. Немного этим приободренная, я спросила о том, как сейчас обстоят дела в Сумеречье, и поинтересовалась, как себя чувствует мой приемный отец. Вообще-то про себя я называла Филиппа просто отцом, без дополнения «приемный», а вот того, кому обязана появлением на свет, — некромантом или Тайлесом.

— Ты говорил, что возвращение души не проходит бесследно, — негромко произнесла я. — Тогда я не стала заострять на этом внимания, но теперь хочу знать, что это значит. С ним все будет хорошо?

— Слыша от тебя «ты», я как будто перестаю слышать все то, что следует за этим, — пошутил адмирал.

— Тогда, возможно, мне снова стоит перейти на «вы»? — пошутила я в ответ, но отклониться от темы не позволила. — Мне очень важен ответ.

— Не думал, что скажу это, но пребывание на Сумеречной Жемчужине идет тебе на пользу, — усмехнулся адмирал, подразумевая мою настойчивость, а затем, как и я, посерьезнел: — Филипп находится в лечебнице, куда помещают пострадавших от любого магического воздействия. Все думают, что он пострадал от рук Тайлеса, и в общем-то так оно и есть. Но никто не знает, что он фактически умер, а один новоявленный некромант заставил его душу вернуться обратно в тело. Его состояние сейчас стабильное. Он ест, пьет, реагирует на внешние раздражители... иногда.

— Иногда? — Мое сердце екнуло.

— По сравнению с тем состоянием, в котором он пребывал изначально, прогресс действительно есть, — заверил адмирал. — Не стану врать, я не знаю, как долго продлится реабилитация и станет ли Филипп таким, как прежде.

Задавая вопрос об отце, я ожидала услышать совсем не это. Почему-то была уверена, что с ним все хорошо если не сейчас, то будет уже в скором времени. Он ведь выжил! Почему же тогда... Неужели это из-за меня? Неужели я сделала что-то неправильно?

— Вот только не нужно сейчас пытаться отыскать в произошедшем свою вину, — как всегда точно угадал мои мысли адмирал и, аккуратно приподняв за подбородок, заставил снова посмотреть ему в глаза. — Ты и так совершила практически чудо. Если бы не ты, он был бы давно мертв.

— Если бы не я, Тайлес бы на него вообще не напал! — возразила я резче, чем хотела, и тут же сникла. — Прости, я не хотела повышать голос. Просто...

— Просто ты наконец просыпаешься, — вопреки ожиданиям, Эртан Рей слегка улыбнулся. — В тебе есть настоящая сила, Фрида, и я говорю не о магии. У тебя сильный дух, чистая душа, и это поможет тебе пережить все выпавшие на твою долю трудности. Ты можешь высказывать свое мнение, можешь спорить и отстаивать свою точку зрения — это право дано любому из нас от рождения. Оказавшись в непривычных и сложных обстоятельствах, ты не ломаешься, а расцветаешь. Я это вижу.

Облизав пересохшие губы, я, не отводя взгляд, проронила:

— Сегодня Яли тоже сказала мне, что никакая темная магия не перевесит душевного света.

Знаешь, когда вы все говорите, что у меня чистая душа, я теряюсь. Я ведь далеко не такая хорошая, как все почему-то считают. Я правда изо всех сил постараюсь победить тьму, которая во мне есть. Но если вдруг для этого мне потребуется кого-то убить... я так не поступлю.

Потому что тогда ни о какой чистоте души уж точно говорить не придется.

— Как бы ты ни поступила, это будет твой выбор, — произнес адмирал. — Я уже неоднократно говорил и повторю снова: каким бы он ни был, я его приму.

— А что, если бы вдруг я стала некромантом? Настоящим, поднимающим и подчиняющим мертвецов, использующим все свои силы и престапующим закон? Такой выбор ты бы тоже принял или отвернулся от меня?

Я и сама не знала, зачем вдруг это спросила. Вопрос вырвался сам собой, я не успела его сдержать.

Между нашими лицами парили мелкие снежинки, которые путались в волосах, падали на воротники пальто, застревали в ресницах и таяли на губах. Пауза не была долгой, но ее наполняла какая-то странная тишина, нарушаемая лишь шумом ветра.

Адмирал уже собирался ответить, когда рядом неожиданно взметнулась тень и прозвучал голос теневого охотника:

— Прошу прощения, что прерываю, но ваш гость уходит.

Вряд ли Шатх появился здесь из-за адмирала, так что его слова в первую очередь предназначались мне. Позволить капитану Вагхану уйти, даже с ним не попрощавшись, было бы по меньшей мере некрасиво, и я отступила от адмирала, чтобы затем пойти в сторону крыльца. Он, чуть помедлив, двинулся следом.

ГЛАВА 8

Поскольку мне предстояло некоторое время провести бок о бок с Сильвией, а ей знать о моей темной магии было совсем необязательно, точнее, категорически нежелательно, ее почти сразу переселили в дом госпожи Герры.

Надо отметить, сама госпожа Герра была не слишком рада своей неожиданной постоялице, хотя и тщательно это скрывала. Меня же ее нежелание видеть у себя Сильвию снова натолкнуло на мысль, что хозяйка соседнего дома совсем не так проста, как кажется на первый взгляд.

Учитывая то обстоятельство, что к ней в дом частенько прокрадывались мутные личности, я предполагала, что она так или иначе связана с преступной стороной Сумеречной Жемчужины. Хотя о чем это я? Сумеречная Жемчужина — и так сосредоточение всего того, что называют преступностью.

— Синеглазка, собирайся, мы выходим в плавание! — раздался в коридоре голос Флинта, когда я заканчивала завтракать.

Я даже чаем поперхнулась.

— Давай поживее, — заглянув в кухню, поторопил он, и взгляд у него, несмотря на шуточный тон, был серьезный.

В карих глазах появился блеск, какой обычно бывает у авантюриста, предвкушающего скорые приключения... или у жадного до золота пирата, чувствующего находящийся рядом клад.

— Какое плавание? — машинально привстав с места, удивилась я. — Зачем?

— Затем, что лес прочесывают хранители правопорядка, тебе нельзя прерывать обучение, а мне нужно перешвартовать корабль, — перечислил Флинт причины, но явно чего-то недоговаривал. — Вопросы есть?

Вопросов имелась масса, но спорить, учитывая серьезность его намерений, я не рискнула.

Поскольку меня торопили, собираться пришлось быстро, благо плавание планировалось однодневное. Привыкшая к рейдам и жизни в Морском корпусе в целом, я научилась тратить на сборы от силы минут пять, так что с поставленной задачей справилась.

Утром, как всегда бывало на этом острове, ночной мороз плавно сменялся дневной сыростью, и мои ботинки, когда я оказалась на улице, с чавканьем погрузились в подтаявший снег. Теневого охотника перенес нас к тому же причалу, где я видела «Черный призрак» в последний раз, и мы взошли на борт. К отплытию уже все было готово, и вскоре пиратский корабль отчалил от окутанных сумерками берегов.

Море сегодня было на диво спокойным, волны присмирели и тихо нашептывали свою древнюю как мир водную песню. Шатх накинул на «Черный призрак» тень, и сделал это как раз вовремя, поскольку буквально через несколько минут со стороны причала до нас донесся шум голосов.

Видимо, поэтому Флинту и требовалось перешвартовать корабль, вот только в то, что он

собирался плавать целый день, чтобы у меня была возможность попрактиковаться, как-то не верилось.

— Вы успели позавтракать? — спросил подошедший ко мне Шатх.

Я утвердительно кивнула.

— Хорошо, потому что изучать некромантию на голодный желудок не стоит.

— По-моему, изучать ее не стоит как раз на полный, — негромко пробормотала я, хотя и поняла, что он имел в виду.

Темная магия, как, в принципе, и любая сложная магия, требовала серьезных энергетических затрат, поэтому было важно иметь достаточно как физических, так и моральных сил. Но мне вспомнилось, как однажды ловцам и кадетам Морского корпуса пришлось противостоять полчищу восставшей нежити, и некоторые из нас оказались до того впечатлительными, что попросились со съеденным ужином. Как бы то ни было, у меня подобной реакции не наблюдалось, так что завтрак и горячий чай оказались весьма кстати. В отличие от «Летящего» — корабля, на котором наш отряд выходил в рейды, на «Черный призрак» защиту от волн и ветра никто не ставил, поэтому на палубе было холодно.

— Пожалуй, приступим, — произнес Шатх, и на палубу прямо передо мной плюхнулась пара вчерашних ши.

Пришлось снова призывать темную магию и пытаться их поднять. К моему облегчению, сегодня дело шло гораздо лучше, а поскольку я не видела, как убили этих ши, меня еще и не так сильно мучили угрызения совести. На этот раз мне удалось почти без труда удержать сразу двоих в вертикальном положении, заставить их пройтись, а потом, по просьбе заглянувшего к нам «на огонек» Флинта, станцевать залихватский пиратский танец.

— Издевательство! — резюмировала я, отряхнув руки, когда ши снова повалились на палубу. — У тебя ужасно извращенное чувство юмора.

— По крайней мере, оно у меня есть, — ничуть не обидевшись, вкрадчиво заметил Флинт и вернулся к своим обязанностям капитана, отдав команду сменить курс.

Когда он отошел, я искоса посмотрела на теневого охотника и спросила:

— Вы не знаете, куда мы направляемся?

— Боюсь, я не должен вам этого говорить.

— Тогда давайте угадаю, — теперь я покосилась на разговаривающего с боцманом Флинта. — Он хочет отыскать место, где предположительно появится осколок, поэтому и потащил меня с собой?

Молчание Шатха было таким, что я сразу поняла: своим предположением попала прямо в цель. Не сказать чтобы такое положение вещей вызвало мое недовольство, скорее даже наоборот. Если есть возможность одновременно обучаться магии и принимать участие в поисках осколка, то почему нет?

К тому времени, когда теневой охотник сжалился и разрешил мне сделать перерыв, я окончательно продрогла. Хотя и была укутана в несколько слоев одежды, мороз все равно исхитрился добираться до самого тела... А может, это из-за некромантии стыла сама моя душа? В отличие от предыдущего нашего плавания, когда Флинт любезно уступил мне свою каюту, сейчас в каюту доступ мне не предоставили — не то не сочли нужным, поскольку бороздить море предполагалось всего один день, не то просто забыли, увлекшись более важными делами. Напоминать о себе капитану пиратов я не стала и вместо этого спустилась в камбуз, где кок трудился над обедом.

Не так давно мне довелось жить в доме адмирала, что расположился в столице. Там я познакомилась с поваром, являющимся не просто родным братом здешнего кока, но еще и близнецом. Ни лорд Рей, ни Флинт об этом занимательном факте, похоже, не подозревали. А я, хотя и была осведомлена, войдя в камбуз, все равно еще раз поразились их удивительному сходству.

Хэкс — худощавый сутулый гнолл, кромсал синеводку, тушку которой отправлял на большую чугунную сковородку, а головы — в не менее большую кастрюлю. Я сразу узнала характерный специфический запах, присущий этой дешевой рыбе, и испытала нечто вроде ностальгии.

Казалось, я работала торговкой при рыбной лавке в какой-то прошлой жизни...

Кроме меня и кока в камбузе, взгромоздившись на шаткий табурет, находился Пип. Рядом с ним пристроилась аккуратная стопочка книг, по высоте равняющаяся и ему, и табурету, вместе

взятым. А еще одну книгу литературный клептоман держал в руках и был погружен в чтение настолько, что даже не заметил моего прихода.

В камбузе было значительно теплее, чем на палубе, так что я решила здесь задержаться. К компании пиратов было уже не привыкать, а угрюмый кок только бросил на меня равнодушный взгляд и вернулся к своим обязанностям, не став прогонять.

Некоторое время я стояла в уголке, наслаждаясь идущим от раскаленной плиты жаром, а потом любопытство подтолкнуло посмотреть, что читает Пип. Тихо приблизившись, я заглянула ему через плечо, а когда мой взгляд упал на раскрытые страницы — так и обомлела. Стоило бегло просмотреть пару строчек, как стало ясно, что в книге идет речь о кристалле душ.

Наконец заметив мое присутствие, Пип внезапно запрокинул голову и, нахмурившись, в упор на меня посмотрел.

— Чего надо? — хмуро бросил он, сдвинув густые черные брови.

— Не подскажите, что это за книга? — любопытствовала я, не отрывая глаз от текста.

— Не твоё дело. — О вежливости этот представитель пиратской братии явно не слышал. — Что хочу, то и читаю!

— Так и читайте на здоровье! — продолжая впиваться взглядом в текст и отмечая, что речь в нем идет о легенде создания кристалла, согласилась я. — Просто скажите, как называется и кто является автором. Я тоже как-нибудь почитаю.

Книг, где упоминался кристалл душ, существовало не так много. Если задуматься, я не видела еще ни одной, кроме той, что хранилась в библиотеке Морского корпуса и была тщательно защищена.

Не знаю, что именно заставило Пипа вдруг подобреть. Может быть, моя заинтересованность литературой в принципе — сам-то он являлся ее заядлым поклонником, — а может, ему просто захотелось с кем-то обсудить прочитанное. Во всяком случае, название и имя автора мне сообщили.

— Все, больше не отвлекай. — Вспышка вежливости закончилась так же внезапно, как началась. — У меня важное поручение от самого капитана, не до тебя!

Кажется, даже не заметив, что проболтался, Пип снова уткнулся в текст. А я тем временем задумалась над услышанным. Поручение от Флинта? Единственная пришедшая на ум версия состояла в том, что он велел Пипу найти как можно больше информации, касающейся кристалла душ. Это было вполне логично, но интуиция подсказывала, что за таким поручением может скрываться что-то еще.

Впрочем, у меня и так хватало проблем, чтобы забивать голову всякими мелочами. Выделенный Шатхом перерыв подошел к концу, о чем сообщил непосредственно сам теневой охотник, неожиданно спустившийся в камбуз.

— Если голодны, можете пообедать, — перед тем как попросить вернуться на палубу, предложил он.

Кок тут же бросил на него недовольный взгляд, как бы говорящий, что обед еще не готов и ради такой-то особы торопиться он не намерен. Позавтракала я плотно и чувства голода не испытывала, так что собиралась отказаться. Но не успела сказать ни слова, как вдруг пол под моими ногами дрогнул.

Вибрация пробежала по темному, почерневшему дереву, заставила зазвенеть висящие на стене поварешки и подпрыгнуть кастрюлю, часть содержимого которой пролилась на плиту. Я едва устояла на ногах, когда вибрация повторилась с новой силой, — казалось, что-то гигантское с силой ударяет по дну корабля.

— Оставайтесь здесь, — коротко бросил Шатх и в следующий миг исчез.

Рядом раздалась брань Хэкса, который, в отличие от меня, на ногах все-таки не удержался и сейчас потирал ушибленную поясницу. Еще несколько минут назад просьбе теневого охотника я бы вняла с радостью, но сейчас хотела знать, что происходит. Выработанные за время службы в корпусе рефлексy никуда не делись, и я, почувствовав исходящую от моря угрозу, побежала наверх.

Когда оказалась на палубе, сперва подумала, что Ариера — поднебесная покровительница времени, поменяла местами день и ночь, так как вокруг было невероятно темно. Но уже вскоре я поняла, что дело в невероятно темных, практически черных тучах, укравших и так не балующий эти края свет. Море теперь тоже казалось слишком темным, хотя по-прежнему оставалось спокойным... по крайней мере внешне. Тем более неожиданными становились

толчки, от которых продолжал сотрясаться «Черный призрак». Волны были совсем небольшими, но сама вода ходила ходуном, снова наталкивая на мысль, что в глубине движется нечто действительно огромное.

Команда носилась, исполняя приказы зверствующего боцмана, а теневой охотник находился подле Флинта, стоящего за штурвалом. Корабль едва не переворачивался, и оттого управление им должно было даваться с большим трудом, но капитан делал это без видимых усилий. Он казался спокойным и собранным, твердо стоял на ногах, и только с силой стиснутые челюсти выдавали его напряжение.

— Я просил вас остаться на камбузе, — при моем приближении заметил Шатх.

— А я на эту просьбу не откликнулась, — парировала я и тут же спросила: — Что происходит? Но ответа не услышала, так как отправилась в полет, короткий и внезапный. Корабль вдруг тряхнуло с такой силой, что мне почти пришлось повторить судьбу Хэкса, полетев на пол. Почти — потому что свидание с палубой все-таки не состоялось, поскольку Флинт поймал меня за долю секунды до неизбежного столкновения.

Повторилась ситуация, уже происходившая когда-то давно: я, едва касающаяся носочками твердой поверхности, и удерживающий меня пират, не дающий упасть. Машинально посмотрев в находящееся неповазможно близко лицо, я наткнулась на пристальный взгляд. Буквально через пару мгновений опустила глаза и непроизвольно посмотрела туда, где под одеждой скрывалась темная метка. Поняв, на чем сосредоточилось мое внимание, Флинт неуловимо поставил меня на ноги и, фактически передав в руки теневого охотника, вернулся к штурвалу.

— Гидра.

— Что? — далеко не сразу выдохнула я, подумав, что ослышалась.

— Гидра, — повторил пират ответ на ранее озвученный мною вопрос и, невзирая на обстоятельства, усмехнулся: — Только не говори, что не слышала об этой красотке.

О нет, я, разумеется, слышала о той, что стала притчей во языцех и героиней различных присказок. Вас кто-то достал? Отправляйте его напрямик к гидре! К этой легендарной «красотке», наделенной нереально огромными размерами и обладающей двенадцатью змеиными головами, которые, сколько ни отрубай, вырастают снова. Но только ключевое слово здесь — «легендарной».

Выходя в море, гидру ожидаешь встретить ничуть не больше, чем кого-нибудь из глубинных!

— С чего ты взял, что это она? — Я даже не пыталась скрыть свое изумление. — Откуда знаешь?

— Уж поверь мне. — Что крылось за странной ухмылкой Флинта, разгадать так и не удалось. — Знаю.

В то, что сейчас корабль штормит, как крошечную щепку, из-за мифической двенадцатиголовой твари, верилось с трудом. И все же в словах пирата присутствовала та самая непоколебимость, которая не позволяла хоть сколько-нибудь в них усомниться. Да и в конечном счете какая разница, из-за чего мы можем вот-вот пойти ко дну? Главное — удержаться на плаву и не отправиться кормить чернозубых акул! В отличие от гидры реальность этих милейших созданий сомнениям не подлежала, и встречаться с такой реальностью мне абсолютно точно не хотелось. Поэтому когда «Черный призрак» снова тряхнуло, я спешно ухватилась за теневого охотника, снова отложив свидание с палубой до лучших времен.

Волны все-таки поднялись. Точно пробудившееся от спячки море тяжело вздыхало и щедро переливало соленую воду через борт. Залитой оказалась практически вся палуба, но уже через несколько секунд корабль снова накренился, и вся вода стекла за борт.

Казалось, это длилось бесконечно. «Черный призрак» шатало из стороны в сторону, наклоняло и превращало в большую, наполненную до краев деревянную миску. Тучи на небе сгустились еще больше — темные, беспросветные, они походили на грозовые, что было более чем странно, ведь сейчас стояла зима.

— Это что, гром? — не поверила я, услышав характерный раскатистый звук.

Мне никто не ответил, а служащая мне опорой рука теневого охотника нисколько не дрогнула. Шатх, как и Флинт, казались единственными источниками спокойствия в воцарившемся вокруг безумии. Водная стихия неистовствовала, и небо ей вторило, готовое в любой момент разразиться... дождем? Снегом? Снегом, дождем и молниями?

Мелькнула мысль, что «Черный призрак» случайно оказался в эпицентре противостояния Глубины и Поднебесья. Я уже была готова поверить, что действительно наблюдаю

противостояние высших сил, когда море внезапно успокоилось. Толчки прекратились, и корабль стал мерно покачиваться на небольших волнах, которые теперь воспринимались почти как штиль. Вот только тучи никуда не делись и в наступившем крайне подозрительном спокойствии виделись еще более зловещими.

— Завро-о-ошу в море я сети, — неожиданно нарушило тишину заунывное завывание. — Сумею руса-а-алку пойма-а-ать...

Заработав затрещину от боцмана, матрос смолк и потер ушибленное место, а всеобщее внимание оказалось ненадолго приковано к этой сцене. Я тоже непроизвольно отвлеклась, и, наверное, именно поэтому внезапно взмывший к небесам фонтан воды стал такой неожиданностью.

Не сдержав громкого вскрика, я во все глаза смотрела, как из моря, совсем неподалеку от корабля, поднимается громадный водяной столб. Он устремлялся вверх с невероятной скоростью, разбрасывая в разные стороны тучу брызг и поднимая шипящую пену.

— Не дрейфить! — рыкнул боцман на подчиненных, которые, застыв, в ужасе таращились на происходящее. — Только попробуйте драпануть, отбросы трусливые!

Какую команду вслед за этим отдал Флинт, я не расслышала, поскольку внезапно поняла: никакой это не водный столб, а самое настоящее змеиное тело — сливающееся по тону с морем, темное, скользкое и покрытое мелкой чешуей! По ощущениям, когда я медленно поднимала взгляд, вид у меня был точно такой же, как у замерших пиратов.

А после я не смогла выдавить из себя даже повторного вскрика, поскольку вслед за змеиным телом рассмотрела и теряющиеся высоко в сумерках головы. Двенадцать змеиных, наделенных светящимися изумрудными глазами голов, три из которых были особо крупными!

Я клялась, что больше никогда не стану поминать свою ближайшую родственницу, но сейчас не удержалась:

— Мамочка...

Меня сковало оцепенение. Не знаю, сколько времени я просто стояла и смотрела на это выплывшее из самой Глубины чудовище, способное одним ленивым взмахом хвоста отправить нас всех на дно. Очнулась, когда теневой охотник потянул меня назад, вынуждая встать за его спиной, а Флинт, глядя на гидру со странной, совершенно не вяжущейся с обстоятельствами улыбкой, констатировал:

— Я же говорил — красotka.

Мне захотелось его стукнуть! Неужели даже сейчас он не может перестать иронизировать и отнестись к ситуации с должной серьезностью? Поднебесные, это ведь не шутки! Это... это...

— Это же гидра, гидра тебя утащи! — переполняемая уймой чувств, выпалила я.

Флинт выразительно приподнял бровь:

— Ты сама-то поняла, что сейчас сказала?

Избитое ругательство вырвалось машинально, так что его смысл дошел до меня не сразу. А когда все-таки дошел, я — уже набравшая побольше воздуха, чтобы ответить, — прикусила язык, дабы не ляпнуть чего-нибудь в том же духе. Мне совсем не нужно, чтобы эта «красotka» утаскивала нашего единственного капитана. Совсем-совсем!

Немного уняв эмоции — настолько, насколько это было возможно, — я снова взглянула на гидру, и тут ко мне наконец пришло понимание принципиально важного момента.

Гидра не нападала. Она просто возвышалась над водой и, казалось, замерла в ожидании. Все двадцать четыре изумрудных глаза смотрели на одного-единственного человека, словно не замечая больше никого вокруг. И человек этот, стоя рядом со мной, устремлял на исчадие Глубины ответный взгляд.

Следующая посетившая меня мысль была просто безумной. Вдруг подумалось, что гидра не сводит глаз с промокшего до нитки капитана пиратов, ожидая от него... приказа. Ни гидра, ни капитан, казалось, не замечали ничего, что происходило вокруг. А посмотреть было на что: из стелющегося над морем тумана вдруг стали появляться знакомые белесые силуэты, которые пока кружили вдалеке, но в любой момент могли на нас наброситься. Обитающие в Сумеречном море потерянные души, чья агрессивность была такой же легендарной, как гидра, уже давно не внушали мне панического страха, но здоровое опасение пробудилось. И все-таки моим вниманием в большей степени по-прежнему владела гидра, которая, не отрывая взгляда от Флинта, зашипела и показала длинные раздвоенные языки.

И вот тут случилось нечто поразительное. Флинт, до этого времени не отпуская штурвал, резко убрал с него руки, поднял их, соединив ладони, и его губы беззвучно зашевелились. Хотя я не слышала ни звука из произносимых слов, все же сумела понять, что он говорит на кратфаге — древнем языке, используемом самыми одаренными магами для создания сложнейших заклинаний.

Выходит, знаменитый капитан пиратов — маг как минимум второй ступени?

Не успела я окончательно сформулировать следующую мысль, как Флинта окружили всполохи пламени. Сперва они были желтыми, каким и полагается быть огню, но затем стремительно сменили цвет на голубой и синий, а после — темно-фиолетовый. Они уже не походили на пламя, а уподобились рваным теням, будто бы трепещущим под порывами расшалившегося северного ветра. Это зрелище вскоре сменило другое — не менее, а может, даже более впечатляющее: с шумом растревожив водную гладь, гидра стремительно ушла на глубину и поплыла на запад, периодически выныривая на поверхность. Флинт снова взялся за штурвал, теневой охотник в мгновение ока исчез и появился стоящим на рее, а уже через несколько мгновений корабль с нереальной скоростью мчался за гидрой. Не требовалось быть гением, чтобы понять: это глубинное создание сейчас указывало нам путь, подчиняясь воле капитана пиратов. Сойти с ума и утонуть!

Я была до того ошеломлена, что не сразу расслышала, как меня окликнул этот самый капитан. Попросив подойти ближе, что я сделала тоже не сразу, он спросил:

— Знаешь, куда мы держим курс?

— Полагаю, к тому месту, где предположительно появится осколок? — а вот теперь ответила моментально.

Чуть приподняв голову, Флинт покосился на замершего на рее теневого охотника:

— И с каких это пор он стал много болтать?

— Шатх ничего не говорил, — возразила я. — Я догадалась сама.

Следующий удивленный взгляд достался уже мне. Флинт смотрел на меня так, словно видел в первый раз, — изучающе, пристально, будто желая заглянуть в самые потаенные уголки души.

— Потрясающе, синеглазка, — наконец произнес он, покачав головой. — Теневой охотник назвал тебе свое имя.

— Но оно ведь ненастоящее, — снова возразила я, но, столкнувшись с прищуренными карими глазами, ощутила, как сердце забило чаще. — Да ну... не может быть...

По этому поводу Флинт больше ничего не сказал, оставив меня в смятении мучиться догадками.

Ну не мог же охотник в самом деле назвать мне свое настоящее имя? Это просто смешно, не говоря о том, что невозможно! Настоящее имя знает только Флинт, которому он верно служит, а это ко всему прочему добавляет причин охотнику сохранять свое имя втайне.

— Раз уж ты такая просвещенная, — снова заговорил пират, и на этот раз его интонация обладала знакомой ироничной легкостью, — то должна знать о видении верховного жреца Лайара.

Я кивнула, неотрывно следя за то всплывающей, то уходящей под воду гидрой:

— Да, мне об этом известно.

— А также о его связи с принцессой Калистой, — продолжил Флинт. — Она обеспечила жрецов информацией о том, что некая прибывшая в Сумеречную Жемчужину девчонка является некромантом. Надеялась, что они, в обмен на ценные сведения, станут ей служить, а заодно защитят тебя. На твою защиту они не встали — с этим принцессочка просчиталась, но тем не менее свои плоды завязанное знакомство с верховным жрецом все же принесло. Именно Калисте он сообщил о своем видении, а дальнейшие сплетни породила уже она сама.

— Но зачем ей выдавать место появления осколка? — не поняла я. — Он ведь хочет собрать кристалл для себя...

Флинт в своей фирменной манере приподнял бровь, всем выражением лица намекая, что мне неплохо бы пораскинуть мозгами. Я и пораскинула, в результате чего меня осенило:

— Жрец назвал ей одно место, а она пустила сплетни о совсем другом!

— Прогресс налицо, синеглазка, — похвалил Флинт и, выкрикнув команду, резко сменил направление вслед за взявшей правее гидрой.

Сумев сохранить равновесие, я подождала, пока бешеная качка прекратится, и, убрав с лица пряди мокрых растрепавшихся волос, спросила:

— Как ты умудряешься узнавать то, о чем не знает больше никто?

— Если дам свои источники информации, в курсе событий окажутся все, — пошутил Флинт. — А это мне совсем не выгодно, так что мои тайны останутся при мне. «Слишком уж много у тебя тайн», — подумала я, но вслух ничего не сказала.

ГЛАВА 9

Потерянные души все еще встречались нам на пути, но попыток напасть не предпринимали. Они вообще словно нас не замечали, в чем была заслуга Шатха, поддерживающего покрывающую «Черный призрак» тень.

Плеск воды, брызги, шипящая пена и переливающаяся под бледным светом чешуя — все детали сливались в одну картину, от которой захватывало дух. Тучи все-таки разразились мокрым снегом, поднялся неистовый ветер, и я, стоящая на корме корабля, чувствовала, как внутри все замирает, переполняемое граничащим с ужасом восторгом. Да, несмотря ни на что, не восторгаться происходящим было попросту невозможно — слишком уж впечатляющим и завораживающим оно являлось. Наверное, схожие чувства я испытывала лишь во время своего первого полета на грифоне, когда только-только поступила в Морской корпус и познакомилась с сослуживцами.

Кораблем, помимо пиратов и их капитана, явно управляла какая-то магия... теневого охотника и, должно быть, самого Флинта, поскольку плыть с такой скоростью не могло даже столь быстроходное судно, как «Черный призрак».

Когда гидра остановилась, корабль встал вместе с нею. Не став вылезать из воды полностью, она высунула на поверхность только свои головы и, приглушенно шипя, снова продемонстрировала двенадцать раздвоенных языков. Покинув рею, где возвышался последнюю четверть часа, теневой охотник встал подле капитана и вместе с ним всмотрелся в очертания виднеющегося невдалеке острова. Последовав их примеру, я тоже посмотрела в ту сторону и, прищурившись, сумела разглядеть его форму, напоминающую череп.

Дальнейший путь до него мы проделали медленно, предоставив кораблю плавно скользить по волнам. Чем ближе подходили, тем отчетливее становился этот остров, с расположенным на нем гротом. Несколько скал, в совокупности и создающих очертания черепа, образовывали узкий проход, втиснуться в который большому кораблю на первый взгляд было проблематично. — Мы поплывем... туда? — Вопрос вырвался сам собой.

Мне не ответили. Впрочем, подплывающая к скалам гидра и так была лучшим красноречивым ответом.

Посмотрев на Флинта, я обнаружила, что в его настроении произошли перемены. Сейчас он был предельно напряжен и, кажется, даже забыл о попытках это скрыть. Обладая его взгляд способностью воспламенять, от скал уже не осталось бы и пепла... хотя, учитывая его недавнее огненное представление, вероятности, что подобного не случится, я не исключала.

Сложилось впечатление, что Флинту эти воды хорошо знакомы. Конечно, он и так знал Сумеречное море как свои пять пальцев, но все же эти места, похоже, являлись для него особенными. Глядя на него, я понимала это предельно ясно — с пробуждением темной магий моя интуиция обострилась и пока еще меня не подводила.

Я и сама чувствовала, что с этим гротом что-то не так. От него исходил какой-то странный, потусторонний холод. Такой, что даже нынешний мороз казался в сравнении с ним настоящим теплом. Еще и форма грота в виде черепа непрозрачно намекала на принадлежность к чему-то загробному... возможно, связанному с некромантией.

Относительно некромантии на меня снизошло прямо-таки озарение. Я уже научилась особым образом чувствовать эту магию и теперь точно знала, присутствует она или нет. Так вот, в этом месте она определенно присутствовала — точнее, ее отголоски. Либо сюда навещался верховный жрец Лайара и это было как-то связано с ним, либо когда-то здесь хорошо поработал некромант. А может, и то и другое.

Вода здесь была слишком спокойной, как будто вязкой и густой. Но несмотря на почти полное отсутствие волн, разглядеть что-либо в глубине даже на небольшом расстоянии было невозможно. Слишком темная и плотная, вода совсем не пропускала свет, да и сам свет здесь практически отсутствовал, впитанный плотным сероватым туманом.

На корабле, как и в окружавшем нас море, воцарилась тишина, нарушаемая лишь негромким плеском воды. Даже потерянные души перестали маячить неподалеку и, отстав, затерялись в том же тумане. Вблизи пещера оказалась несколько больше, чем я предполагала: все же судно могло в нее войти, хотя и с трудом. Флинта это не остановило, и «Черный призрак» ожидаемо скользнул во влажную, пахнущую солью и холодом темноту.

Да... оказывается, холод тоже может пахнуть. Морем и водорослями, что налипли на неровные стены, и чем-то потусторонним — пробирающим до дрожи и заставляющим невольно находиться начеку, ожидая появления чего-то страшного.

Постепенно проход вытягивался, становясь выше, а в какой-то момент мы и вовсе, миновав низковатые своды грота, оказались среди очень высоких скал, образующих неровный куполообразный потолок. Вот только в ширину грот так и не увеличился, что на меня, не особо жалующую замкнутое пространство, производило гнетущее впечатление.

Обычно темные пещеры и гроты, подобные этому, становились прибежищем морских светлячков, но здесь их не было и в помине. Это место буквально дышало мертвенным, чуждым всему живому холодом. Но если раньше некромантия так или иначе вызывала во мне стойкое неприятие, то сейчас негативных чувств я особо не испытывала. Просто знала, что эта разновидность темной магии здесь присутствует, и все.

— Местечко по твоей части, а, синеглазка? — За беспечностью тона Флинта угадывалась натянутость.

— Если здесь появится осколок, то да, по моей, — ответила я, не посчитав нужным обсуждать некромантию.

Впрочем, Флинт упомянул ее и сам:

— Ой ли. Когда-то здесь располагалось святилище жрецов Лайара. Жертв было принесено столько, что все дно покрыто человеческими костями. Тебе ли этого не чувствовать?

По коже пробежал озноб. Такие слова меня не потрясли — изначально я предполагала нечто подобное, хотя и не настолько масштабное. И все же осознавать, что прямо здесь, в этом гроте, где мы сейчас находимся, когда-то совершилось столько убийств, было жутко.

— А теперь, синеглазка, прояви свое ундиновское чутье и скажи, ощущается ли здесь присутствие осколка?

Не так давно мне уже приходилось присутствовать при появлении осколка кристалла душ, и тогда я чувствовала это всем своим существом. Но сейчас мое «ундиновское чутье» молчало.

— Если он и появится здесь, то точно не сегодня, — убежденно произнесла я. — Если только во мне что-то не сломалось, и магия смерти окончательно не заглушила магию ундин.

Строго говоря, никто из нас и не рассчитывал, что осколок появится именно сегодня. Точная дата в видении верховного жреца не фигурировала, звучало лишь абстрактное «в скором времени».

— А мы можем быть уверены, что это то самое место? — невольно поежившись от проникающего под кожу холода, спросила я Флинта. — Позволю себе заметить, что мы пришли сюда, следуя за мифическим существом, что вообще-то противоречит здравому смыслу.

Я была уверена, что капитан пиратов не станет никак комментировать поведение гидры и свою причастность к происходящему, но ошиблась. Отойдя от штурвала, он сделал шаг по направлению ко мне, остановился и, глядя в упор, произнес:

— Как ты правильно заметила, моя милая начинающая некроманточка, гидра — существо мифическое. Способное исчезать и появляться так же внезапно, как твой любимый адмирал Рей. Умеющее оставаться незаметным и обладающее знаниями, какие недоступны умам простых смертных. И после этого ты всерьез сомневаешься, что она привела нас туда, куда нужно?

— Не нас, — не отводя взгляда, поправила я. — Тебя. Почему?

— Потому что не только тебе заводить любимцев среди живности, — снова перевел все в шутку пират, намекнув на мою давнюю заботу о морских котиках. — А теперь, если тебе не трудно, будь так любезна, сосредоточься и проверь еще раз, нет ли здесь какого-нибудь намека на скорое появление осколка.

Еще несколько долгих мгновений я молча стояла, не отводя от Флинта глаз. Так и хотелось проникнуть в голову этому непостижимому во всех смыслах пирату и посмотреть, какие мысли ее наполняют. Только сейчас поняла, что уже давно хочу узнать не столько о движимых им

мотивах и том, на кого он работает, сколько о его личных тайнах. Несомненно, скелетов в шкафу Кайера Флинта хватит на целую армию нежити!

Поняв, что большего от него все равно не дождусь, я коротко вдохнула и, отойдя на несколько шагов, прикрыла глаза. Оградилась от всего постороннего, постаралась не обращать внимания на голоса пиратов, которые, впрочем, совсем скоро смолкли, — полагаю, силой взгляда капитана. Закрывшись в непроницаемый, изолирующий всякий шум кокон, я словно бы прощупывала окружающий мир. Но все портили те самые напитавшие это место отголоски некромантии — слишком сильными и явными они были, заглушали все прочее и перетягивали внимание на себя.

Прислушиваясь к себе, я непроизвольно хмурилась, мысленно отмахивалась от темной магии, которая, хотелось мне того или нет, находила отклик где-то глубоко внутри меня самой. Та темная сила, что долгое время дремала во мне, сейчас оживала, пробуждалась и снова рвалась наружу, чувствуя заполнившую грот родственную энергию.

Ощутить что-либо, кроме мертвенного холода некромантии, было крайне сложно, и я уже собралась сдаться, подумав, что ничего не выйдет, как вдруг наткнулась на нечто странное. Было сложно описать возникшие ощущения даже самой себе. Это было как если бы, плывя среди ледяного моря, ты внезапно наткнулся на слабое, но теплое течение. Определить, имеет оно отношение к осколку или нет, я не могла, но все же сделанное открытие могло быть очень важным.

Поэтому, вынырнув из глубин самой себя и испытав при этом легкое головокружение, я попросила Флинта подвести корабль немного вперед. Было что-то забавное в том, что легендарный капитан пиратов послушался меня беспрекословно, не задавая лишних вопросов. Всегда бы так...

— Это где-то здесь. — Подойдя к левому борту, я протянула руки к скале. — Не могу понять, что именно, но, кажется, магия, связанная с водой...

— Вы позволите? — Теневой охотник мягко оттеснил меня в сторону и, заняв мое место, приложил ладони к скале.

Некоторое время ничего не происходило, а затем по воздуху прокатилась легкая, едва уловимая вибрация. Шатх пошатнулся, но рук не отнял, постоял так еще несколько мгновений, после чего обернулся и констатировал:

— Там еще одна пещера. Защитная магия сложная, похожа на древнюю.

Настал черед Шатха уступать место, но, прежде чем позволить Флинту подойти, теневой охотник покачал головой и предупредил:

— Лучше этого не делать. Даже тебе.

— Серьезно? — Флинт вернулся к своему обычному иронично-легкомысленному настроению. — По-твоему, я приплыл сюда, чтобы в последний момент отступить из-за какой-то защитной магии?

Продолжая стоять у него на пути, теневой охотник негромко произнес:

— К ней приложил руку Нагхар.

Воцарилась мертвая тишина. Хотя «мертвой» она была и прежде — все пираты хранили молчание и, опасливо озираясь по сторонам, ожидали приказа. Но теперь стала еще и давящей, звенящей от переливающегося через край напряжения.

Последнюю фразу Шатх сказал так, что расслышали только Флинт и я, и для меня смысл сказанного стал откровенным потрясением. Казалось бы, после всего пережитого меня уже было трудно чем-то удивить, но данная ситуация стала исключением.

Если теневой охотник не ошибся — а сомневаться в этом не приходилось, — то выходит, прямо здесь когда-то стоял сам Нагхар — один из верховных столпов Глубины? А его магия — темная, древняя, как само мироздание, и по сей день защищает нечто, скрытое в соседней пещере? Да как такое возможно?!

«Так же, как подчиняющаяся Флинту гидра и ожившая легенда о кристалле душ», — с усмешкой нашептал мой внутренний голос.

Не знаю, что произошло бы, не раздайся у входа в грот приглушенный шум. Тихий плеск воды и едва различимые звуки приглушенных голосов, что принес ветер, заставили Флинта замереть и прислушаться. Он был первым, кто уловил приход незваных гостей, и вместо того, чтобы попытаться проникнуть в соседнюю пещеру, как намеревался, велел Шатху набросить на корабль еще одну тень, а затем медленно повел «Черного призрака» вперед.

Передав штурвал боцману, Флинт перешел на корму, и я проследовала за ним, обуреваемая нехорошим предчувствием. Кто бы там ни пожаловал, ничего хорошего в этом не было. Мне сразу же подумалось, что сюда решили наведаться фанатики Лайара во главе со своим знаменитым жрецом-провидцем, в чем ничего хорошего не было вдвойне. Мало того что мне категорически не хотелось встречаться с этими типами после недавнего покушения, так еще и мысль о том, что они по-прежнему сюда наведываются и, возможно, проводят темные ритуалы, вызывала невыносимое отвращение.

Но, как вскоре выяснилось, вошедший в грот корабль принадлежал вовсе не жрецам. И даже не каким-нибудь заезжим пиратам. Все оказалось гораздо хуже: под предводительством капитана Вагхана в эти воды заплыл отряд ловцов потерянных душ. Отряд, частью которого была и до сих пор оставалась я.

Скрытый тенью «Черный призрак» был невидим для посторонних глаз, а вот «Летящий» предстал перед моим взором во всех подробностях. Увидев неподалеку знакомые лица, я буквально лишилась дара речи и забыла, как дышать.

Поднебесные, лучше бы мне все это только снилось...

Агира и Аргар — близнецы-саламандры, стоящие на носу корабля, выделялись среди ловцов яркими красно-рыжими волосами и тем, что говорили на повышенных тонах.

— Ши знает что! — осматривая грот, воскликнул Аргар. — Как мы вообще здесь оказались?! И зачем?

— Да какая разница? — донесся до нас голос отвечающей ему Агиры. — Раз капитан решил зайти в эти воды, значит, так нужно! Не нам ставить под сомнение его приказы!

Кажется, близнецы так увлеклись спором, что напрочь забыли о присутствии того самого капитана, стоящего неподалеку. А вот ловец Брогдельврок, он же Тэйн, он же Косичка и он же мой куратор, не забыл, о чем не преминул им напомнить.

— Что они здесь делают? — глухо спросила я, не отрывая взгляда от тех, кто находился так близко и вместе с тем так недостижимо далеко.

— Полагаю, то же, что и мы, — прищурившись и так же глядя на ловцов, произнес Флинт. То есть капитан Вагхан решил посетить место, где предположительно появится последний осколок кристалла душ? Он снова действует самовольно или по приказу адмирала Рея? И вообще, как он узнал об этом гроте, если нас сюда привела гидра, а в слухах об осколке говорилось о совсем другом месте?

Судя по виду, Флинт задавался теми же вопросами. А затем его немигающий взгляд переместился на меня, и мне пришлось в который раз за это плавание почувствовать себя подопытным кроликом, которого изучают с особой пристальностью.

Когда пират вдруг провел ладонью перед моим лицом, будто сбрасывая невидимую вуаль, я непроизвольно вздрогнула. А когда положил ту же ладонь мне на лоб, машинально попыталась отстраниться, поскольку ощущения от этого прикосновения были не слишком приятными. Сначала слегка защипало кожу, а потом меня словно обожгло изнутри — не сильно, но все же ощутимо.

— Когда только успел... — негромко проговорил Флинт, убрав руку.

Испытав короткое облегчение, я тут же вновь напряглась, пытаясь понять, что он сейчас имел в виду. Давать какие-либо пояснения мне явно не собирались, а спрашивать я не стала, осознавая, что на сегодня лимит вопросов мною исчерпан.

Тем временем капитан Вагхан продолжал вести «Летящего» вперед, и Флинт вернулся к управлению «Черным призраком». Насколько я могла судить, сейчас обоими кораблями двигала исключительно магия. Вот только если первым управляли привязанные к нему потерянные души, то какая сила движет пиратским, было неясно, — не то заклятия теневого охотника, не то магия Флинта, который не на шутку подогрел мое любопытство.

В последнее время из-за постоянных стрессов и проблем я уже и забыла, каково это — интересоваться чем-то помимо учебы и кристалла душ. А сейчас капитан пиратов неожиданно пробудил во мне простое человеческое чувство, вызывающее желание разгадать окружающие его загадки. Кроме того, все, что касалось Флинта, касалось и кристалла, — ведь несколько осколков сейчас находились или у него, или у того, на кого он работал. Так что у меня имелись все основания всерьез заняться небольшим расследованием под названием «Тайны Кайера Флинта», и начать я намеревалась с раздела «Магия». В конце концов, сейчас лучшее для этого

время — когда еще мне доведется жить с ним под одной крышей и иметь возможность незаметно наблюдать?

Отвлечшись на размышления, я пропустила момент, когда грот сузился. К реальности меня вернул звук скользящего по скале дерева — корабль едва мог пройти меж скал и рисковал получить боковые пробоины.

— Дальше не пройдем! — рыкнул боцман. — Капитан, нужно поворачивать!

Обернувшись, я обнаружила, что «Летящий» по-прежнему следует за нами и расстояние между судами сократилось. Мне не было доподлинно известно, как работает теневая магия, но все же я почти не сомневалась, что, скрывая корабль и наши голоса, сделать «Черный призрак» нематериальным она не может. Соответственно, столкнись корабли — это почувствуем и мы, и плывущие за нами ловцы.

Флинта же, по всей видимости, этот факт ничуть не беспокоил.

— Пройдем. — Его губы сложились в кривую усмешку, а в глазах заблестел знакомый азарт. Что ж, по крайней мере, обнаруживать наше присутствие и, не приведя поднебесные, нападать на «Летящего» он пока не собирался. Этот факт меня частично успокоил, но не настолько, чтобы исчезли сжимающие сердце тиски. Видя совсем рядом сосредоточенные лица сослуживцев, капитана Вагхана, куратора, я чувствовала себя настоящей предательницей. Вспомнились слова, сказанные накануне вечером Сильвией:

«Как ты — служащий Морского корпуса, истинный борец закона можешь жить под одной крышей с пиратом, по чьей вине погибло и продолжает гибнуть столько наших?»

Как я могу находиться на «Черном призраке»? Как могу прятаться под укрывающей корабль тенью вместе с командой головорезов, что поднимают черный флаг?

Невидимые ледяные тиски сдавили сердце еще сильнее. Умом понимала, что в нынешнем положении вещей нет моей вины, но в душе все переворачивалось. Вдобавок ко всему прочему я внезапно осознала, что, как ни стараюсь, а в полной мере ощутить прежнюю неприязнь к пиратам не могу. Нет, не так — не могу ощутить ее к Шатху, который, хоть и теневой охотник, но не сделал мне ничего плохого, а только помогал. Но, что самое ужасное, это же относится и к Флинту. Я отдавала себе отчет, что они преследуют собственные цели, помогают мне только до тех пор, пока наши интересы совпадают, и все-таки... именно неприязни и презрения, какие всякий служащий Морского корпуса должен испытывать по отношению к любым пиратам, я больше не чувствовала.

Это открытие по-настоящему меня потрясло и испугало. Потому что именно оно отделяло меня от отряда ловцов больше, чем темная магия и наброшенная на «Черный призрак» тень.

Трение дерева о скалу действовало на воспаленные нервы, и я смотрела то вперед, где на выходе брезжил робкий свет, то назад — на «Летящий», команда которого так же, как и пираты, замерла, осматривая свод и стены грота. А еще я бросала короткие взгляды на Флинта и чем больше это делала, тем больше убеждалась, что его уверенность основана не только на интуиции, но и на чем-то еще. Почему-то сложилось впечатление, что он уже бывал здесь раньше, и прошлый раз, судя по его внутреннему напряжению, ничем хорошим не закончился.

— Стойте! — Приказ капитана Вагхана в воцарившейся тишине прозвучал как неожиданный раскат грома.

Потерянные души послушно перестали надувать паруса, и корабль застыл.

— Немного назад, — последовала очередная команда.

Да, такого я еще не видела... на моей памяти «Летящий» вытворял всякое, но чтобы пятиться, как какой-то краб, — такого еще не было! Корабль плавно отходил назад, а капитан Вагхан переместился на корму.

— Что он... — начала я и не закончила, поскольку «Летящий» остановился, а капитан оказался стоящим прямо около той самой части скалы, за которой располагалась еще одна пещера.

Неужели он тоже это почувствовал?

— Ну Рей! — с недовольством и одновременно с восхищением присвистнул Флинт.

— При чем здесь адмирал Рей? — не поняла я.

Надолго моего молчания и намерения больше не задавать вопросов не хватило. Что удивительно, пирата, похоже, это несколько не раздражало, и он даже сподобился ответить:

— При том, что наш любимый Реюшка исхитрился во время последнего визита изменить привязку сопровождающей тебя потерянной души. Благодаря этому он теперь точно определяет

твое местоположение, преодолевая даже магию Шатха. Красиво сработал, Глубина возьми! Уважаю.

На последних словах я едва не поперхнулась. Вот уж не ожидала услышать такое от Флинта! — Что? — уточнил капитан, так как моя реакция от него не укрылась. — Достойным противникам — достойное восхищение.

Пока я удивлялась достойным словам в какой-то степени достойного пирата, капитан Вагхан успел прикоснуться к скале — совсем как недавно это делал Шатх. Вот только, в отличие от теневого охотника, альв магию Нагхара распознать не сумел, хотя и определенно что-то почувствовал.

Мне подумалось, что сейчас Флинт тоже решит вернуться, но этого не произошло. Пиратское судно продолжало двигаться вперед, лишь каким-то чудом не расплющиваясь между все сильнее стискивающими его скалами.

Все-таки это место было и впрямь необычным. Не совсем грот, не совсем пещера — узкое и очень высокое замкнутое пространство, давящее не только на заплывшие сюда корабли, но и на сознание. Моя нелюбовь к замкнутым пространствам сейчас оказалась совсем некстати, и требовалось прилагать усилия, чтобы не обращать внимания хотя бы на это, — поводов нервничать и так было более чем достаточно. Все это время я боролась с желанием сбежать на нижнюю палубу, чтобы не видеть ни «Летящий», ни находящихся на нем его сослуживцев. Но соверши я такой поступок — и потеряла бы всякое самоуважение, поэтому заставляла себя оставаться подле Флинта и усердно держала эмоции под контролем.

Когда до выхода в открытое море осталось всего ничего, показалось, что корабль все-таки расплющит, до того плотно обступили его скалы. Поэтому, как только грот оказался позади, на «Черном призраке» раздались синхронные облегченные вздохи, среди которых мой был самым громким.

И впрямь дышать как будто легче стало!

— Вернемся позже, — кивнул Флинт теневому охотнику.

По мере того как мы отплывали от скал, которые с этой стороны тоже напоминали череп, противоречивых чувств во мне становилось все больше. Мне хотелось перестать смотреть на грот, но оторваться от него я не могла. Хотелось не думать об отряде ловцов, но и этого не могла тоже. До боли стискивая кулаки, мысленно обещала, что непременно справлюсь с живущей внутри меня тьмой, заставлю ее подчиниться и приложу все силы для того, чтобы добиться поставленной цели как можно скорее. Стоило только представить, что я возвращаюсь на службу в Корпус, как внутри все тут же начинало трепетать от восторженного предвкушения. Я отчаянно желала вновь оказаться в Сумеречье, пройтись по таким знакомым, окутанным синеватым туманом улицам, услышать от кого-нибудь пожелание алых рассветов, вдохнуть морозный соленый запах и съесть любимые пончики, что в своей пекарне готовит краснощекий булочник. Встретиться с друзьями, по совету Яли сходить в храм Ританы, навестить папу... последнего я жаждала больше всего.

За такими мыслями я ненадолго выпала из реальности, а к ней меня вернул странный, ни на что не похожий звук. По воде снова пробежала вибрация, за которой последовали высокие волны и сильные порывы ветра, принесшие перемешанные со снегом дождевые капли.

— Глубина меня сожри... — потрясенно выдохнул кто-то из пиратов.

— Да чтоб мне сдохнуть! — с не меньшим потрясением подхватил другой.

Разумом я еще не осознавала, что происходит, но все чувства моментально обострились, и интуиция заставила обратить осмысленный взгляд на грот.

Придерживая подхватываемые разъярившимся ветром пряди волос, я присмотрелась к гроту внимательнее и обомлела. В ужасе застыла, не веря, что зрение меня не обманывает.

Издавая потрескивающие звуки и порождая гул, вторя шуму волн и завываниям ветра, скалы сходились друг с другом. И без того узкий проход с каждым мгновением становился еще уже... а «Летящий» со всеми ловцами и капитаном по-прежнему оставался внутри.

— Невозможно, — на грани восприятия различила я негромкий голос Флинта. — Мы ведь решили это много лет назад...

При других обстоятельствах я бы заострила на этом внимание, но сейчас не волновало ничто, кроме того, что ловцы в настоящий момент как никогда близки к гибели. Они ведь остались там! Там, в этом проклятом месте, которое вот-вот превратит их в неразборчивое плоское месиво!

Пока одна часть меня оцепенела в ужасе, другая словно наблюдала за всем со стороны и сохраняла разум холодным. Если ничего не предпринять — им не выжить. Даже объединенной магии альвов, саламандр и ундиин не хватит для того, чтобы остановить движение скал, которыми тоже очевидно управляет древняя магия.

— Нужно что-то делать! — высказала я мысли вслух, схватив Флинта за рукав. — Немедленно! Судя по ощущениям, взгляд у меня был сумасшедшим, а сердце сокращалось с такой скоростью, что совершенно непонятно, как у меня не случился приступ.

Пошли меня Флинт куда подальше и спокойно наблюдай за смертью служащих Морского корпуса, я бы, наверное, не удивилась. Даже ожидала, что он поступит именно так, — пират, открыто признающий, что все его действия основаны только на личной выгоде. Ему незачем помогать своим прямым врагам, незачем рисковать собой и своими людьми.

Он крутанул штурвал с такой силой, что показалось, будто по дну корабля снова ударила гидра. Борт залило водой, в глаза попали соленые брызги, окатившие буквально с головой, ветер наполнил черные паруса, которые вобрали его, точно изголодавшиеся по воздуху легкие.

— Они пойдут к западному входу! — перекрикивая шум, произнес Флинт. — Разворачиваемся!

Мне с трудом верилось, что он хочет попытаться оказать помощь ловцам, но сейчас было не до сомнений. Огибая скалы, мы стремительно приближались к той их части, с которой заходили в грот, и все мои мысли вращались вокруг оставшегося в запасе времени. А еще в голову настойчиво лезла мысль о том, что, даже успею мы подойти к входу прежде, чем сомкнутся скалы, помочь все равно не сумеем. И все же какая-то отчаянная надежда на чудо во мне горела, не позволяя сорваться в беспросветную черную бездну.

Когда мы оказались на месте, «Летающий» находился примерно на полпути к выходу, но больше не двигался. Скалы сжались настолько, что плыть он больше не мог, а ловцы пытались добраться до заветного выхода на шлюпках: кое-какие уже плыли с пассажирами на борту, а некоторые только спускались на воду.

— Капитан! — донесся до меня голос Аргара. — Спускайтесь!

Ответа я не расслышала, но этого и не требовалось: если я хоть что-нибудь понимала в чужой психологии, капитан Вагхан никогда не покинет свой корабль, пусть даже под угрозой неминуемой смерти.

Хотелось кричать — громко, надрывно, чтобы по щекам бежали реки обжигающих слез, таких же соленых, как Сумеречное море. Но слез не было. Они жгли изнутри, давили на глаза, подводя к границе отчаяния. Я не слышала, о чем теневой охотник говорил Флинту, не знала, чем занята команда, — весь мир вдруг сузился до треклятого прохода меж скалами, который с каждой секундой становился все меньше. Теперь очертания черепа обрели смысл, стало понятно значение этого символа, предупреждающего, что внутрь входить нельзя...

Поднебесные, да за что?! Неужели они все сейчас погибнут?!

Неожиданно та моя часть, которая сохраняла холодную отстраненность и была оттеснена паникой на задворки сознания, взяла верх.

Я неотрывно смотрела на друзей, изо всех сил борющихся за свою жизнь, а в мыслях звучали мимолетно брошенные Кайером Флинтом слова: «Когда-то здесь располагалось святилище жрецов Лайара. Жертв было принесено столько, что все дно покрыто человеческими костями...»

Кончики пальцев знакомо закололо, по телу разлился темный холод. То, что я собиралась сделать, нельзя было назвать иначе, как самонадеянным безумием, не имеющим ни малейшего шанса на успех, но меня это не остановило. Бесчисленное количество раз мне приходилось молить о чем-то Поднебесье, но сейчас я собиралась обратиться к Глубине. К темной магии, что пугала и бурлила внутри меня все последние дни.

Перед глазами замелькали образы заснеженного леса, поднимающиеся на ноги мертвые ши и безжизненная птица, а затем я смежила веки и погрузилась в черноту. Время замедлилось, став густым и вязким, как смола. Дыхание сделалось редким, сердце больше не билось так часто, как

прежде, и даже стынущая кровь струилась по венам гораздо медленнее. Погружаясь вглубь самой себя, я разрушала все мешающие барьеры и предрассудки, позволяя своей темной магии выплеснуться в полную мощь. Вместе с тем снова окуналась в энергию этих вод, добиралась до самого дна и ощущала лежащие на дне смерти... их было несколько тысяч. Несколько тысяч тех, кто или стал жертвой ритуалов, или погиб так же, как сейчас могли погибнуть ловцы потерянных душ.

И они — мертвые, пролежавшие под толщью воды долгие годы, должны мне подчиниться. В Глубину все страхи и нерешительность — если есть хотя бы крошечная, пусть даже безумная возможность задержать смыкающиеся скалы, я обязана ее использовать!

Холодно было невыносимо, до боли, но в какой-то момент боль прошла, а холод начал казаться чем-то естественным и даже приятным. Я ощущала, как ласкает лицо ветер, как падают на губы и щеки капли, которые по сравнению с кожей были не ледяными, а теплыми. Море бурлило, разразился шторм, но в том замкнутом, наполненном потусторонним холодом мире, где теперь находилась я, было спокойно и умиротворенно.

Так странно... Я всегда думала, что смерть — это нечто страшное и разрушительное. И темная магия тоже. Но, оказалось, она может быть спокойной и безмятежной. Приятно бесчувственной...

Каким-то внутренним зрением я видела тонкие, практически незаметные нити, тянущиеся из самых глубин. Пуская по ним свою магию, наполняла их ею, заставляя приглушенно мерцать и становиться толще.

Покой долго не продлился. По мере того как я чувствовала все больше и больше «нитей», подчиняла давно почивших бедолаг, меня заполняло необъяснимым торжеством, смешанным с лежащей на плечи тяжестью. Мозг будто отключился, и я превратилась в сосредоточение интуиции и ощущений. Не анализируя и не задумываясь над своими действиями, концентрировалась на цели, которую хотела достигнуть. Я выкладывала все неведомо откуда берущиеся силы, а те только этого и ждали — некромантия, которой дали волю и позволили взять верх, вырвалась на свободу, смешалась с беспокойной водой, достигла дна и безудержной мощью прокатилась по глубинам Сумеречного моря.

Я не могла видеть, что происходит, но все тем же внутренним зрением ощущала, как разрозненные части скелетов соединяются вместе, а темная магия наполняет полуистлевшие кости удивительной силой. Как лишенные душ тела поднимаются на ноги и упираются подобиями рук в стремящиеся соединиться скалы.

Армия... моя личная армия подводных скелетов синхронно пыталась противостоять древней магии, и, судя по моим ощущениям, у них получалось! Движение скал замедлялось, а вместе с ним замедлялось и биение моего сердца, которое, казалось, уже почти остановилось.

От напряжения на лбу выступили липкие капельки. Я едва осознавала, что вытянула вперед руки, словно управляя невидимыми марионетками. От прикладываемых усилий мне должно было быть жарко, но я находилось во власти все того же холода. Когда-то давно в библиотеке господина Слоуэна я читала книгу сказок, в одной из которой добрая принцесса противостояла злому магу, использующему запретную темную магию. Я всегда стремилась быть такой «принцессой», а сейчас самозабвенно, отчаянно пользовалась той силой, о которой или рассказывают в книгах, или говорят шепотом.

В сказках все просто и понятно. Это — добро, а это — зло. В реальности все куда сложнее, и порой тем, кто стремится быть положительным персонажем, приходится использовать темную магию во благо. Да и вообще, бывает ли магия темной и светлой? Может, все дело в том, как ее использовать?

Обрывочные мысли мелькали где-то на краю сознания, в то время как вся моя суть была занята контролем над подчинившейся нежитью. В какой-то момент до этого замедлившее ход время вошло в привычное русло, и полная интуитивность уступила место частичной осознанности.

Открыв глаза, я смотрела на громадный каменный череп и сходящиеся скалы, которые теперь почти остановились, но все же проход стал заметно уже. «Летящий» буквально трещал, устремлялись к выходу шлюпки, весь грот наполняли крики и всполохи огня, порожденные саламандрами. Большинство ловцов, объединив усилия, тоже старались сдерживать натиск скал — на шлюпках уплывали считанные единицы.

Магия вытекала из меня, как вода сквозь пальцы, и я понимала, что долго не выдержу. Колени дрожали, как и руки, которые я упорно вытягивала перед собой, не чувствуя ледяных

онемевших пальцев. Понятия не имела, сколько прошло времени и сколько мне уже удалось использовать некромантию, — может, минуту, полторы...

Опустившиеся мне на плечи руки стали полнейшей неожиданностью. Как и шепот, коснувшийся уха:

— Сделаем старика Нагхара, а?

И в тот же миг чужая, но чем-то схожая с моей магия заструилась по венам, вплеснула в меня заряд новых сил, и я пропустила ее через себя, чтобы передать своей «армии». Флинт стал подпитывать меня по такому же принципу, каким я сама всегда передавала силы Косичке во время плетения сети.

Я пребывала в глубоком потрясении от всего происходящего, так что не могла изумиться еще сильнее... и все-таки изумилась! Подумалось, что я схожу с ума или тону и вижу предсмертный бред!

Легендарный капитан пиратов, гроза всех морей и головная боль Объединенного Двудунного королевства передает мне свою магию, чтобы подпитать тысячи управляемых мной скелетов... Нет, это уже не сказка! Это... да вообще ши знает что!

Но как только стало очевидно, что у нас все получается и «старик Нагхар», чья магия привела скалы в движение, проигрывает, все посторонние переживания перешли на второй план. Обо всем этом сумасшествии можно подумать потом, а сейчас — только действовать, выжимать из себя максимум, пользоваться магией во всю мощь!

Внезапно сквозь шипение огромных чернильных волн и завывание ветра слуха коснулся раскат, идущий откуда-то из-под воды. А затем на поверхности показались и тут же исчезли двенадцать змеиных голов — гидра тоже устремилась к гроту. Подплыв ближе, протиснула несколько голов внутрь и надавила ими на разные стены, отчего те содрогнулись, разошлись еще немного, а затем и вовсе замерли.

Как руки Флинта исчезли с моих плеч, а я оказалась безвольно висящей на этих самых руках, помнила смутно. Просто в какой-то момент испытала невыносимую слабость, во рту появился противный горький привкус, а роящиеся перед глазами черные точки превратились в сплошную, поглотившую меня целиком беспросветную тучу...

Все же избавление от привычек — дело медленное и трудное. Привычки — это не пустяк, так просто себя изжить не позволяют. Вот и я по старой доброй и, как мне казалось, уже почти победенной привычке открыла сначала один глаз, а затем осторожненько второй.

Почему-то первой в голове промелькнула мысль, что сейчас я услышу знакомое шутовское: «У вас привычка такая — падать в обморок?»

«А вы всегда помогаете девушкам, теряющим сознание в вашем присутствии?» — когда-то ответила я адмиралу Рею на такой вопрос.

Как же давно это было...

Открыв уже оба глаза, увидела над собой темный и как будто слегка покачивающийся потолок, свидетельствующий о том, что я нахожусь на корабле. Скользнув взглядом по каюте, отметила, что она мне знакома и принадлежит Кайеру Флинту — значит, нахожусь не просто на корабле, а на «Черном призраке».

Следом пришли воспоминания о «Летящем», гроте и двигающихся скалах, в результате чего я резко села на кровати, силясь попать, сон то был или же реальность. Перед глазами тут же все поплыло, по телу разлилась невыносимая болезненная слабость, и я рухнула обратно.

Итак, учитывая скверное самочувствие, все же самая реальная реальность. Меня словно провели через все круги Глубины: голова раскалывалась, пальцев рук я почти не чувствовала, а прислушавшись к себе и положив руку на грудь, не различила биение сердца. Оставалось надеяться, что оно просто бьется очень тихо, а не остановилось вовсе, отправив меня в Глубину... со своей темной магией на Поднебесье я больше не рассчитывала.

Но все физические недомогания не шли ни в какое сравнение с терзающим меня душевным волнением. Я помнила, что в итоге скалы все-таки остановились, но отнюдь не испытывала уверенности, что никто из ловцов не пострадал. А «Летящий»? Что стало с ним? За совершенные на этом корабле рейды я успела сильно к нему прикипеть и, как и остальные ловцы, воспринимала его почти как живое и родное существо. Одна только мысль о том, что сейчас он может лежать на дне рядом с останками тех, кто затонул в этих беспокойных водах, заставляла все внутри сжиматься в ледяном ужасе.

О своем «подвиге» и помощи Флинта в его осуществлении я вспомнила в самую последнюю очередь. Зато воспоминание это было особенно ярким и острым, вынудившим в очередной раз усомниться в здравости собственного рассудка.

Неужели мне и правда удалось поднять целое полчище нежити да еще и заставить его противостоять древней магии Нагхара? Уму непостижимо! Как такое возможно, если еще вчера я с трудом заставляла двигаться двух дохлых, захудалых ши?!

— Беспросветного вечера, — пожелал мне материализовавшийся рядом с кроватью Дымок. — Как себя чувствуете?

— Что с ловцами? — проигнорировала я и вежливость, и вопрос. — Где мы сейчас?

— Все живы и, можно сказать, отделались испугом, — успокоила подчиненная душа. — Мы держим курс на Сумеречную Жемчужину.

— Эртан? — Должно быть, пережитое сильно сказалось на моей психике, поскольку никакого внутреннего сопротивления, произнося это имя, я больше не испытывала. — Но ведь... он знает, где мы сейчас находимся? Флинт сказал, что адмирал что-то сделал с твоей привязкой и теперь может отслеживать мое местоположение, даже несмотря на заброшенную на «Черный призрак» тень...

Обладай потерянные души способностью получать физические увечья, зубы Дымка стерлись бы в порошок. Воздух вокруг него завибрировал, а он сам заметно побелел, всем своим видом выражая крайнюю степень раздражения и недовольства.

— Глубинный приспешник Нагхара осмелился вмешаться, — процедил Дымок, подразумевая теневого охотника. — Отныне отследить местоположение «Черного призрака» снова невозможно.

Я даже не понимала, огорчило меня такое известие или же нет. Просто была слишком вымотана, чтобы всерьез об этом задумываться.

Неожиданно дверь каюты открылась, и внутрь вошел кок собственной персоной. Зрелище было умопомрачительное: угрюмый гнолл, нагруженный подносом, на котором стояли не только тарелки с едой, но и хрустальная ваза с синим цветком...

— Ваш обед, — пробубнил он, плюхнув поднос на стоящий рядом с кроватью столик. — Приятного аппетита.

«Приятного аппетита» прозвучало так, словно мне пожелали отравиться. Впрочем, к тяжелому характеру гнолла мне было не привыкать, так что я не обратила на то никакого внимания. А вот есть не хотела совершенно — один только запах рыбной похлебки вызывал тошноту.

— Капитан сказал, нужно поесть, — монотонно произнес хмурый кок. — И просил передать, что если «синеглазка» будет отказываться, то он придет и накормит ее лично. Из ложечки.

Зная Флинта, в осуществлении его угрозы я не сомневалась, поэтому зачатки аппетита во мне проснулись практически моментально. Я даже нашла в себе силы присесть и, переставив поднос к себе на колени, отправить в рот пару ложек похлебки. Объективно еда была вкусной, но запах по-прежнему вызывал отвращение, так что пришлось играть в актрису и изображать хотя бы видимость того самого аппетита.

Исполнив поручение капитана, кок поплелся к выходу и покинул каюту, смачно хлопнув дверью. Как только его шаркающие шаги затихли, поднос перекочевал обратно на столик, и я обессиленно упала на подушки.

— Вам и вправду стоило бы поесть, — заметил Дымок.

— Не могу, — страдальчески протянула я, борясь с накотившим головокружением. — Ничего не могу... и не хочу.

Даже не отпускающее беспокойство о сослуживцах было каким-то ленивым, поблекшим всего за несколько минут. Я чувствовала опустошение, как физическое, так и моральное, а еще — невыносимую усталость, спасения от которой не имелось ни наяву, ни во сне. Нужно было о многом подумать, многое осмыслить, но сил на то не осталось никаких.

— Или вы будете есть самостоятельно, или я выполню обещание Кайера Флинта за него, — флегматично произнес Дымок, вдруг оказавшийся у изголовья кровати. — Выбор за вами. Я промолчала, бесцельно гипнотизируя взглядом потолок. Данный экземпляр потерянной души, конечно, обладал недюжинной силой, но все же оставался нематериальным. А способность физически воздействовать на реальный мир имела только у редких душ, привязанных к конкретному месту: например, у Гвианы или Овара — дворецкого адмирала Рея. Дымок же, при всех своих особенностях, находился в личном подчинении, поэтому волноваться было не о чем.

— Чем больше существую в энергетически завуалированной форме, тем более становлюсь чуждым чувств, однако это не мешает мне сожалеть о невозможности прикоснуться к чему-то реально существующему, — в обычно бесстрастном голосе Дымка проскользнул оттенок сожаления. — Печально.

Оторвавшись от созерцания потолка, я рассеянно посмотрела на собеседника:

— Не обижайся, но в настоящий момент твоя «невозможность» мне на руку.

— Я не способен обижаться, ведь обида требует умения проявлять чувства, которое мне не подвластно. Тем не менее должен признать, после привязки к вам, леди Фрида, я ощущаю себя все более... живым, как бы странно это ни звучало.

Я вздохнула. В другое время непременно оценила бы красноречие и философский настрой Дымка, но сейчас была просто не в состоянии поддержать разговор.

— Хотите я вам почитаю? — прозвучало следом неожиданное предложение.

Подумав, что это сможет меня хоть как-то отвлечь и вернуть к жизни, я с благодарностью согласилась. Времени задуматься о том, где Дымок возьмет книгу и как станет переворачивать страницы, у меня не было, поскольку он приступил к делу незамедлительно. А именно — с предельной серьезностью спросил, какую литературу я предпочитаю, и, когда мы сошлись на художественной, предложил варианты, среди которых присутствовал мой любимый «Старый маяк». Его я, разумеется, и выбрала.

При всей своей нынешней пассивности я все же удивилась, когда Вайра Оттера Дымок стал читать наизусть.

— Прости, — перебила я потерянную душу. — А много книг ты знаешь на память?

— Около двухсот пятидесяти, — невозмутимо отозвался он. — Не забывайте, у меня в запасе целая беспросветная вечность. А теперь, если не возражаете, я продолжу.

В устах Дымка текст, который я тоже знала почти дословно наизусть, приобретал совершенно новое звучание. Они — и потерянная душа, и книга — открывались для меня с другой стороны, заряжая тонким и очень лиричным настроением. В том, как Дымок читал описание штормового моря, чернильного неба и крошечного огонька старого маяка, существовал налет щемящей грусти, даже печали по чему-то безвозвратно ушедшему...

По тому, что зовется жизнью.

Проникновенные строки ложились на сердце, заставляли его оттаивать, и я вдруг заметила, что тихо плачу. Слезы скатывались по щекам, оставляли соленый привкус на губах и впитывались в подушку. Рожденные умело сложенными словами, они находили продолжение в уйме наболевших проблем, и я плакала уже не только из-за текста, но и потому, что того требовали долгое время сдерживаемые эмоции. Зато когда слезы — горькие, тяжелые — вышли наружу, стало намного легче.

— Я вас чем-то расстроил? — закончив читать четвертую главу, спросил Дымок.

— Нет, — ответила я теперь уже с улыбкой, утерев остатки слез. — Все хорошо.

Осторожно присев, обнаружила, что головокружение полностью прошло, да и в целом самочувствие значительно улучшилось. Аппетит пробудился по-настоящему, и вид остывшей похлебки вызывал не тошноту, а исключительно желание ее попробовать. Я как раз хотела попросить Дымка прервать чтение и сделать паузу на еду, когда заметила, что дверь каюты приоткрыта и на пороге, прислонившись плечом к косяку, стоит Флинт.

Я даже примерно не представляла, как давно он здесь находится и молча за нами наблюдает.

Пришел бесшумно, точно тень Шатха, и никак не дал о себе знать.

— Подслушиваешь? — поинтересовалась я.

— Всего лишь решил заглянуть в собственную каюту и обнаружил, что ее оккупировали, — не моргнув глазом ответил Флинт. — Впрочем, это было ожидаемо после того, как одна подающая надежды некроманточка потеснила меня в моем же доме.

— С твоей подачи, прошу заметить, — в тон ему парировала я. — Мой переезд в Сумеречную Жемчужину был твоей идеей, помнишь? Так что не жалуйся.

По губам пирата скользнула ленивая ухмылка.

— Общение со мной определенно идет тебе на пользу.

С этим утверждением можно было поспорить, но я не стала. Глупо отрицать, что проснувшаяся во мне темная магия и постоянное пребывание в обществе отпетых головорезов во главе с язвительным пиратом постепенно оказывали на меня определенное влияние. Хорошее или нет — вопрос другой.

— Пожалуй, мое присутствие больше необязательно, — склонив голову, произнес Дымок. И не успела я опомниться, как он бесследно растворился. Flint еще некоторое время стоял в дверях, не сводя с меня насмешливого взгляда, а затем, покачав головой, бросил:
— Заканчивай с ужином, и я отведу тебя на свежий воздух. А то похожа на только что поднятую нежить, хотя и симпатичную.
Все же Flint мастер отвешивать сомнительные комплименты! Но пререкаться я не стала и на этот раз, послушно доев похлебку, слегка зачерствленную горбушку хлеба и выпив крепкий чай. К этому времени уже почти полностью пришла в себя, но, когда поднялась на ноги, меня все равно повело, и удержаться удалось только благодаря оказавшемуся рядом Flintу.
— Мне крайне льстит твое желание постоянно оказываться в моих объятиях, но сейчас нам и правда лучше подняться наверх, — глядя мне в глаза, усмехнулся невыносимый пират. Короткая вспышка возмущения придала сил, и я, высвободившись из придерживающих меня рук, направилась к выходу. Сумела самостоятельно преодолеть узкий коридорчик и даже подняться по лестнице, правда, на последних ступенях все-таки пошатнулась, благодаря чему заработала еще одно поддерживающее прикосновение.
Оказавшись на палубе, я жадно вдохнула свежий воздух и с удовольствием подставила лицо морозному ветру. Странно — жарко мне в каюте не было, а холод все равно воспринимался как нечто крайне приятное и долгожданное. Прикрыв глаза, я замерла на несколько мгновений и ощутила, как мне на плечи легло пальто.
— Твоя болезнь будет совсем некстати, — сопроводил этот жест комментарий Flintа.
— Потому что это помешает твоим планам?
— Именно.

Не открывая глаз, я возразила:

— Врешь.

По мере того как ко мне возвращались силы и способность ясно мыслить, я все четче воспроизводила в памяти недавние события. И среди них, таких насыщенных и ярких, одну из главенствующих ролей играл Flint, который не только не остался безучастно наблюдать за гибелью ловцов, но и приложил немало сил, чтобы им помочь. Такой поступок никак не мог быть продиктован его расчетливостью хотя бы потому, что никакой выгоды в нем попросту не существовало.

На наш двулунный мир опустилась густая ночь. Сквозь просветы в тяжелых тучах проглядывали редкие звезды и робкий свет малой луны, под которым переливались парящие в воздухе мелкие снежинки. Сделав несколько шагов вперед, я положила руки на борт корабля и устремила взгляд в туманную даль, где уже виднелись очертания Сумеречной Жемчужины. Забавно, что не так давно я плыла на этот островок, не зная, что меня на нем ждет, и чувствуя себя потерянной. А сейчас, когда жизнь стала еще более насыщенной и меня снова прибывало к этим берегам, где-то глубоко внутри меня уже крепились изменения. Они начались еще в тот далекий день, когда я решила испытать удачу и пополнить ряды кадетов Морского корпуса, но именно сейчас стали особенно заметны. Прислушиваясь к себе, я понимала, что та робкая девочка, которая торговала в рыбной лавке и боялась поднять взгляд от пола, выросла, и не столько в общем понимании этого слова, сколько над собой.

Однажды теневой охотник сказал мне, что если отсиживаться в своей безопасной раковине, то так и останешься маленькой улиткой, не повидавшей настоящий мир. Не знаю, как насчет маленькой улитки, но раковина, давшая трещину уже давно, окончательно разлетелась на мелкие осколки, канувшие в Глубине. И в настоящий момент, стоя под высоким темным небом среди ночного беспокойного моря, я знала, что мой долгий путь только начинается...

ГЛАВА 11

Подойдя как всегда бесшумно, капитан пиратов встал подле меня и тоже обратил взгляд на теряющийся в сумеречном тумане берег.

— Почему ты это сделал? — спросила я.

— Сделал что?

— Не бросил их умирать, — пояснила, непроизвольно чуть сильнее сжав пальцы. — Только не говори, что у тебя имелся корыстный мотив так поступить, все равно не поверю.

Пират негромко хмыкнул:

— Похоже, я поспешил с выводами, говоря, что мое общество идет тебе на пользу. Стала слишком смелой? Или, подобно Реюшке, возомнила себя чтецом чужих душ?

— Я фактически всю жизнь находилась в обществе преступных элементов, заполонивших Слезные трущобы. За долгие годы насмотрелась всякого и могу отличить настоящего преступника от того, кто или стал таковым вынужденно, или только хочет им казаться.

— Похоже, все-таки возомнила, — кивнул Флинт и, одним неуловимым движением развернув меня к себе, посмотрел в глаза. — Что бы ни происходило вокруг тебя, внутри ты все еще маленькая наивная девочка, идеализирующая других и видящая свет там, где его нет. Может, ты что-то и читаешь в чужих душах, только в мою смотреть не пытайся. Утонешь.

Глядя в карие, в полумраке кажущиеся практически черными глаза, я была готова верить, что в них — отражающих его душу — можно утонуть. Но он ошибался: я вовсе не считала себя способной заглядывать в чужие души, хотя и точно знала, что Флинт на самом деле гораздо лучше, чем хочет казаться. Не понимала, чем именно, но он вызывал во мне странное чувство, будто мы с ним во многом неуловимо похожи. Слишком хорошо была мне знакома манера выставлять напоказ улыбку, а все горести, скорби и надежды прятать глубоко в себе. Впрочем, возможно, я и правда не утратила склонности приписывать окружающим те черты, которые хотела в них видеть.

— Когда-то я сам служил в Морском корпусе, — вновь смотря на море, неожиданно сказал Флинт. — Пусть сейчас я пират, но спокойно смотреть на гибель ловцов не могу. И, — опередив захотевшую перебить меня, продолжил: — Прежде чем ты припишешь мне несуществующие достоинства, вспомни, что по моей вине и так погиб один ловец.

Последняя фраза была сказана как бы между прочим, мимолетно, но именно она привлекла мое внимание, как ничто другое. Под «одним ловцом» очевидно подразумевалась Гвиана.

— Ты... — начала я и на несколько мгновений замолчала, не зная, как подобрать слова. — Ты ведь не убивал ее? Это была случайность?

На сей раз я была на все сто процентов уверена, что мой вопрос останется без ответа. Флинт никак не походил на человека, готового откровенничать с кем бы то ни было, а тем более со мной, в сущности, совершенно чужой для него девушкой.

Видимо, чтец душ из меня и впрямь никакой, а свою интуицию я все это время переоценивала, поскольку ответ все же прозвучал. Притом гораздо более развернутый, чем можно было предположить.

— Мы служили в одном отряде ловцов: я, Эртан Рей и Гвиана Лейдж. Дружили с того самого дня, как перешагнули порог Морского корпуса. Лейдж была жуткой занудой, но почему-то мне нравилась. Мы даже на свидание как-то сходили, — не отрывая взгляда от постепенно приближающегося острова, Флинт невесело усмехнулся. — Потом она влюбилась в ловца, служащего под командованием капитана Диатея, а я по дурачности считал, что обязан снова добиться ее внимания. Чего только не делал... В какой-то момент она просто перестала со мной разговаривать. Рей метался между нами и пытался помирить, но без толку. Через некоторое время в Сумеречном море возник грот, близ которого наблюдалась повышенная активность потерянных душ. Это сейчас море просто кишит потерянными, а раньше столь сильные вспышки были редким явлением. На решение проблемы направили почти все отряды, среди которых был и наш. Ши! — без перехода выругался он и, обернувшись, бросил через плечо: — Садр, притащи мне глубинного рома!

Пожелание было исполнено незамедлительно, и, когда спустя всего какую-то минуту бутылка оказалась в руках Флинта, он сделал несколько глотков, отер рукавом губы и вернулся к рассказу:

— Скалы, напоминающие формой череп, появились словно из ниоткуда. Их никто не видел прежде, ни на одной карте не существовало даже намека на их присутствие. Но как только наши корабли подошли к гроту, капитаны и некоторые ловцы ощутили скопище темной магии, напитавшей это место. Попутно выяснилось, что сюда приплывали жрецы Лайара... много их тогда повязали, у них до сих пор этот день ежегодно считается белым, что по их меркам значит дрянной, — они вообще двинутые, эти фанатики. Так вот. — Он сделал еще один долгий глоток. — Фанатиков разогнали, а магия никуда не делась. Тогда все ошибочно полагали, что

она является следствием жертвоприношений, совершаемых на протяжении долгого времени, и никак не могли понять, как жрецам прежде удавалось все скрывать. Множество агрессивных душ, сосредоточившихся возле грота, тоже списали на кровавые ритуалы. Это сейчас понятно, что в гроте сильна магия не Лайара, а Нагхара, да еще и связанная с осколками. Не удивлюсь, если в той пещере, куда мы сегодня так и не попали, был создан и расколот кристалл душ.

Далее последовал очередной глоток рома, и я, изнемогая от волнения, поторопила:

— Вы прибыли на место. Более или менее разобрались в ситуации. И что потом?

— Потом... — Флинт положил локти на борт и взболтал содержимое бутылки. — Все отряды объединили усилия, плели сети, отлавливали душ. Несколько кораблей вошли в грот, а тот внезапно начал сужаться. И наш отряд, и отряд капитана Диатея оказались в западне. Мы быстро пересели на шлюпки и поплыли к выходу. Корабли пришлось бросить — к счастью, в отличие от Вагхана, у тех капитанов хватило ума оставить посудины и спастись. Одна из отстающих шлюпок дала течь. Творился настоящий хаос: сужающийся грот, разъяренные души, выходящая из-под контроля магия... Одни из нас кричали, предлагая дожидаться отстающих, другие не желали еще больше рисковать своими жизнями. Нескольких особо честных активистов просто выбросили за борт.

Видимо, потрясение очень явственно проступило на моем лице, поскольку Флинт, совершенно неестественно усмехнувшись, произнес:

— Именно такие ситуации и показывают, кто есть кто. В то время среди ловцов оказалось много трусов, готовых наплевать на жизни товарищей, лишь бы спасти свою шкуру. К слову, с того же времени отбор в кадеты и стал более жестким, а требования — высокими. На сей раз количество сделанных глотков рома приравнялось к пяти.

— Среди попавших за борт оказался и несчастный влюбленный. Проход еще оставался широким. Мы проплывали мимо, и я его заметил. Мог остановить наших, подать руку, спасти... но не стал. Просто налегал на весла и старался на него не смотреть. А потом не выдержал, обернулся и все-таки посмотрел. Его окружили потерянные души, а он уставился прямо на меня. В упор. И ни осуждения, ни отчаяния я не заметил в его взоре — ничего. Пожалуй, уже в тот момент ко мне пришло осознание, какая же я скотина, но было поздно. В последний момент я заметил, что рядом с ним находится кто-то еще, и словно проснулся. Закричал, что нужно вернуться, что там остались ловцы, хотел прыгнуть в воду сам, но меня остановили. При всем желании помочь им не мог уже никто. Позже, когда мы вышли из грота и стали выявлять погибших, оказалось, что среди нас нет Гвианы. Меня как будто сотни молний пронзили. Мне казалось, она все время сидела в плывущей перед нами шлюпке. Но, видимо, тоже увидев Овара, не задумываясь, прыгнула к нему. Стоял ужасный шум, их криков никто не услышал, из-за нахлынувших потерянных душ обзор был затруднен. Никто из сидящих со мной в одной шлюпке не заметил их вовремя... никто, кроме меня. И я проплыл мимо. Так что я соврал: на моей совести не одна жизнь, а две.

Услышанное меня откровенно потрясло. Я просто вообразить не могла, через что тогда прошли ловцы и каков был масштаб случившейся трагедии. И вот сегодня история едва не повторилась. Стало понятно и ужасное напряжение, которое сковывало Флинта все время, что мы находились в гроте, и то обстоятельство, что скалы в форме черепа были ему знакомы.

Поднебесные, как все-таки ужасно...

Флинт сказал, что жениха Гвианы звали Оваром? Это не может быть простым совпадением! Неужели и он стал потерянной душой, которая теперь находится в подчинении адмирала Рея и служит у него дворецким?

Повисла тягостная тишина, в вязкости которой терялись даже плеск волн и залихватские вопли пиратов. Украдкой взглянув на Флинта, я обнаружила, что он стоит, низко опустив голову и не шевелясь. Он умел скрывать свои чувства под напускной иронией, умел казаться неуязвимым, но сейчас из-под завесы всего этого проглянула неутраченная боль, вызванная чувством вины. Мне было сложно представить, через что в тот день прошли ловцы, а понять, через что прошел именно Кайер Флинт, — и подавно. Я просто вообразить не могла, что он должен был чувствовать все эти долгие годы. Да, возможно, боль притупилась, он научился с нею жить, но такие вещи не исчезают бесследно, оставляя на сердце глубокие шрамы.

— Кай... — впервые позвав по имени, я осторожно коснулась его плеча.

Он дернулся. Постоял, замерев, еще несколько секунд, а затем ко мне обернулся тот самый храбрый капитан Флинт, которого все знали.

— Так что, синеглазка, в следующий раз, когда решишь облагородить мои душевные порывы, вспомни об этой поучительной истории, которая отлично показала, чего я на самом деле стою. — Те, кто выбросил Овара и других в воду, виноваты не меньше, — негромко возразила я. — Конечно, это не оправдывает твоего поступка, но ведь ты сам сказал, что все же пытался их спасти. Пускай и в последний момент, но порывался броситься им на выручку. Ты уже тогда раскаивался!

— Да ты прямо с Поднебесья сошла на нашу грешную землю. — Ироничный тон Флинта не соотносился с его будто застывшим взглядом. — Раскаяние ничего не меняет. Это такая ошибка, которую не исправить. Ну а если тебя интересует, что было дальше, — финальный глоток рома, и капитан продолжил делано бодрым тоном: — В грот прибыли маги первой ступени, что-то поколдовали и объявили, что это место больше неопасно и впредь скалы сдвигаться не будут. Со временем о гроте забыли, а если кто-то пытался его отыскать, то всякий раз терпел неудачу. Говорили, что это дело рук тех же магов, но, полагаю, имела место магия куда более древняя и сильная, чем их. Судя по всему, снова грот появился совсем недавно, и это явно связано с кристаллом душ. Половину ловцов после того случая разогнали. Меня оставили на службе, но я ушел сам. Подался в пираты и, как видишь, достиг успеха.

Я не знала, что еще на это сказать. Мне было искренне жаль их всех: и Гвиану, и Овара, и других погибших ловцов, но вместе с тем я так же искренне сочувствовала Флинту. Наверное, я неисправима... Не совсем понимала, почему вдруг он мне обо всем рассказал, но такое доверие было для меня ценно. Когда кто-то рассказывает тебе о своей боли, о тех своих поступках, которые считает постыдными, подобное доверие дорогого стоит.

И пусть передо мной стоял пират, казалось бы состоявший из противоречий, я чувствовала, что сама его натура по своей природе светлая, пусть он и всячески это отрицает.

— Синеглазка, а ты, случаем, не морская ведьма? — внезапно осведомился Флинт. — Иначе с чего это вдруг я с тобой так разоткровенничался?

Он шутил, сглаживая возникшую между нами неловкость. Кажется, никто из нас не смог бы внятно ответить на вопрос, почему вдруг состоялся такой разговор. Я подозревала, что эту тему Флинт обсуждал разве что с Эртаном Реем, да и то очень давно.

К нашему общему облегчению, затянувшуюся паузу нарушил боцман, сообщивший, что мы подплываем к Сумеречной Жемчужине. Похоже, не только я, но и Флинт упустил момент, когда мы преодолели расстояние, отделяющее остров от «Черного призрака». Вверив меня заботам появившегося рядом Шатха, Флинт поспешил вернуться к обязанностям капитана, а я еще некоторое время неотрывно смотрела в его удаляющуюся напряженную спину.

На этот раз к Сумеречной Жемчужине пиратский корабль не причаливал. Бросив якорь неподалеку от берега, мы спустили на воду шлюпку, в которую сели я, Флинт, Шатх и еще пара пиратов, в числе которых снова оказался Пип. Достигнув берега, разделились: те несколько пиратов, спрятав шлюпку, разбрелись в разные стороны, а нас с Флинтом теневой охотник перенес напрямик в дом. Вот только, вопреки ожиданиям, дом этот принадлежал госпоже Герре, которая, кажется, только и ждала нашего прихода.

Как только мы появились среди гостиной, она бросила вязание, которым, судя по всему, толком и не занималась, резво встала с кресла и без предисловий сообщила:

— Ко мне днем патруль приходил, на остров еще и следователя из столицы прислали. Говорят, специализируется на поимке темных магов. Проторчали тут до самого вечера, только с полчаса назад от них избавилась! Учинили мне допрос, все хотели на чистую воду вывести.

— А вы что? — поинтересовался Флинт.

Госпожа Герра улыбнулась одними уголками губ:

— Чаем поила, пампушками угощала... сетовала на местных безобразников, радовалась появлению блюстителей порядка. Производила впечатление добропорядочной и несведущей бабушки.

Прямо на моих глазах происходил обмен репликами, из которых можно было почерпнуть много интересного. Взгляды, какими обменивались Флинт с госпожой Геррой, были очень красноречивыми, да и в целом выражение лица хозяйки дома было таковым, что в ней никак нельзя было усмотреть несведущую бабушку... как, пожалуй, и добропорядочную.

— И вы вот что, — поправив очки, негромко, словно ее могли услышать, произнесла она. — Оставайтесь сегодня ночевать у меня. А то с них станется ночью в соседний дом нагрывать —

уж больно подозрительно косились они на меня, когда я рассказывала, что присматриваю за домиком и каждый день топлю камин, оттого и дым из трубы часто идет.

Шатх, успевший подойти к окну и посмотреть на улицу, коротко произнес:

— Там что-то есть. Заклинание слежения, если не ошибаюсь, — не самое сильное, но все же ощутить входящих и выходящих из дома людей установивший его маг сумеет.

Пока Флинт с госпожой Геррой обсуждали недавний визит следователя и стражей, я успела раздеться, выпить чашку предложенного чая и задаться вопросом, куда подевались Яли и, что еще важнее, Сильвия.

— А, так это я их за продуктами на поздний рынок отправила, — ответила мне хозяйка дома.

— Госпожа Герра! — Мне не удалось сдержать мгновенно вспыхнувшее, порожденное беспокойством негодование. — Сильвии ведь нельзя выходить на улицу, она потому и обратилась к нам за помощью!

— Тише-тише, — усмехнулась госпожа Герра. — Все с ней будет в порядке. Уж лучше ей по городу прогуляться, чем сидеть здесь, пока у меня пребывали милые гости, верно? К слову, — она обернулась к Шатху, — можете что-то сделать с этим следящим заклинанием, чтобы оно не затронуло возвращающихся девочек?

Не говоря ни слова, теневой охотник исчез, а вернулся уже через несколько минут, как всегда невозмутимый и спокойный. Даже спрашивать ни о чем не требовалось, чтобы понять: проблема решена.

Прошло еще совсем немного времени, и входная дверь пришла в движение, вместе с морозным воздухом впуская внутрь Яли и Сильвию — целую и невредимую. После того как весь наш отряд едва не погиб на моих глазах, я захотела броситься к ней навстречу и крепко-крепко обнять. Но вовремя сдержалась — вряд ли гордая альва оценила бы такой порыв.

Флинт с госпожой Геррой еще продолжали обсуждать некоторые последние события, а нас с Сильвией, точно маленьких детей, отправили наверх, подальше от взрослых разговоров.

Некоторые темы явно не предназначались для ушей альвы, ну а меня отослали с ней за компанию. Я особо не сопротивлялась — сил осталось только на то, чтобы подняться в комнату и кое-как стащить с себя платье. Все же после значительной энергопотери я не оправилась еще и наполовину.

Комнатка, куда нас проводила Яли, была совсем небольшой. По-видимому, раньше здесь жила сама Яли, а сейчас девушка делила пространство с Сильвией: помимо односпальной кровати у стены ютилась раскладушка, которую я и заняла.

— А ты? — спросила я у помощницы госпожи Герры, когда на кровати разместились альва.

— Не беспокойтесь, — отозвалась Яли. — Внизу для меня найдется место.

Я не очень представляла, как в этом в общем-то небольшом доме хватит места на всех, но больше ничего не уточняла. Ноги гудели, голова — тоже, и все, чего сейчас хотелось, — это поскорее забыться сном. Что я и сделала, не успев за Яли закрыться дверь. Кажется, Сильвия пыталась что-то мне рассказать, но я этого уже не расслышала...

Странно, но после всех приключений спала я крепко и спокойно. Темная магия, довольная, что ее использовали в полную силу, присмирела и тихо мурлыкала где-то в глубинах моей души, точно сытый кот. Проснулась я, когда за окном уже светало и рассеянный утренний свет мягко обволакивал комнату. Первым делом посмотрев на кровать Сильвии, я обнаружила, что та пуста, а с первого этажа до меня донеслись негромкие голоса и звяканье посуды.

Чувствовала я себя не в пример лучше, чем вчера, а кроме того, ночь унесла всю усталость.

Пожалуй, такой бодрой мне не приходилось себя ощущать уже очень давно... да что там, вообще никогда не приходилось! Настроение было подозрительно чудесным, что наталкивало на мысль: в качестве баланса жди скорых неприятностей. Но такие пессимистические рассуждения я тут же подавила и почти что вприпрыжку побежала в ванную.

И все-таки удивительно! Если рассудить здраво, причин для радости у меня было не так уж много, если они вообще существовали. Поводов ощущать бодрость тоже особо не наблюдалось — учитывая недавнюю усталость, отходить я должна была еще как минимум сутки. Ан нет!

Поспала — и словно заново родилась.

Ванная в доме госпожи Герры находилась на втором этаже, поэтому я отправилась в нее в чем была — в одной нижней рубашке и босиком. Несмотря на протопленный камин, что располагался внизу, здесь было прохладно, — точно помнила, что, засыпая накануне, я плотно

куталась в пару теплых одеял. Сейчас же холода не чувствовалось совсем, на чем невольно заострилось мое внимание.

Войдя в ванную, я сперва умылась, нисколько не разочарованная отсутствием горячей воды, а затем, подняв взгляд, посмотрелась в висящее над умывальником зеркало... Не знаю, как удержалась на ногах и не осела на пол.

Это была не я. Вернее, я, но какая-то... другая. Не такая, как всегда.

В последнее время мне доводилось замечать небольшие перемены в собственной внешности, но никогда прежде они так не бросались в глаза. Собственно, именно глаза и стали главным изменением — и так будучи синими и немаленькими, сейчас они будто стали еще больше и насыщеннее, цвета ярчайшего сапфира. Они блестели так, словно в них стояли непролитые слезы или же я находилась в ужасной лихорадке, но ни то ни другое объяснение не были верны. Мне никогда не было свойственно подолгу изучать свою внешность и уж тем более ею восхищаться, но сейчас на ум пришло, что мои глаза напоминают два бездонных, завораживающе глубоких моря. Или сумеречное небо, на котором проглянули сияющие звезды, — нескромно, но, честное слово, ассоциация пришла сама собой и оказалась до того точной, что я поразилась!

Моя и без того светлая кожа стала еще бледней, у висков и на веках виднелись едва заметные голубоватые переплетения вен. Кожа словно светилась изнутри, повторяя блеск контрастно выделяющихся на ее фоне глаз. Губы, как и кожа, тоже были бледными, а вот волосы стали на тон темнее — если раньше они были темно-каштановыми, то сейчас на этот оттенок остался только намек.

Неотрывно глядя в зеркало широко распахнутыми глазами, я и узнавала, и не узнавала себя. Казалось, я вижу перед собой героиню какой-то сказки, мифа, древней легенды, и не сказать, что она мне очень понравилась. С такой внешностью, пожалуй, в легендах можно претендовать в лучшем случае на роль глубинной ведьмы, а в худшем... на некроманта.

Признаться самой себе даже мысленно в том, что я теперь в самом деле похожа на настоящего некроманта, было крайне тяжело. Утешали только все те же глаза, яркий цвет которых вселял надежду, что и от ундины во мне тоже кое-что осталось.

Отмерев, я возвратилась в комнату, где надела платье и, поначалу вознамерившись заплести косу, в который раз почему-то оставила волосы распущенными. На первый этаж спускалась с толикой нервозности, не зная, как отреагируют на мои случившиеся за ночь изменения домочадцы. Хотя правильнее сказать — как отреагирует Сильвия, которая единственная из всех не знала, какой магией, помимо магии ундин, я обладаю. И лучше бы ей продолжать находиться в неведении.

Преодолев последнюю ступеньку, я, насколько это было возможно, прикрыла лицо волосами и опустила взгляд. На кухню так и вошла — глядя себе под ноги и скрываясь за густой темной «завесой».

— Фридошка, доброе утро, — встретил меня бодрый голос госпожи Герры. — А я как раз оладушек напекла, мы тут с девочками чаевничаем. Присоединяйся!

— Доброе утро, — приветствовала я и, стараясь не смотреть на Сильвию, юркнула за стол.

— Ой, а похудела-то как, уже совсем смотреть страшно! — тем временем зачистила госпожа Герра. — Мне-то вчера не до того было, забыла сказать... ну уж теперь-то я точно прослежу, чтобы ты нормально питалась! Слышишь, Яли? Чтобы заставляла ее есть! Фридошка, ты ведь очень красивая, но превратила себя не то что в доску корабельную — в скелет настоящий! Упоминание скелета заставило меня непроизвольно вздрогнуть. А госпоже Герре хоть бы что — словно и не заметила. Ловко орудуя кухонной лопаткой, она поддевала румяные оладьи и перекладывала их на общее блюдо, которое вскоре оказалось на столе. Рядом пристроились пиалы с разнообразным вареньем и джемом, а также густая сметана — все это великолепие, естественно, было незамедлительно придвинуто поближе ко мне.

— А мальчишки наши ушли ни свет ни заря, — сообщила хозяйка дома. — Кай просил передать, чтобы ты у меня до обеда осталась, пока теневой охотник не вернется. Ой, да ты не отвечай, кушай-кушай!

Можно подумать, в последние дни все прямо-таки задалось целью меня накормить! Впрочем, сейчас это играло мне на руку, позволяя смотреть в тарелку и не встречаться взглядом с Сильвией. К тому же альва была поглощена чтением газеты, так что до меня ей пока дела не было — несказанное облегчение.

Госпожа Герра если и обратила внимание на перемены в моей внешности, сделала вид, что их не заметила. А вот с Яли глазами я все-таки столкнулась и, пока ела, ощущала на себе ее неотрывный взгляд. Было сложно понять, о чем она думает и что именно отражается в ее глазах, но одно в них читалось явно: легкий оттенок задумчивой грусти...

ГЛАВА 12

— Сильвия, ешь, а то остынет, — похоже, откормить решили не одну меня. — Хватит мозолить глаза статейками этих никчемных писак.

Высокородная альява, происходящая из знаменитого и могущественного клана, в ответ на такое фривольное, лишенное всякого почтения обращение только слегка поморщилась. Газету, что удивительно, отложила, но за остывающие оладьи так и не принялась, став вместо этого рассеянно помешивать чай.

Оказавшаяся свободной газета вскоре перекечевала в руки госпожи Герры, которая не побрезговала пробежаться по последним творениям «никчемных писак». Она как раз оправдывала подписку на газету желанием быть в курсе последних столичных новостей и утверждала, что публикуемые наряду с новостями сплетни ее нисколько не интересуют, как вдруг внезапно осеклась и замолкла.

Я отметила пролегли на ее лбу глубокие морщины и сползшие на кончик носа очки, обнажившие такую же глубокую морщину, появившуюся меж сдвинутых бровей.

— Что-то случилось? — вопреки желанию оставаться в тени, вырвалось у меня.

Словно очнувшись от оцепенения, она ловко сложила газету вчетверо и непринужденно проронила:

— Опять сплетники языками чешут, чтоб этих писак гидра на дно утащила! Ничего важного, сплошную ерунду печатают.

— Вы поэтому так занервничали? — почувствовав неладное, уточнила я. — Госпожа Герра, если там как-то затрагивается тема, которая... может быть нам интересна, не стоит пытаться это скрыть от меня.

— Да поднебесные с тобой, — отмахнулась она, поправив очки. — Хочешь прочесть, в платье какого модного дома кронпринцесса посетила последний бал, — пожалуйста, ознакомься. Ставшая предметом обсуждения газета была придвинута ко мне, заняв почетное место рядом с оладьями и вареньем.

Мою потянувшуюся к ней руку остановил внезапный вопрос Сильвии:

— Что с тобой?

Я замерла и, натянуто улыбнувшись, нацепила на лицо выражение непонимания:

— Ты о чем?

— Твои глаза. — На меня смотрели в упор. — И волосы. И кожа. Ты как-то изменилась.

Все-таки заметила!

— Наверное, местный климат так влияет. — Я пожала плечами. — Ничего особенного.

Такое откровенно глупое объяснение альяву, естественно, не устроило, и она уже собралась учинить мне допрос с пристрастием, когда заговорила молчавшая до этого Яли. Поднявшись из-за стола, она сообщила, что ей нужно сходить в библиотеку, чтобы вернуть ранее взятую там книгу, и попросила у госпожи Герры разрешения отлучиться.

Тут же пришедшая ко мне мысль была, мягко сказать, сумасбродной. Флинт четко и ясно велел мне до обеда никуда не выходить, да и вообще появляться на улицах в столь беспокойное время являлось идеей далеко не лучшей — это тоже если выразаться мягко.

Но вместе с обновлениями внешними я обновилась и внутри — этим утром, наравне с повышенной бодростью, мною владел бунтарский дух, так и толкающий сделать что-нибудь запретное. Что удивительно, интуиция целиком его поддерживала, нашептывая, что ничего страшного этим замечательным днем со мной не случится.

Библиотека располагается неподалеку, девушки вчера ходили на рынок и вернулись абсолютно невредимыми, а со следящим заклинанием, установленным на пороге, вчера разобрался Шатх.

А еще мне очень нужно узнать, что скрывается за темной меткой Флинта, и здешняя

библиотека, в отличие от многих других, предоставляет свободный доступ к противозаконной литературе. Поэтому...

Мысли промелькнули одна за другой в течение нескольких секунд, и решение было принято практически моментально:

— Я иду с тобой.

Яли никак этого не прокомментировала, Сильвия, не зная обо мне всей правды, не удивилась, а вот госпожа Герра резко переменялась. От образа милой заботливой бабушки в ней не осталось практически ничего.

— Тебе не следует выходить из дома, — спокойно, но как-то по-особенному веско произнесла она. — Сейчас это небезопасно.

— Сейчас, — я так же спокойно встретила ее взгляд, — дорога каждая минута, и я не могу позволить себе полдня бездельничать. В местной библиотеке есть множество полезных книг, с содержанием которых я хочу ознакомиться. Вдобавок меня всюду сопровождает привязанная лордом Реем потерянная душа — одна из сильнейших в его подчинении. И вообще, больше я не собираюсь сидеть взаперти, действуя исключительно по чужой указке. Достаточно! Я — ловец Морского корпуса, ундина особых кровей и отныне на поле игры буду занимать ведущую позицию, а не исполнять роль тщательно оберегаемой марионетки. Буду поступать так, как считаю нужным, и нести полную ответственность за свои поступки. И сейчас я, составив компанию Яли, пойду в библиотеку. Осознавая связанные с этим риски, уверена, что все будет хорошо и эта короткая прогулка не принесет вреда ни мне, ни другим.

По правде говоря, я собиралась сказать совсем не это, да и прозвучали мои слова немного резче, чем хотелось. Даже Сильвия удивилась, взглянув на меня так, словно видела в первый раз.

Зато госпожа Герра неожиданно улыбнулась. И эта улыбка была не типично «бабушкиной» — покровительственной и преисполненной заботы, а понимающей... сдержанной, но одобряющей.

— Ну что ж, — сказала она. — Право твое. Только не забывай, что из-за возложенного на тебя бремени ты несешь ответственность не только перед собой.

День выдался на диво солнечным для этих вечно утопающих в туманной сырости краев. Рваные серые облака обнажили небольшие кусочки светлого неба, с которого на землю падал рассеянный солнечный свет. Мороз немного спал, и под ногами снова хлопала грязь, когда мы с Яли, накинув длинные плащи, направлялись в библиотеку. Забавно, но сейчас чавкающая под сапогами каша меня радовала — сопровождаемая солнцем, она напоминала о весне, до прихода которой осталось не так уж много. Большая часть зимы миновала, и хотя суровый сумеречный климат обещал еще несколько месяцев холодов, сам факт приближения весны вселял надежду. Ранняя весна — робкая, нежная, застенчивая, всегда дарит мне веру в лучшее. Вот и сейчас, впервые за долгие месяцы почувствовав ее легкое дуновение, я на короткий миг искренне поверила, что с окончанием зимы все переменится. Уйдут холода из горючих, из моря... из души. И наступит царство спокойного, доброго света. Наивно, конечно...

Как и в прошлый раз, библиотека встретила нас запахом сырости и плесени. Похоже, наведенная перед приходом стражей красота долго не продержалась — что поделать, не любят морские ведьмы привычный простым смертным комфорт.

А вот госпожа Айша с нашей предыдущей встречи значительно изменилась. Она предстала перед нами в облике, какой воссоздала для блюстителей правопорядка: привлекательная молодая женщина с вьющимися черными волосами, полными губами и темно-фиолетовыми глазами, облаченная в длинное черное платье с глубоким вырезом. При взгляде на нее я невольно подумала, что все встречающиеся мне библиотекари весьма своеобразны: эльфогном, потерянная душа, теперь вот эффектная морская ведьма...

— Чего уставилась? — недобро спросила она, откинув упавший на лоб локон. — Говорила же, чтобы сюда не приходила! Не хватало, чтобы у меня в библиотеке повязали некроманта!

— Госпожа Айша, — вежливо обратилась к ней я, — наведывайся к вам до сих пор патрули, библиотека выглядела бы по-другому. Полагаю, проверка была единичной, вы ее прошли, и больше стражи сюда не приходят. А даже если придут, обещаю не поднимать носа от книги и не натравливать на них нежить.

Глубинная ведьма смерила меня долгим взглядом и выразительно приподняла бровь. Я и сама поражаюсь своему сегодняшнему красноречию, да и наглости мне этим утром было не занимать. Так что, не дожидаясь ответа, я прошествовала к тому стеллажу, книги на котором уже просматривала прежде, и принялась невозмутимо разглядывать корешки.

— Совсем некроманты обнаглели, — проворчала госпожа Айша, принимая у Яли принесенную книгу. — Скажи спасибо, что мой старый знакомый тебе покровительствует, не то выставила бы взашей.

Отправив книгу в верхний ящик письменного стола, ведьма погладила стоящий перед ней череп и совсем другим, теперь уже мечтательным тоном добавила:

— Отменные они все-таки любовники, эти теневые охотники...

Я подавилась воздухом. Буквально.

— И помирать у меня здесь тоже не надо! — В голос госпожи Айши вернулись недовольные котляты, раздражает!

Откашлявшись и более-менее переварив случайно полученную информацию, я проронила:

— Простите. Просто я... не думала, что...

— Что теневых охотников интересуют плотские страсти? — усмехнулась глубинная ведьма, обнажив жемчужно-белые зубы. — Многого ты, деточка, как я погляжу, не знаешь. Ни о темной магии, ни о тех, кто ее практикует, ни о тех, чьей сутью она является. Ты и о себе-то ничего не знаешь, Фрида Талмор, дитя сильной смешанной крови.

Поймав ее пронизывающий взгляд, я вдруг вспомнила верховную жрицу дреу, с которой однажды встречалась на празднестве алых рассветов. Она тоже смотрела так, словно видела самые глубины моей души и знала обо мне то, о чем не подозревала я сама. Вот только теперь, когда мне было известно о своем происхождении и о биологических родителях, я была уверена, что в моем прошлом больше не осталось шокирующих пробелов. И все же...

— А вы знаете? — облизав пересохшие губы, спросила я, глядя ведьме в глаза. — Что вы знаете обо мне, госпожа Айша?

Ведьма прищурилась, и ее усмешка трансформировалась в лукавую улыбку, показывающую, что ответа на заданный вопрос я не дожусь. Мы смотрели друг на друга еще несколько долгих мгновений, после чего я вернулась к изучению книг. Яли, самоотверженно решив меня дожидаться, разместила в небольшом, выдавшем виды кресле и, взяв какой-то томик, погрузилась в чтение.

Время текло неспешно. Я перебирала потрепанные, пахнущие затхлостью рукописные и печатные книги, всматривалась в названия на потертых обложках и изучала содержание. Все, что скрывалось внутри, было крайне любопытным, но в настоящий момент меня больше всего интересовала темная метка, значение которой я хотела узнать во что бы то ни стало. Теперь этот момент казался еще более важным, чем прежде, и я уже подумывала в случае неудачи в поисках рассказать о метке адмиралу Рею. Но делать этого мне все-таки не хотелось — по крайней мере сейчас.

В какой-то момент Яли надоело сидеть в одиночестве, и она присоединилась ко мне, хотя и не знала, что именно я ищу. Компания этой странной девушки была приятной: она вела себя тихо, незаметно, ни о чем не спрашивала и не отвлекала. Я даже почти о ней забыла, когда Яли предложила перейти к другому стеллажу.

— Уж не знаю, что там такого, — тихо, чтобы не услышала госпожа Айша, шепнула она, — только в тот раз, когда теневой охотник накрыл нас с Пипом тенью, а вас перенес домой, мы дождались ухода стражей, а затем Пип подошел к тому самому стеллажу и что-то долго там искал.

Поблагодарив за подсказку, я переместилась к самому дальнему стеллажу, на котором, в отличие от других, не было названия раздела. Как вскоре выяснилось, книги здесь стояли самые разные и никак не связанные между собой: начиная от ухода за морскими котиками и заканчивая пособием по выживанию в лесу, где обитают ши. Похоже, на эти полки ставилось все, что не подлежало сортировке, или у библиотекаря просто не доходили руки все это разобрать, — учитывая то, как она любовалась ненаглядным черепом и занималась изучением каких-то рукописей, скорее всего, так оно и было.

Но раз Пип здесь рылся, значит, это неспроста. Что-то должно здесь находиться. Что-то очень важное, если, конечно, пронырливый пират это «что-то» не умыкнул...

Просмотрев очередную книгу, я поставила ее на место, как вдруг мое внимание привлекла тонкая, затертая практически до дыр брошюрка. На вид она была совсем непритязательной, ничем не примечательной, еще и ютилась в самом конце полки, стоя рядом с внушительным фолиантом. Но нечто — должно быть, та самая, не дающая мне покоя интуиция — заставило задержаться на ней взгляд, чтобы после взять в руки.

Черная обложка пестрела многочисленными потертостями, краешки были загнуты, кое-где на корешке виднелись следы синеватой плесени. Форменное издевательство над литературой! На первой странице нельзя было разобрать ни слова — чернила расплылись в неясные пятна и потускнели. Та же участь постигла и вторую, а вот на третьей стало возможно различить отдельные буквы. Дальше — проще. Мне почему-то казалось, что текст в этой брошюрке будет написан на кратфаге — понятия не имела, откуда взялось такое убеждение. Но на деле наречие оказалось хорошо знакомым и подлежащим восприятию.

Стоило только пробежаться глазами по нескольким отчетливым строкам, как сердце забилось чаще. Похоже, удача мне все-таки улыбнулась, и я отыскала то, что так мне пригодится! Здесь приводились основные формы запретной магии и их краткое описание. Разумеется, речь шла о магии темной, но помимо нее перечислялись и некоторые заклинания, какие могли сотворить только очень одаренные маги первой ступени.

Прислонившись спиной к стеллажу, я жадно впитывала каждую запятую этой тонкой книжечки. Практически половину содержимого занимала некромантия и все ее разновидности. Я поразилась, прочитав, что, помимо задерживания души в нашем мире, некоторые особо талантливые маги смерти могут помещать ее в другое, мертвое тело — даже читать об этом было страшно, не говоря о том, чтобы представить.

Все же не зря некроманты преследуются законом...

Еще один изумивший меня момент: возможность наделения нежити толикой разума. Вот это действительно поразительно! Никогда ни от кого, даже от Шатха, я не слышала о подобном! Неужели такое в самом деле возможно? Нежить — это ведь просто безмозглые тела, марионетки, бездумно исполняющие волю хозяина!

«Магия подчинения, гласная и негласная, относится к той разновидности темной магии, к коей закрыт доступ простым смертным, не обладающим знаниями и достаточной силой для ее совершения, — про себя прочитала я начало следующего небольшого раздела. — Наложить печать подчинения могут только маги первой ступени, верховные представители своих рас, сущность которых — Глубина. Гласная магия подчинения полностью поглощает разум того, на кого накладывается, делая его слепым исполнителем воли мага. Негласная же сохраняет разум и волю, но обязует жертву исполнить одиночный приказ в уговоренный срок, неисполнение чего ведет к неминуемой гибели. Гласная магия подчинения меток не оставляет. А негласная всегда имеет особую отметку на теле жертвы, преимущественно на шее, и представляет собою разомкнутый овал, перечеркнутый двумя линиями. Увидеть ее можно не всегда — проявляется сия отметина только близ...»

Дальше текст обрывался. Но прочитанного и без того было достаточно, чтобы у меня голова пошла кругом.

Разомкнутый овал, перечеркнутый двумя линиями, — точно такую же метку я видела на шее Флинга.

Если верить написанному, то получается, против него кто-то применил темную магию? Негласную магию подчинения, о которой слышали единицы среди всех жителей нашего королевства? Как там сказано... негласная магия обязует жертву исполнить одиночный приказ в уговоренный срок? Выходит, если Флинт не исполнит некий приказ неизвестного могущественного мага, его ждет смерть?!

— А приказ этот... — непроизвольно проговорила я вслух непослушными губами. — Уж не сбор ли осколков кристалла душ?

Картина вырисовывалась преинтересная. Конечно, ни для кого не было секретом, что у знаменитого пирата с большой долей вероятности есть заказчик, но я даже помыслить не могла, что их связывает нечто большее, чем оплата!

— Эй, вы где там пропали? — внезапно донесся до меня голос глубинной ведьмы. — Стойте так, чтобы я вас видела!

Немного помешкав, я рассеянно поставила брошюру на место и, сделав несколько шагов, оказалась среди прохода между стеллажами. Сделанное открытие ненадолго выбило меня из колеи, и я не знала, что с полученной информацией делать. Просто принять к сведению и молчать? Рассказать адмиралу? Или попытаться обсудить с Флинтом? Более всего я склонялась к первому варианту. По каким-то причинам пират неплохо ко мне относился, наши отношения были хотя и странными, но не враждебными, однако рисковать и говорить ему о том, что мне

все известно, было опасно и глупо. Что же до лорда Рея... в любом случае сперва следовало дожидаться его прихода.

Только этим утром я задумалась над тем, почему он не пришел вчера. Ведь наверняка ему доложили, в какую передрыгу попал «Летящий». Естественно, забот ему это прибавило, но ведь благодаря Дымку он не мог не знать, что я тоже находилась в гроте. Я ни в коем случае ни в чем его не винила и не обижалась, просто не понимала, почему он не появился после моего возвращения в Сумеречную Жемчужину. Это вызывало беспокойство. Наверное, морской демон, повелитель почти пятисот потерянных душ — был последним в королевстве, за кого следовало переживать, но, учитывая стремительно разворачивающиеся события, я все-таки волновалась. А вдруг с ним что-то случилось?

— Чего статую изображаешь? — раздраженно проворчала Айша, которую уже язык не поворачивался мысленно называть госпожой. — Шуршишь страницами, так шурши, нет — так выметайся!

Все, что хотела, я нашла, поэтому дольше задерживаться в не слишком гостеприимной библиотеке смысла не было. А вот попросить взять брошюрку с собой стоило, что я и попыталась сделать. Сперва даже закралась заманчивая мысль уподобиться Пипу и потихоньку умыкнуть нужный экземпляр, но я быстро ее отменяла.

— Какую, говоришь, книжонку сцапать хочешь? — нахмурилась ведьма. — В том хламе ши ногу сломит!

Недовольно поднявшись с места, она откинула за спину буйные локоны и, стремительно преодолев разделяющее нас расстояние, подошла к стеллажу.

— Ну? Какая из них?

Ничего не понимая, я в ступоре уставилась на то место, куда несколькими минутами ранее поставила брошюру. Сейчас книг, стоящих в ряд, там было по меньшей мере штук двадцать и ни одной черной. Подумав, что могу что-то перепутать или зрение меня подводит, я пересмотрела их все, обшарила ближайшие полки, но поиски дали отрицательный результат. Ну и как это прикажете понимать?

— Как странно... — Пробежавшись взглядом по полкам, Яли поежилась. — Всех этих брошюр здесь точно не было... а ту, которую читали, вы ставили сюда. Точно помню!

Предположений родилось два: либо в библиотеке незримо присутствовал кто-то помимо нас, либо эта странная ситуация — дело рук самой глубинной ведьмы, по каким-то причинам не желающей выдавать мне на руки редкую книжку. Но если виной происходящему библиотекарь, то почему она просто не отказала?

Из библиотеки я выходила озадаченной, но не столько из-за случившихся странностей, сколько из-за сделанного открытия. Все же новость о магии подчинения, под действием которой находился Флинт, и впрямь впечатляла.

Время перевалило за обед, и солнце светило еще ярче, чем утром. Снова сидеть в четырех стенах не хотелось совершенно, и пусть я отдавала себе отчет, что и без того рискую, расхаживая по улицам, не могла бороться с желанием замедлить шаг.

Этим днем Сумеречная Жемчужина предстала совершенно в ином свете, причиной чему стал непосредственно тот самый свет. Обычно серые улочки сегодня не казались унылыми, а редкие встречающиеся по пути прохожие — не такими угрюмыми. Даже пара троллей, вразвалочку и пошатываясь пытавшаяся проделать путь до ближайшей пивной, выглядела вполне безобидно. Или это просто я до того привыкла к обществу темных магов, пиратов и других преступных элементов, что тролли в принципе перестали восприниматься мною как угроза?

Свернув на улицу, ведущую к дому госпожи Герры, я вдруг уловила кружащий голову аромат пирожков. Готовила госпожа Герра отменно, кормила сытно, но противостоять этому восхитительному запаху было решительно невозможно — слишком он напоминал тот, что витал у моей любимой пекарни в Сумеречье.

Небольшая палатка, где торговали свежей выпечкой, изготовленной в располагающейся рядом булочной, стояла прямо у нас на пути. Толстый краснощекий продавец — кажется, обычный человек — скучающе подпирал подбородок кулаком и взирал на мир уставшим, тоскливым взглядом.

— Чего желаете, любезные? — оживился он при нашем приближении. — Пирожки с рыбой, с капустой, с картофелем и луком? Есть сладкие: с вареньем, шоколадом и просто обсыпанные сахарной пудрой.

Я купила сладкие: с орехами и яблоками, обильно присыпанные пудрой, словно мелким свежевывавшим снегом. Ностальгия щекотала нос знакомым сдобным запахом и напоминала о Сумеречье. О лучшей подруге Далии, которая просто обожала жареные пирожки и шоколадные пончики, о папе, которому я иногда покупала пирожки с рыбой и картошкой... Как все-таки давно это было.

Покидая Морской корпус, я прихватила некоторые свои накопления, частью которых и рассчиталась. Получив монетки, продавец протянул бумажный пакетик, теплый от содержимого, а вдобавок, исключительно по доброте душевной, соорудил из газеты кулек и насыпал в него пару пригоршней леденцов.

— Красивым девушкам на счастье, — подмигнул он и, подавшись к мне, негромко проговорил: — Вижу, не местные вы. Если скрываетесь, не высовывались бы среди бела дня на улицу-то, стражей много шастает.

Поблагодарив за совет, я забрала покупки и теперь уже быстрым шагом устремилась к дому. Все же торговец был прав: Сумеречная Жемчужина — островок маленький, здесь все друг друга знают, поэтому чужаки сразу бросаются в глаза. Но есть и плюс — поскольку все, за редким исключением, местные жители имеют свои большие и малые грешки, друг друга они не сдают.

Уже подходя к дому, я вдруг обратила внимание на газету, из которой был свернут кулек для леденцов. Не сразу поняла, что именно привлекло мое внимание, но зато в памяти моментально всплыла сцена сегодняшнего утра, где госпожа Герра почему-то не хотела показывать мне свежую прессу.

— Подержи-ка, — попросила я Яли, передав ей пакет с пирожками.

Пересыпав в него леденцы, развернула изрядно помятую газету, и мой взгляд тут же упал на написанный заглавными буквами заголовок: «Ее высочество кронпринцесса Оксара из правящего рода черных саламандр и лорд Эртан Рей, адмирал королевского морского флота, объявили о помолвке...»

Я как будто умерла. Пальцы онемели и вцепились в бумагу, как скрюченные лапы хищной птицы. Мир выцвел, потускнел, постепенно став пепельно-серым, а мое сердце, сделав один большой скачок, казалось, перестало биться вовсе.

Я перечитала заголовок еще несколько раз, прежде чем окончательно осознала всю его суть. А затем с каким-то неестественным спокойным отупением прочла саму статью. Госпожа Герра не соврала, говоря, что в ней содержится описание платья кронпринцессы, в котором она посетила состоявшийся минувшей ночью бал. Вот только о том, что этот бал был посвящен грандиозной помолвке, умолчала. Весь высший свет, включая моих так называемых мать и бабушку, пришел выразить почтение и поздравить наследную принцессу и адмирала королевского флота. Первой связанной мыслью была та, что я сплю и вижу кошмар. Второй — что здесь какая-то ошибка. Третьей — ошибки нет, но есть объяснение. А четвертой, самой горькой, перехватывающей дыхание и застилающей глаза пеленой слез, стала мысль, что объяснение действительно есть, и оно самое простое: все так, как и должно быть. Первый лорд королевства вскоре женится на наследной принцессе. По своей воле или же по воле короля — не важно. А та, чьи душа и сердце давным-давно находятся у него в личном подчинении, останется одна. Нет, во мне не было обиды, не было злости и отчаяния, вместо этого мною овладела апатия... Только слезы почему-то все бежали и бежали по щекам и были такими холодными, что превосходили этим даже ледяные воды Сумеречного моря.

Он поэтому не пришел... Пока я... пока мы все были в гроте, он стоял подле короля рука об руку с кронпринцессой Объединенного Двухлунного королевства...

— Фрида, — словно издали донесся до меня голос Яли, — что с вами?

Я хотела ответить, но язык будто прирос к небу. Хотела пошевелиться — и не смогла. Просто продолжала стоять, неотрывно смотря на расплывающиеся перед глазами черные буквы, и ощущала, как внутри расплзается холод, наполняет каждую клеточку оцепеневшего тела и покрывает сердце льдом.

— Фрида... — В голосе Яли появилось беспокойство, но в следующий миг его сменили резкость и уверенность. Встав передо мной, она коснулась моих щек невыносимо горячими кончиками пальцев, заставляя посмотреть ей в глаза, и отчетливо произнесла: — Все хорошо, слышите? Все хорошо. Нет ничего, что нельзя исправить. Нет такого льда, который невозможно растопить. Смотрите на меня. И дышите. Глубоко дышите, слышите? Вот так, хорошо. Не

нужно давать внутренней тьме волю, особенно сейчас. Мы все еще на улице, а патрули только и ждут, чтобы схватить темного мага.

Ее слова, сказанные со спокойной уверенностью, несколько меня отрезвили. Не без удивления я обнаружила, что во мне уже начала сосредотачиваться магия, готовая вот-вот выплеснуться наружу, но благодаря своевременному вмешательству Яли я смогла ее сдержать.

— Мне нужно побыть одной, — негромко проговорила я не своим голосом.

И, чувствуя себя едва способной двигаться старухой, побрела к дому Флинта. Яли несколько раз позвала меня в надежде остановить, но вскоре оставила эти попытки и позволила мне уйти.

ГЛАВА 13

Войдя в пустой дом, я оказалась в царстве тишины, которая гармонично вписалась в мое внутреннее состояние и стала желанным прибежищем. Сбросив сапоги и ослабив шарф, я медленно преодолела прихожую, так же медленно, один раз споткнувшись и едва не упав, поднялась на второй этаж. Отворила дверь своей временной комнаты, вошла внутрь и, закрыв ее за собой, прислонилась к ней спиной. Несмотря на неснятое пальто, мне все еще было холодно.

Газету я так и не выбросила, и сейчас она, превратившаяся в тугой комок, колола сжатую ладонь. Не знаю, сколько простояла так — не двигаясь и смотря в никуда, прежде чем прямо в пальто легла на кровать, свернулась клубком и отвернулась лицом к стене.

Ненормально холодные слезы все еще бежали из глаз, пощипывая щеки и впитываясь в подушку. Где-то глубоко внутри я понимала, что не стоит поддаваться чувствам, что состоявшаяся помолвка может быть фиктивной, но... но и душа, и сердце чихать хотели на такие сомнительные аргументы.

Он мог хотя бы предупредить. Объяснить. Сказать сам, а не позволить мне узнать об этом случайно, из газеты, в которую были насыпаны разноцветные сладкие леденцы...

— Он ничего мне не должен, — глядя в одну точку на стене, проговорила я. — Ничего не обещал. Я не имею права его упрекать. Он и так сделал и продолжает делать для меня слишком много...

Почему-то вместо того, чтобы успокоить, такая попытка себя убедить заставила слезы литься еще сильнее, и я ничего не могла с ними поделать. Апатия сменилась ноющей, разъедающей сердце болью.

Прав Флинт, ничуть я не изменилась — как была наивной девочкой, верящей в сказку и лучшую жизнь, так ею и осталась. Сколько еще раз мне нужно разочароваться, чтобы что-то поменялось? От меня отвернулась родная мать, меня не может терпеть родная же бабушка, а биологический отец, узнав о моем существовании, едва не убил моего отца приемного, после чего больше не появлялся. Но именно поступок адмирала Рея — того, кому я доверяла больше, чем самой себе, ранил в разы сильнее всех остальных, вместе взятых.

Не выдержав, я уткнулась лицом в подушку и позволила себе разрыдаться вволю. Всегда ненавидела себя жалеть, ненавидела плакать, но казалось — сдержи я чувства еще недолго, и просто не выдержу.

Как назло, в памяти помимо воли всплывали все прекрасные, наполненные романтическим трепетом моменты, связанные с Эртаном Реем. Каждое касание, каждый поцелуй, каждое сказанное в разговоре слово, каждая сцена, где мы были вдвоем... и от этого река слез превращалась в море, а оно, в свою очередь, постепенно становилось океаном. Бескрайним темным океаном, в котором я тонула, тонула, тонула...

Однажды много лет назад я проходила мимо витрины дорогого ювелирного магазина. Завороженная блеском прекрасных украшений, приложила ладони к холодному стеклу и неотрывно смотрела на драгоценности. Они были частью совершенно иной жизни, мне недоступной. Тогда-то я и пообещала себе, что однажды настанет утро, когда я проснусь самой счастливой во всем мире.

Несмотря на все трудности и свалившиеся тяготы, еще совсем недавно я почти поверила, что до осуществления этой мечты осталось совсем чуть-чуть. А теперь в один момент она снова стала недостижима, как самая далекая звезда...

— Да прекрати уже, — хрипло велела я себе. — Прекрати себя жалеть! Ты далеко не самая несчастная на свете! Фрида Талмор, ты просто не имеешь права раскисать!

На этот раз слова подействовали. Слезы иссякли, и, выплакавшись, я почувствовала себя немного лучше. Сейчас одиночество не тяготило, а было как раз тем, что мне требовалось. Наравне с другими чувствами я испытывала и долю неловкости за свой срыв. Яли болтливостью не отличалась, но мое бегство в этот дом и без того говорило само за себя — и госпожа Герра, и Сильвия явно поняли, что послужило ему причиной.

Сильвия... наверное, только теперь я в полной мере, до конца ее понимала. Она любила капитана Вагхана, но не могла быть с ним. Просто находиться рядом и не иметь возможности претендовать на что-то большее, чем роль подопечной, — невыносимо до невозможного. И похоже, мне теперь предстояло то же самое...

Осознав, что вновь близка к истерике, я резко пресекла эти мысли. В конце концов, подробности состоявшейся помолвки мне пока неизвестны. И пусть я наивна, но какая-то неясная надежда неведомо на что во мне еще жила.

Я уже собралась подняться с кровати, когда в неровном и тусклом, проникающем через занавески свете увидела выцарапанные на стене знаки. Они находились буквально на уровне моего носа, но, чтобы их разобрать, пришлось поднапрячься.

Первым, что я различила, был череп и две перекрещенные кости. Дотронувшись до шершавого дерева кончиками пальцев, слегка нахмурилась и отметила, что этот рисунок похож на традиционный символ пиратов. Хотя, правильнее сказать, не просто похож, а это он и есть. Рядом располагалась стрелка, направленная влево и указывающая на вытянутый треугольник. От треугольника шла еще одна стрелка, ведущая вниз и плавно перетекающая в длинный квадрат, следом за которым шли три кривые линии, видимо олицетворяющие морские волны. При детальном изучении рисунков сложилось впечатление, что они были нацарапаны рукой ребенка, хотя я могла и ошибаться. Если учесть, что этот дом принадлежал Флинту, могло ли быть так, что и эти рисунки тоже нарисовал он? Может быть, он еще в детстве грезил о поисках сокровищ и, чего греха таить, пиратстве?

До сего момента я почему-то не задумывалась над тем, как долго Флинт жил в этом доме. В последние годы он явно отдавал предпочтение «Черному призраку», но что, если этот дом для него не просто пристанище на суше, а место, где прошли его юные годы? Тогда выходит, Сумеречная Жемчужина фактически его малая родина?

Почему меня это так заинтересовало, я толком не знала. Наверное, все из-за темной метки, значение которой я узнала пару часов назад, и желания выяснить, кем она была поставлена. Поэтому все, что так или иначе имело отношение к легендарному капитану пиратов, было мне интересно.

Я попыталась представить, каким Флинт был в детстве, но сделать этого мне не удалось, разве что очень смутно. Наверняка доставляющим родителям множество хлопот, задиристым и втягивающим приятелей в сомнительные авантюры...

— Кажется, я просил дождаться меня в доме госпожи Герры. — Не успела я додумать мысль, как за моей спиной раздался голос того, о ком я думала.

Поднебесные, ну откуда у всех, кто меня окружает, такой потрясающий талант появляться неожиданно?!

Ощущая себя застигнутой на месте преступления, хотя ничего преступного не совершала, я резко села на кровати и уставилась на стоящего в шаге от нее пирата. Выглядел Флинт, откровенно говоря, не очень. У меня такой вид обычно бывал на следующее утро после особо изнурительных тренировок: лицо бледное, под глазами глубокие тени, и только одни глаза ярко поблескивают.

— Ты
просил
, — я выделила второе слово, — и я эту просьбу не удовлетворила.

— Когда я
прошу

, — в тон мне произнес Флинт, — мои просьбы следует выполнять неукоснительно. Для собственного же блага.

— Да неужели? — Я даже не пыталась скрывать сарказма. — Ты сплошная загадка, твои мотивы неясны, а действия невозможно предугадать. И я должна безоговорочно тебе доверять, выполняя все, что ты говоришь?

— Да, — не моргнув глазом кивнул Флинт.

— И с чего бы, позволь спросить?

Прикрыв один глаз, он вдруг обезоруживающе улыбнулся и, раскинув руки, выдал:

— Я глубоко обаятелен.

Вся серьезность разговора вмиг оказалась разрушена, и я не нашла ничего другого, кроме как, подавшись душевному порыву, запустить в него подушкой.

— Да иди ты... — говорить саркастически больше не получалось.

— Это мой дом, должен напомнить.

— И ты очень любишь сообщать об этом при каждом подходящем случае. — Нет, остатки саркастичности все-таки остались.

Я непроизвольно бросила быстрый взгляд на нацарапанные рисунки. Флинт точно его заметил, но виду не подал. Вместо этого он вдруг присмотрелся к подушке и, нахмурившись, снова перевел взгляд на меня.

— Ты плакала, — констатировал спустя недолгую паузу.

Вот ши! Он стоял почти последним в списке тех, кому бы я хотела демонстрировать свои слезы.

— Видела газету? — последовал незамедлительный вопрос.

Отвечать я не хотела, поэтому просто промолчала, отвернувшись к окну. Не желала это обсуждать ни с кем, а с Флинтом — особенно.

— Ты его любишь?

— Тебя это не касается! — выкрикнула я резче, чем хотела. И уже тише добавила: — Мне не нужны утешения. И лезть ко мне в душу тоже не нужно.

— Серьезно? — Судя по тону, сочувствовать мне даже не думали. — Да, синеглазка... я, конечно, знал, что все влюбленные — идиоты, но не думал, что настолько! Если вдруг я влюблюсь, пообещай, что натравишь на меня армию нежити, чтобы борьба с ней выбила из меня всю дурь.

— Обещаю, — легко согласилась я, только чтобы скорее перейти к кольнувшему меня сомнению. — Что ты сейчас имел в виду?

— Утешения тебе не нужны, копание в душе — тоже. Сухие факты подойдут? — Флинт в своей извечной манере выразительно изогнул бровь и, не дав мне ответить, добавил: — Только предлагаю сперва спуститься на первый этаж и поужинать. Иначе знаменитый капитан пиратов померет не на виселице под бурные овации, а с голоду, что сильно ранит его самолюбие.

— Ранить уже будет нечего, ведь ты будешь мертв. — Похоже, привычка иронизировать в его обществе прицепилась ко мне намертво.

Пока мы шли на первый этаж, пока входили в кухню и пока Флинт рыскал по холодильнику, я находилась будто на ершовых иголках. Казалось, из-за постоянных эмоциональных колебаний уже должна была тронуться умом, но нет — психика пока выдерживала. Хотя я и находилась на пределе, ожидая, пока Флинт соизволит пояснить свои недавние слова. Еще некоторое время назад считала, что успокоилась и установила пускай шаткое, но все же душевное равновесие, но сейчас внутри снова царили волнение и смятение.

— Ну? — поторопила я, когда пират принялся разогревать себе ужин, причем делая это с заметной сноровкой.

— Я все еще голоден, — невозмутимо ответили мне.

Издевательство!

Не осталось ничего другого, кроме как преисполниться терпения и ждать. Еще немного, и мне вообще за это терпение памятник можно будет ставить! Посмертный.

На ужин Флинт набросился как настоящий голодный морской волк. Еда с тарелки исчезала до того стремительно, что можно было подумать, ее незаметно забирает кто-то невидимый.

— Вот теперь можно и поговорить, — откинувшись на спинку стула, сыто и довольно произнес пират, но уже в следующий момент стал серьезным. — Начну, пожалуй, с главного.

Стараниями нашего драгоценного короля Рей связан по рукам и ногам. Помолвка фиктивная, о

чем знают они оба и кронпринцесса. Спектакль разыгран в первую очередь для остальной монаршей семьи, ближайших подданных и, разумеется, охотников за кристаллом душ. Принц Дэрэн, как тебе известно, жаждет занять место отца, устранив старшую, наследующую престол сестру. Принцесса Калиста превратилась в одного из ведущих игроков — один осколок у нее уже есть, и она нацелена получить последний. Работающие на нее саламандр и глубинная ведьма за последнюю неделю предприняли две попытки проникнуть в Гномий банк. Попытки провалились, но и задержать их не удалось. Принцесса Линария тоже фигура неоднозначная. Будучи единственным сильфом в королевской семье, престолом она никогда не интересовалась. За ней закрепилась слава этакой чудачки, но существует большая вероятность, что она помогает младшей сестре, — Калиста умеет убеждать. Кроме того, среди народа сейчас произошел раскол. Если раньше все безоговорочно видели наследницу престола в Оксаре, то теперь многие начинают разделять взгляды Дэрэна и желают, чтобы именно он стал следующим королем. Калисту народ вообще обожает, это ни для кого не секрет. Оксаре сейчас необходима поддержка и надежная опора, которая укрепила бы ее положение. Запрещая себе чувствовать, я воспринимала слова Флинта исключительно как факты, изо всех сил стараясь не принимать их близко к сердцу. Переживать и купаться в собственных эмоциях можно и потом, а сейчас — только осмысливать.

— Такой опорой стал Рей, — побарабанив пальцами по крышке стола, продолжил Флинт. — Хотел бы сказать, что по своей воле, но нет, это не так. Буду откровенен, хотя, заметь, мог бы и не говорить: он пошел на это не столько из-за долга перед королевством, сколько ради тебя. Вот здесь сдержать эмоции мне уже не удалось. Пожалуй, ничто не могло пошатнуть мое чувство реальности сильнее.

— Ради меня? — недоуменно переспросила я.

— Ради тебя, — прозвучало вновь. — Рей отправил тебя в Сумеречную Жемчужину, не сказав об этом королю и тем самым сильно рискуя. Узнай король о его сделке со мной, Рею, несмотря на все его заслуги и таланты, объясниться было бы нелегко.

Флинт посмотрел мне в лицо:

— И король узнал. Нет, не о нашей сделке, а о тебе. О том, что для Рея ты стала значить гораздо больше, чем ундина особых кровей. Узнал он и о твоём примерном местоположении.

Доподлинно о том, где ты находишься, королю неизвестно, но о Сумеречной Жемчужине он подозревает, — отчасти поэтому здесь теперь и ошивается столько стражей. Еще и следователь

— непростой тип. Словом, Рея нехило прижали к стенке. По моим сведениям, первые придворные маги, объединив усилия, повесили на него так называемый маяк. Воспользуясь он магией перехода, отследить его перемещение не составит труда. Он об этом знает, поэтому перейти на Жемчужину не может. Теперь вернемся к помолвке.

Я, и без того слушающая крайне внимательно, подобралась и невольно чуть подалась вперед.

— Король не спрашивает согласия. Король ставит перед фактом, — озвучил общеизвестную истину Флинт. — А когда тот, кого ставят перед фактом, решает высказать возражения, с ним не церемонятся. Однако если этот кто-то — сильнейший морской демон королевства, действовать приходится изящней. Насколько мне известно, вопрос женитьбы Рея на Оксаре король затрагивал не раз. Вчера утром он вызвал Рея на очередную аудиенцию, где не просто намекнул, а потребовал заключения помолвки со своей старшей дочерью. Разумеется, деталей разговора я знать не могу, но суть в том, что они договорились о фиктивном обручении. В голову к нашему монарху не залезть, но, вероятно, он пошел на это, считая, что в конечном счете фиктивной помолвка быть перестанет. Словом, — пират прищурился, — положение у Рея незавидное. Сейчас ему приходится разгребать последствия происшествия в гроте, руководить поимкой потерянных душ, держать под контролем служащих Морского корпуса Сумеречья, следить за ситуацией с осколками в целом и попытками ограбить Гномий банк в частности. Не говоря уже о том, что теперь каждый его шаг отслеживается особо тщательно и Рей должен соблюдать максимальную осторожность. Приплюсуй сюда прессу, которая и так не обделяла его вниманием, а теперь, когда объявлено о помолвке с кронпринцессой, и вовсе проявляет к нему повышенный интерес.

Флинт недолго помолчал и, усмехнувшись, добавил:

— Честное пиратское слово, не хотел бы оказаться на его месте.

Я молчала. Просто потому, что мыслей было слишком много и, не озвучивая, разобраться с ними было легче. Мне все еще удавалось сдерживать эмоции, тщательно осмысливая и раскладывая полученную информацию по полочкам.

Флинт сказал много, но из всего этого в меня буквально врезалась фраза: «Ради тебя». То есть ради меня. Если перемещения адмирала отслеживают, значит, он действительно не может появляться на Сумеречной Жемчужине, даже если хочет этого.

Что же до помолвки... если взглянуть на ситуацию отстраненно, то все вполне логично. Совсем отказаться от нее Эртан не мог, опять же даже если хотел. В отношениях с королем, до этого равных, и без того появилось напряжение. Но несмотря на это, адмиралу все же удалось настоять на своем и вынудить монарха пойти на компромисс.

«Помолвка фиктивная», — еще один накрепко врезавшийся в сознание факт.

Все-таки фиктивная... А объяснить мне что-либо у него не было ни времени, ни, как оказалось, возможности.

— Мне восхищаться твоей выдержкой или готовить платок на случай истеричной радости? — нарушил затянувшуюся тишину Флинт. — Учти, соленая вода мне нравится только в море, а на женских щеках терпеть ее не могу.

— Терпеть и не придется, — чуть хрипловатым голосом успокоила я. — Вся «соленая вода» досталась подушке до твоего прихода.

Флинт притворно удивился:

— Что, и это все? Не будет дополнительных вопросов?

— А у тебя есть дополнительные ответы? — поинтересовалась я. — Если так, то выкладывай.

Огладив покрытый короткой щетиной подбородок, пират лукаво блеснул глазами:

— Так ведь я — сплошная загадка, мои мотивы неясны, а действия невозможно предугадать. И ты вот так запросто веришь всему, что я говорю?

Вот ведь... запомнил же!

— Ладно, синеглазка. — Флинт снисходительно махнул рукой, словно великий правитель, одаривающий мелкого подданного. — Исключительно по доброте душевной сообщу еще пару интересных для тебя моментов, за которые Рей будет обязан мне до гроба. Находясь вдали от тебя, повлиять на привязку приставленной к тебе потерянной души он не мог. А поскольку не так давно он кое-что изменил в ней таким образом, что получил возможность отслеживать твоё местонахождение, это при новых обстоятельствах стало играть против нас. На наше всеобщее счастье, у нас есть я, решивший эту проблему. Теперь даже Рей не может связываться с привязанной к тебе потерянной душой. Для меня мера крайне приятная, для него — крайне неприятная, но необходимая. И еще... — Он запустил руку в карман, и в следующий момент передо мной оказался небольшой конверт. — Тебе от Реюшки.

Все. От былого самоконтроля не осталось даже следа, и я, вне себя от удивления, воскликнула:

— Но как?! И почему не отдал мне сразу?

— И это вместо благодарности, — напоказ вздохнул Флинт.

Его интонацию и выражение лица следовало трактовать как «скажи спасибо, что вообще отдал».

— Контрабандисты есть везде, даже в столице, — все же пояснил он, когда я взяла письмо в руки. — А у контрабандистов есть лазейки, ведущие даже на закрытую Сумеречную Жемчужину.

Последних слов я уже не слышала, дрожащими от волнения руками открывая конверт. Сразу же в глаза бросилось то, что он вскрыт, но упрекать пирата по этому поводу я даже не подумала. И правда — спасибо, что вообще передал. Тем более глупо было бы ожидать, что он станет передавать мне какую-либо корреспонденцию, не ознакомившись с ее содержанием.

В сущности, содержимое конверта оказалось не письмом, а короткой запиской. Сперва мне захотелось уйти в другую комнату и прочитать ее в одиночестве, но затем я подумала, что это все равно бессмысленно, раз уж Флинт успел ее изучить.

«Мы со всем справимся. Верь мне», — прочла я выведенную аккуратным почерком строчку.

Опустила взгляд и увидела внизу подпись, источающую знакомый магический флер.

Всего несколько слов, а на душе, до этого затянутой беспросветными тучами, как будто чуть-чуть посветлело. У меня не было оснований не доверять словам Флинта, как не было оснований больше сомневаться в Эртане. Полученные объяснения существенно на меня повлияли. Мне было стыдно перед самой собой за то, что позволила себе расклеиться, плакать, а самое главное

— поверить, будто Эртан меня оставил. Сейчас так хотелось называть его по имени, наслаждаясь каждым звуком, искупая свою необоснованную трусость.

Эртан... красивое имя все-таки.

— Как уже говорил, терпеть не могу слезы, — вклинился в мой маленький мир голос Флинта. — Иначе прослезился бы от умиления.

Оставив сарказм без внимания, я аккуратно сложила записку и сунула ее в карман. Пусть там было написано всего две фразы, но они значили для меня по-настоящему много. Я знала: если когда-нибудь снова буду на грани отчаяния, мне всего лишь потребуется перечитать эти короткие строки, чтобы вновь поверить и в себя, и в благополучный исход.

Пират сидел, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, а его лениво блуждающий взгляд то и дело останавливался на мне. Чем себя занять, я не знала и, чтобы нарушить легкую неловкость, взялась заваривать чай. Травяных сборов у госпожи Герры было великое множество, и некоторую их часть Яли принесла сюда. Недолго подумав, я остановила выбор на черном чае с листьями синегодника. Отправила несколько щедрых щепоток в заварочный чайник, залила кипятком и принялась ждать, пока настоится. Почему-то вдруг вспомнилось, как недавно Флинт расстроился, разбив принадлежащий госпоже Герре фарфоровый сервиз. Я уже давно задавалась вопросом, что связывает их двоих. Не будь госпожа Герра каким-то образом причастна к криминальному миру, я бы решила, что она питает к Флинту материнские чувства. Впрочем, одно другому не мешало.

— Как ты познакомился с госпожой Геррой? — неожиданно для самой себя спросила я.

Пират развернулся на стуле и, оказавшись сидящим лицом ко мне, скептически произнес:

— Ты так часто задаешь вопросы о моей скромной персоне, что я начинаю думать, будто у Рея есть повод ревновать.

Я вспыхнула — вот всегда все перевернет! Но возмущение схлынуло так же быстро, как и пришло, все же к хидству пирата у меня и впрямь выработался иммунитет.

— Давай так. Будем задавать вопросы по очереди, — внезапно предложил Флинт. — Тот, кто отказывается отвечать, исполняет желание спросившего. Врать можно, но уличение во лжи так же повлечет исполнение желания. Идет?

Первым порывом было категорически отказаться. Врать я не то чтобы не умела, но все же предпочитала этого не делать. А отвечать правдиво на вопросы, которые, несомненно, будут самыми неудобными, мне не хотелось, не говоря уже об исполнении желаний.

Но я согласилась. Вряд ли еще когда-нибудь мне могла представиться такая удобная возможность узнать о Флинте все, что я хотела. А узнать хотелось многое.

Разлив чай по чашкам, я поставила их на стол, пристроила рядом вазочку с печеньем и, присев напротив Флинта, напомнила:

— Свой первый вопрос я уже задала.

ГЛАВА 14

— С десяти лет я жил в этом доме, а госпожа Герра была моей соседкой. До моего переезда мы иногда пересекались, но вряд ли это можно было назвать знакомством.

— А где ты жил до десяти лет?

— Это уже второй вопрос. — Флинт лукаво улыбнулся. — Не жульничай, синеглазка, теперь моя очередь.

Подумав, что нужно четче формулировать вопросы, я приготовилась внимать пирату, морально настраиваясь на что-то неприятное. Буквально нутром чувствовала, что придется виртуозно и изощренно врать.

— Если бы тебя попросили загадать одно-единственное желание, которое непременно исполнится, каким бы оно было?

Озвученный вопрос выбил меня из колеи. Я ожидала, что Флинт спросит о чем-то, так или иначе связанном с осколками, кристаллом душ, адмиралом или, на худой конец, Морским корпусом... Но о моем заветном желании?

Если он таким образом хотел вывести меня из состояния равновесия, ему это прекрасно удалось. А еще удалось заставить меня всерьез задуматься. Заветные желания на то и заветные,

чтобы не рассказывать о них никогда и никому. Можно было бы, как и собиралась, соврать, но вместо этого я почему-то ответила честно.

— Проснуться... — уставившись на пол, негромко произнесла я. — Однажды проснуться самой счастливой во всем мире.

Наверное, я все-таки ужасная эгоистка. Многие на моем месте высказали бы пожелание, чтобы в нашем королевстве, да и вообще в мире никогда не было войн, чтобы кристалл душ оказался уничтожен раз и навсегда или нечто другое, но такое же масштабное и затрагивающее всех. Но я всегда знала, что хочу счастья именно для себя. Потому что в моем счастье были также счастливы все мои близкие и друзья. Не было тех же войн и завладевших могущественным артефактом тиранов.

Такое вот эгоистичное, но в некотором смысле касающееся других людей желание...

— Ловко, — похоже, Флинт понял его правильно. — Что ж, теперь снова твоя очередь.

Наверное, следовало спросить о чем-то более важном, но мне захотелось прояснить заинтересовавший меня момент:

— Где и с кем ты жил до десяти лет?

Флинт усмехнулся:

— А ты от своего не отступаешь... Жил в лачуге у моря с матерью, — и без перехода продолжил: — Предложи тебе сейчас вернуться в прежнюю жизнь — до того, как оказалась втянута в охоту на осколки, согласилась бы? Никакой некромантии, никаких ундин, никаких ловцов. Только ты, приемный отец в добром здравии и рыбная лавка.

И все же он снова и снова заставлял меня врасплох. Я искренне не понимала, для чего он задает такие вопросы.

Зачем?

На этот раз пришлось думать дольше. Прислушиваясь к себе, к своим чувствам и тщательно все взвешивая, я колебалась. Не будь во мне особой крови ундин, не поступи я в Морской корпус, моя жизнь сложилась бы иначе. Сейчас я бы не находилась на Сумеречной Жемчужине, а пребывала в своем маленьком мирке. Меня бы не пытались использовать в своих целях, мне не желали бы смерти все кому не лень и, уж конечно, моя скромная персона не интересовала бы особ королевской крови. Я не мучилась бы от пробудившейся во мне темной магии... не узнала бы адмирала Рея, не обрела бы друзей, не пережила бы самые настоящие приключения.

— Нет... — выдохнула я, отрицательно покачав головой, а после уже громче повторила: — Нет, не согласилась бы! Все, что я пережила и продолжаю переживать, — неотъемлемая часть меня самой. Лишиться ее значит потерять себя. Пусть мне сейчас трудно, но только преодолевая трудности, можно стать сильнее. Я всю жизнь молила высшие силы о шансе изменить жизнь. Я его получила и теперь ни за что от него не откажусь!

Сама не ожидала, что отвечу так эмоционально и в таком запале. Просто я вдруг, вот прямо в этот самый момент осознала: несмотря ни на что, я действительно рада тому, как складывается моя судьба. И пусть порой хочется впасть в отчаяние, положительных моментов за последнюю пару месяцев было больше, чем за всю прошедшую жизнь.

Я так погрузилась в себя, что не сразу заметила заигравшую на губах Флинта улыбку. Увидев ее, на несколько секунд оторопела, а после, вернувшись в реальность, с возмущением и изумлением воскликнула:

— Ты это специально! Специально все затеял, чтобы заставить меня анализировать и признать, что все не так плохо?

— Это твой следующий вопрос? — чуть прищурившись, вкрадчиво поинтересовались у меня. Вот же... пират!

Впрочем, стоило признать, что возмущаюсь я зря. Он мог спрашивать о чем угодно, но почему-то предпочел задать те вопросы, ответы на которые могли меня взбодрить и укрепить веру в себя.

Торопиться нам было некуда. Флинт, судя по расслабленному виду, был не прочь продолжить эту своеобразную игру, и я не заставила себя ждать.

— Кем были твои родители?

Ши знает, почему я тоже спрашивала совсем не о том, о чем собиралась изначально. Должно быть, сама окружающая атмосфера — легкий полумрак, недопитый чай и тепло дома влияли на внутреннее состояние и подталкивали говорить о чем-то личном.

В самом деле, кто еще может похвастаться, что знает факты биографии самого загадочного капитана пиратов?

— Кем были мои родители? — криво усмехнувшись, переспросил Флинт, и я почувствовала, что его настроение несколько изменилась. — То есть ты их уже заочно похоронила?

— Это твой следующий вопрос? — вернула шпильку я.

Мне даже с деланным восхищением поаплодировали, а потом все же снизошли до ответа:

— Мать с родственниками не ладила. Дед мой был самых строгих правил — взял и выгнал ее из дома, после того как так называемый возлюбленный воспользовался ею и бросил. Только в лачуге у моря поселиться позволил, которую когда-то приобрел в довесок к небольшому судну. Какое-то время она пыталась работать на местную банду контрабандистов, но в итоге стала торговать телом. Отца, как ты понимаешь, при таком ее образе жизни я не знал. Когда она умерла от прокатившейся по острову эпидемии, меня забрала к себе двоюродная тетка. Собственно, в ее доме мы сейчас и находимся. Тетка, к слову, тоже долго не протянула, как и дед. В одиннадцать я остался вверен самому себе. Госпожа Герра, правда, пожалела «бедного сиротку» и помогала, чем могла.

Сказать, что я была потрясена, — это не сказать ничего. Никогда даже вообразить не могла, насколько трудным у Кайера Флинта было детство. Мне тоже довелось испытать много лишений в раннем возрасте, но все же по сравнению с тем, через что прошел он, они несколько меркли. Хотя... нет. Скорее, в этом наши судьбы были очень схожи. Я стояла на паперти, но у меня был какой-никакой, пускай и вечно пьющий отец. У него не осталось родни, зато была госпожа Герра.

И все же...

Еще некоторое время назад я не могла представить Флинта ребенком. А теперь предельно четко видела перед собой лежащего на кровати одинокого мальчишку, царапающего на стене «пиратскую» карту...

— Синеглазка, умоляю, только не нужно сейчас смотреть на меня, как обычно смотришь на брошенных морских котят. — Флинт поморщился. — Все это — в далеком прошлом. Если бы меня до сих пор грызла обида на давно померших родственничков, я бы тебе о них не рассказывал.

Да, он говорил о давно минувших днях легко и равнодушно, даже с налетом извечной саркастичности, но... как бы то ни было, такие вещи не проходят бесследно. Раны-то время затягивает, а вот шрамы остаются. Кому, как не мне, об этом знать.

— Каково это — просить милостыню? — неожиданно спросил пират.

И вот на сей раз помимо того, что вопрос застал врасплох, он еще и оказался подобен удару под дых.

— Не только тебе копать в невеселом прошлом, — заметив, как я вздрогнула, произнес Флинт, неотрывно глядя мне в глаза.

— Это... — начала я и замолкла.

Мне пришлось собираться с силами, чтобы ответить. Никогда и ни с кем я не обсуждала эту тему. Это был как раз тот шрам, который дает о себе знать даже спустя долгие годы. Ноет, напоминая о тех моментах, которые хочется вычеркнуть из памяти навсегда. И все же промолчать сейчас значило согласиться на исполнение желания, чего я допускать уж точно не могла.

Вопрос затрагивал лишь меня, поэтому, собравшись, я все-таки ответила:

— Это... ужасно. Доволен?

— Я — нет. — Флинт пожал плечами. — Конечно, я не житель Поднебесья, но, если думаешь, что спросил об этом, чтобы сделать тебе больно, ты ошибаешься. Знаешь, в чем суть темной магии?

— Сейчас моя очередь задавать вопрос.

— Ши с ним, — отрезал Флинт, продолжая смотреть мне в глаза. — Темная магия черпает подпитку из наших негативных чувств и воспоминаний. Ты до сих пор не можешь отпустить прошлое. Пусть ты забываешь о нем на время, оно все равно преследует тебя. И пока ты не

подавишь эти воспоминания, пока не перестанешь испытывать что-то, возвращаясь к ним, полностью подчинить свою темную магию тебе не удастся. Скажи, Фрида, — услышав вместо привычного «синеглазка» свое имя, я снова непроизвольно вздрогнула, — что ты подразумеваешь под словом «ужасно»? Каково это, когда на тебя смотрят в лучшем случае с брезгливой жалостью? Когда презирают, но, чтобы показаться лучше, чем есть на самом деле, бросают в протянутый жестяный стаканчик пару монет? Когда они — такие разодетые, богатые, берущие от жизни все, проезжают мимо в дорогих каретах, грязь из-под колес которых обдаёт тебя с ног до головы?

Я не думала, что сегодня еще раз к глазам подкатят слезы. Но не разочарования — злости. Возмущения, обиды, негодования! Флинт словно заглянул в самые потаенные уголки моей души — те, в которые я запрещала заглядывать даже самой себе, и вытащил наружу все, что там находилось.

Непроизвольно поднявшись, я дала волю вспыхнувшим во мне чувствам:

— Что ты хочешь услышать? Да, ши возьми, просить милостыню — это больше чем просто ужасно! Это унижительно и больно. Единственное, что сдерживает порыв сбежать, — понимание, что если у тебя не будет этих с презрением отданных монет, то не будет и ужина! Это отвратительно, когда все в школе знают: вместо того чтобы идти домой, ты идешь на «Ледянку», где стоишь рядом с другими нищими! И гордость приходится умирять, и слезы сдерживать, потому что жалость в глазах прохожих ранит самолюбие не хуже того же презрения! И да, мне до сих пор больно об этом вспоминать! Я только пару лет назад перестала прятать сухари на черный день! Это... это так просто не отпускает...

Смахнув ненавистные, все-таки выступившие слезы, я прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Сама не зная, что со мной сегодня творилось, — видимо, просто навалилось все и сразу. А говорить о своем прошлом равнодушно, как Флинт, я так и не научилась...

— Тебе больше никогда не придется стоять на «Ледянке», — прозвучал его серьезный голос, и хотя мои глаза были закрыты, я знала, что он все еще в упор на меня смотрит. — Ты это знаешь, но по-настоящему поверить не можешь. А должна. Ты не была виновата в той ситуации. Тебе нечего стыдиться. Просто прими это. Станет легче, поверь.

Разговаривать с закрытыми глазами почему-то было проще, и, не открывая их, я глухо спросила:

— Зачем тебе это? Зачем ты мне об этом говоришь? А, ну да, — сменила тон, решив избавиться от невыносимой серьезности, к которой повернул разговор. — Ты же хочешь собрать кристалл душ. А для этого я нужна тебе целой и невредимой. Чтобы темная магия меня не уничтожила, ее нужно обуздать. А чтобы обуздать, следует победить свои давние страхи. Я права? Повисла пауза.

В камине потрескивали дрова, ветер швырял в окно пригоршни колючего снега и завывал в трубе, а я продолжала стоять, смежив веки и оттого ощущая себя одновременно и в безопасности, и беспомощной.

— Видишь, как мы прекрасно друг друга понимаем, — произнес Флинт, и по тону я поняла, что на его губах снова играет привычная ухмылка. — Так что, синеглазка, если решишь податься в профессиональные некроманты и покинуть Морской корпус, милости прошу в свою команду. Из тебя выйдет отличный пират! И на «Ледянке» снова стоять не придется.

Наконец разомкнув ресницы, я поймала взгляд его насмешливо поблескивающих глаз и, немного помолчав, уже ровно напомнила:

— Вообще-то игра еще не окончена. Готов ответить на мой следующий вопрос?

Флинт расслабленно кивнул, выражая согласие.

И я, глядя ему в глаза точно с такой же уверенностью, с какой он смотрел в мои, спросила:

— Кто наложил на тебя магию подчинения, темный след которой красуется на твоей шее?

Что, Флинт, не только ты умеешь заставить врасплох?

Услышать такой вопрос он никак не ожидал, и, пожалуй, впервые за все время я видела его искреннее удивление. Оно длилось не дольше пары секунд, после чего пират заметно помрачнел, и на его лицо набежала тень. Но и это выражение не продлилось долго, уступив место невозмутимости и легкой ироничности, маска которой давно стала для Флинта родной.

— Тот, кто живет в королевском дворце, — легко сообщил он.

— А конкретней?

— Ты исчерпала свой лимит вопросов, синеглазка, — самым наглым образом заявил пират. — Но у меня еще остался последний.

И вот тут я снова всем своим существом почувствовала, что придется или врать, или избежать прямого ответа. И на этот раз — точно, потому что последний вопрос мне не понравится. Хотя, если подумать, мне не было известно ничего такого, о чем бы не знал он сам. Может, интуиция все же обманывает?

Как оказалось спустя несколько мгновений, интуиция все же не подвела.

— Как зовут потерянную душу, которую Рей привязал к своему дому в качестве дворецкого? Если мне казалось, что взгляд Флинта был испытывающим и чрезмерно пристальным раньше, то теперь его воздействие стало ощущаться сто крат сильнее.

Выходит, об Оваре он не знал... точнее, не знал наверняка, но предполагал. Я не до конца понимала, зачем ему нужна эта информация, но раз Флинт спрашивал, да еще и оставив этот вопрос напоследок, значит, она имела для него какую-то ценность. И я не была уверена, какие последствия повлечет за собой мой честный ответ.

— Алан, — озвучила я первое пришедшее на ум имя, стараясь говорить ровно и уверенно.

Теперь Флинт не просто смотрел, а буквально подавлял меня поблескивающими карими глазами, на дне которых я словно видела саму Глубину. Это было так странно... мне уже приходилось видеть его всяким, но таким — еще нет. Разве что на пару коротких моментов, когда он, рассказывая о давних, происходящих в гроте событиях, погружался глубоко в себя. Казалось, на меня смотрит само море — бескрайнее, обманчиво спокойное, готовое в любой момент разразиться цунами.

Что бы Флинт ни говорил, у него было слабое место. Было воспоминание, от которого он, как и я, до сих пор не мог избавиться. Но, в отличие от моего, оно не касалось тяжелого детства, а было связано с ловцом, погибшим по его вине.

— Ты врешь, — спустя неимоверно долгую паузу, наконец произнес Флинт.

Отступить я не собиралась:

— У тебя есть доказательства моей лжи? Думаю, предъявить их ты не можешь. Иначе вообще не задавал бы такой вопрос.

Выражение лица Флинта за последние минуты уже успело измениться множество раз и сейчас внезапно переменялось снова.

— Дворецкого Рея зовут Овар, — без тени сомнения сказал он, после чего добавил уже совсем другим, с нотками довольства тоном: — Я знаю об этом еще с того момента, когда Рей только заарканил душу нашего общего сослуживца. Ты соврала, синеглазка. И теперь должна мне одно желание.

Я снова была зла, глубинно зла на саму себя! Так глупо попасться! Конечно, я ведь и впрямь не обладала никакими ценными для Флинта сведениями, и вся эта игра с самого начала была направлена на то, чтобы заставить меня задолжать ему желание!

— Это всего лишь глупая игра. — С шумом отодвинув стул, я резко поднялась и, скрестив руки на груди, отошла к окну. — Не буду я исполнять никакое желание... если оно пойдет вразрез с моими интересами.

— Это мой принцип, синеглазка, не воруй мое фирменное кредо, — пошутил Флинт и с точно такой же шутливой интонацией озвучил предельно серьезную вещь: — Никогда не играй с пиратами, мы любим умалчивать о некоторых нюансах с выгодой для себя.

Он опустил ладонь на стол, и в следующую секунду я заметила золотую монетку, совсем не похожую на те, что ходили в нашем королевстве. Еще не знала, что именно с ней не так, но уже чувствовала, что легкий, исходящий от нее магический флер не сулит ничего хорошего.

— Всего лишь примитивная магия договора, — едва заметно улыбнувшись, пояснил Флинт. — Пираты никогда не доверяют друг другу, поэтому нередко используют такие мелкие артефакты для скрепления условий сделки. Мы договорились, что ложь повлечет исполнение желания. И сия замечательная монетка это подтвердила.

Я ошарашенно молчала, не веря, что в самом деле попала на такую уловку, а затем, не сдерживаясь, очень выразительно выругалась.

Флинт засмеялся.

— Не бойся, моя дорогая некроманточка, — успокоил он, подбросив и поймав блеснувшую монетку. — Ничего невыполнимого и сверхсложного у тебя не попрошу.

К счастью, а может, к сожалению, незамедлительного исполнения желания от меня никто не требовал. Впрочем, почти сразу я пришла к выводу, что, скорее, к сожалению, поскольку неведение пугало и наталкивало на мысль, что желание Флинта, несмотря на его заверения, безобидным не будет.

От неотпускающей злости на саму себя хотелось взвыть! У меня была прекрасная возможность проявить изобретательность и смекалку, вывести у Флинта полезную информацию, а что сделала я? Узнала о его нелегком детстве и услышала абстрактный ответ на вопрос, чья печать подчинения на нем лежит?

Хотя, положила руку на сердце, это не так уж мало. И если бы только я не попала в конце на его уловку... Чтoб их, этих пиратов! Хитрые ши!

Я снова сидела в своей комнате, дверь которой зачем-то заперла. Смысла в таком действии особого не было, просто захотелось вновь остаться наедине с собой. Машинально поглаживая записку Эртана, мысленно я возвращалась к тому, что узнала от Флинта. Сегодняшний день оказался до того щедрым на информацию, что сознание буквально разрывалось от неспособности вместить ее целиком. И все же в настоящий момент, как и утром, больше всего меня интересовала темная метка. Флинт сказал, что ее наложил некто, живущий в королевском дворце. Притом сказал это легко. Слишком легко, что наталкивало на вывод: он врал. Хотя, зная Флинта, я не исключала, что так легко он мог выдать и правду. Именно поэтому решила выстроить в уме последовательность событий, вернувшись к тому, с чего все началось. Вообразив себя Ариерой, я отмотала время назад, возвратившись к тому моменту, когда в моей жизни впервые появился Флинт. Тогда все королевство будоражили слухи, что ему каким-то непостижимым образом удалось сбежать из самой охраняемой столичной тюрьмы, избежав виселицы. Никто даже предположить не мог, как он сумел это сделать. Сперва мне не было до того никакого дела, а когда Флинт, подобно урагану, вторгся в мой на тот момент маленький мир, я списала его побег на его же невероятную везучесть и магическую одаренность. В общем-то так считала вплоть до сегодняшнего дня... пока не состоялась наша занимательная «игра» и не появилось одно существенное «но».

А что, если принять слова Флинта о метке за правду и предположить, что она была наложена на него как раз незадолго до побега из тюрьмы? Что, если его побегу способствовала какая-то влиятельная особа, которая и выпустила-то его для того, чтобы ловкий пират собрал для нее осколки кристалла душ? А предусмотрев, что Флинт может попросту обмануть и сбежать, наложила на него магию подчинения? Ши возьми, а ведь все действительно сходится! Взволнованная доводами, я поднялась с кровати, где сидела последнюю четверть часа, и принялась мерить шагами комнату.

Конечно, полной уверенности в сделанных выводах я не испытывала, но и вероятность их правильности исключать не могла. Отсюда возникал главный вопрос: если все в самом деле так, то кто именно поставил Флинту темную метку? Как там говорилось в брошюрке? Это должен быть невероятно сильный маг, чья магия является темной, подпитываемой самой Глубиной. Кто у нас обладает подобной? Некроманты, дроу, некоторые маги разных ступеней, включая морских демонов... черные саламандры. На черных саламандрах я заострила внимание особенно.

Пока все ниточки охотников за кристаллом так или иначе вели к особам королевских кровей. Из них под подозрение в первую очередь попадали принцесса Калиста и принц Дэрэн. Принцесса Оксара поводов подозревать ее в желании заполучить осколки пока не давала, а Линария и вовсе являлась сильфом, чья магия происходила из Поднебесья, а значит, темной быть не могла по определению.

Пожалуй, и Калиста, и Дэрэн завладеть кристаллом душ хотели в равной степени, но если с исполнителями первой все было понятно, то чьими руками действует второй, пока оставалось неясно. На принцессу Калисту работают глубинная ведьма и саламандр-полукровка — это если не считать фанатиков Лайара и дроу. Сомнительно, что ей удалось переманить на свою сторону еще и легендарного капитана пиратов, хотя... кто знает? Младшая, горячо любимая народом принцесса оказалась далеко не так безобидна, как все привыкли считать.

В итоге я остановилась на том, что магию подчинения на Флинта наложил все же принц Дэрэн. Опять же наверняка уверена не была, и все это оставалось лишь моими домыслами, но все-таки подобная версия право на существование определенно имела. И небеспочвенно.

Остановившись посреди комнаты, я усмехнулась: интересно, если бы Флинт предполагал, что я тщательно проанализирую его слова и сумею прийти к такому выводу, стал бы мне что-то отвечать?

Теперь, когда адмирал Рей утратил возможность меня навещать, когда я осталась на этом островке фактически одна, мне оставалось полагаться только на саму себя. Полностью доверять больше никому не намеревалась. Но, как ни странно, чувствовала я себя гораздо увереннее, чем некоторое время назад. Даже испытывала какой-то азарт, смешанный с основанным на страхе возбуждением.

ГЛАВА 15

Мне давно не снились кошмары. Наверное, просто реальность отнимала все силы, не давая подсознанию выпустить страшные образы. Я спала крепко и не видя снов, но этой ночью все было иначе.

Заснуть мне не удавалось долго, а когда мысли наконец стали путаными и тело постепенно расслабилось, перед глазами предстало штормовое море. Беспокойные картинки сменяли друг друга, превращаясь то в огромные волны, то в похожие на череп скалы, то в холодные стены мрачного грота. Я то летела, то падала, то плыла и тонула в мутной черной воде, пока над головой проносилось сияющее звездами небо.

Вода заполняла легкие, щипала глаза, из-за чего те слезились, и слезы смешивались с таким же соленым морем. Было страшно и холодно. Холодно настолько, что с онемевших губ не срывалось ни звука, несмотря на то что невероятно хотелось кричать.

В какой-то момент все звезды на ночном небе поблекли, осталось ясно различимым только созвездие Лайара. Неожиданно волны стихли. И вот уже вода не пытается утянуть на дно, не заполняет легкие и не умертвляет невыносимым холодом.

Казалось, звезды внезапно ставшего огромным созвездия, отражаясь в воде, пронизывают ее насквозь. Я висела точно в невесомости и ощущала себя так, как если бы вдруг вышла из привычного мира, оказавшись затерянной где-то во Вселенной. Вода и небо. Абсолютный покой. И легкий холод, который теперь приятен.

Я ощущала, как кожу обволакивает приятная прохлада, как она наполняет кровь, как в глазах отражается россыпь звезд, что составляют самое яркое созвездие... а затем меня словно вытянули куда-то наверх.

Один рывок — и я резко села на постели, не понимая, где нахожусь. Лихорадочно обведя взглядом комнату, ментально успокоилась. Сквозь окно проникал рассеянный, наполняющий пространство лунный свет. Он скрадывал очертания знакомой мебели и предметов, придавая им таинственное сияние. Занавески слегка подрагивали, будто бы от ветра, хотя окно точно было закрыто.

Все еще ощущая последствия странного и слишком реального сна, я свесила ноги с кровати, и ступни тут же охладил ползущий по полу сквозняк. И он, этот сквозняк, походил на прохладу из сна... все же и впрямь странно...

Я не могла распознать собственных чувств. Они все как будто притупились, успокоенные беззвучной колыбельной. Захотелось подняться с постели и, подойдя к окну, посмотреть на ночное небо. Наверное, это бы я и сделала, если б внезапно не наткнулась взглядом на замершую в дальнем углу комнаты фигуру.

В состоянии безмятежности мгновенно вплелись тревога и страх.

Что за ши?! Минуту назад там никого не было!

— Шатх? — очень тихо спросила я, хотя была уверена, что это не он. — Кай?

Молчаливая тень точно не была теневым охотником и уж тем более Флинтом. Только спустя несколько мгновений я поняла, что именно ночной гость источает эту спокойно-сонливую прохладу, которая успела наполнить комнату и околдовать меня саму.

Но несмотря на вязкий, уже начавший казаться каким-то неестественным покой, я ощутила нарастающий страх, грозящий перерасти в панику. Парадоксально, но как раз сочетание навязанного спокойствия и ожидаемого страха пугало больше всего. Само мое состояние, как и

обстановка, было подтверждено влиянию неизвестного гостя, и я даже пошевелиться больше не могла, неотрывно глядя на него.

— Кто вы? — произнесла, с трудом заставляя язык повиноваться.

Даже удивилась, что от ужаса не утратила способности говорить.

Гость молчал, одним своим присутствием виртуозно играя на натянутых нервах, точно на послушном музыкальном инструменте. А затем неожиданно сделал шаг по направлению ко мне, частично выйдя из тени.

В наших краях многие предпочитали носить длинные плащи с глубокими капюшонами — это никого не удивляло. И все же тот плащ, что был надет на мужчине — а теперь я понимала, что это именно мужчина, — чем-то отличался от привычных. Он был черным. Абсолютно. Ненормально, беспросветно черным. Даже у темноты всегда есть оттенки, а здесь их не было совсем. Да и сама фигура воспринималась инородным, чуждым живому миру черным пятном, словно пришла... откуда?

«Из Глубины», — подумала я и беззвучно, не в силах издать ни звука, выдохнула.

Будто прочитав мои мысли, мужчина сделал еще один шаг и остановился. Капюшон откинулся медленно и словно сам собою.

Сколько раз за свою жизнь я поминала высшие силы, сколько раз обращалась к поднебесным и посылая к глубинным... Это всегда происходило машинально. Да, я понимала, что и поднебесные, и глубинные существуют. Знала об этом, как и все. Знала и о том, что это от них нам передается магия. Но одно дело — просто знать, что они существуют где-то там, по другую сторону мира, и совсем другое — увидеть одного из них.

Ни в одной книге, ни в одном учебнике — по крайней мере в тех, что находились в открытом доступе, — не существовало изображений Лайара. Но я, глядя в абсолютно черные, лишенные белков глаза, понимала, что передо мной стоит именно он. Черты его лица были четкими и совершенными — настолько же прекрасными, насколько пугающими. Такая красота обычно принадлежит лишенным души скульптурам, только в нем и эта красота, и бесчувственность были увеличены стократ. На фоне бледной кожи черные глаза казались еще более нереальными, и чем дольше я в них смотрела, тем явственнее видела сходство между ними и ясным звездным небом...

Не знаю, сколько прошло времени перед тем, как я заметила вязь символов, спускающуюся от висков и теряющуюся где-то под плащом. Тут же как-то отстраненно подумалось, что такие же символы присутствовали и на коже напавшего на меня жреца. Только у служителя культа символы были татуировкой, а у моего нежданного гостя находились будто под кожей, являясь частью его самого.

Наверное, мой следующий вопрос прозвучал не менее глупо, чем предыдущие.

— Что тебе нужно? — едва выдавила я и была уверена, что мне вновь не ответят. Но...

— Увидеть тебя. — Низкий голос прозвучал у меня в голове.

Сердце, еще секундой ранее отбивающее четкую, за одно мгновение вернулось в обычный ритм. От голоса Лайара веяло все тем же мертвенным спокойствием, которое теперь ощущалось еще явственнее, чем прежде. Меня заполнило им целиком, и, казалось, я утратила саму способность испытывать какие бы то ни было волнения. Ушел даже страх, словно смытый бесшумной и плавной, но мощной волной.

— И как? — практически беззвучно, больше мысленно, чем вслух, спросила я. — Посмотрел?

Лайар остался стоять на месте, но внезапно отделившись от него тень оказалась прямо передо мной. А в следующий миг моего лба коснулась все та же прохлада, похожая на короткий поцелуй...

— Избранница жизни, любимица смерти, — пронесся по комнате шепот, подобный шелесту ветра. — Глубины в тебе больше, девочка. И однажды, когда наступит решающий момент, ты это поймешь.

Тень отступила, вернулась к своему хозяину, а мною снова овладел сумасшедший, неконтролируемый страх. Бесчувственное оупение прошло, эмоции расплзлись по каждой клеточке тела и, беззвучно закричав, я...

Проснулась.

— Спокойно, это я, — прозвучал поблизости знакомый голос, распознать который со страху мне не удалось. — Расслабься, синеглазка. Ты ведь не хочешь разнести здесь все в хлам?

Должен в очередной раз напомнить, что это мой дом. И мне совсем не хочется, чтобы одна новоявленная некроманточка его уничтожила.

Понимание того обстоятельства, что я стою возле кровати, а вовсе не лежу на ней, тоже пришло не сразу. Флинт почему-то замер на расстоянии шага и подходить не спешил.

— Все хорошо, Фрида, — тоном, каким обычно разговаривают с бродячей собакой, от которой неизвестно чего ожидать, продолжил он. — Ты в безопасности, магию выпускать совершенно ни к чему.

В недоумении на него воззрившись, я уже хотела спросить, что он имеет в виду, как вдруг мой взгляд упал на собственные руки, вокруг которых сосредоточился темный ореол.

Прежде я бы обязательно впала в панику, но сейчас только глубоко вдохнула и, прикрыв глаза, медленно выдохнула. Представила, как сила затихает, уходит в самые потаенные уголки души и, сворачиваясь там клубком, медленно засыпает. Своя темная магия вдруг представилась мне морским котиком — черным, с синими, как воды Сумеречного моря, глазами, которые иногда темнеют. Озорным и непослушным.

Стоило это вообразить, как страх ушел окончательно, а магия в самом деле послушно присмирела.

— Все в порядке, — недрогнувшим голосом произнесла я, а затем почувствовала, как ноги перестают держать и я медленно оседаю на пол.

Упасть уже в который раз мне не позволил Флинт, вовремя придержавший и усадивший на кровать.

— Поседею я с тобой раньше времени, — пожаловался он. — То вопишь так, что мертвого и без некромантии поднимешь, то лунатика изображаешь.

Следующий вопрос мне был задан уже с другой, куда более серьезной и встревоженной интонацией:

— Что-то снилось?

Я только неопределенно качнула головой. Не рассказывать же, что ко мне ни много ни мало пожаловал сам Лайар? Да и, возвращаясь к недавним событиям, я не могла сказать, что спала в полном смысле этого слова. Скорее, находилась где-то на грани, в очень реалистичном, посланном мне видении.

Да как это вообще возможно? Ко мне приходил один из верховных столпов Глубины, покровитель самой смерти... бред!

Бред не бред, но так оно и было. И прохлада поцелуя, все еще чувствующаяся на лбу, служила дополнительным тому свидетельством.

Запоздалая дрожь накрыла, когда я присела на злополучную кровать. Взгляд против воли тут же метнулся в тот угол, где не то во сне, не то в видении стоял Лайар. Только теперь я ощутила, что успела замрзнуть по-настоящему, и навеванная незваным гостем прохлада здесь совсем ни при чем. Вместе с ознобом пришла и неимоверная усталость, но спать, несмотря на это, совсем не хотелось.

Зная Флинта, я бы не удивилась, реши он бестактно задержаться в комнате, но этого не случилось. Убедившись, что я кое-как пришла в себя, пират пожелал спокойной ночи, выразил надежду, что остаток этой ночи действительно будет спокойным, и удалился.

Точнее, удалился бы, не окликни его в последнюю секунду не ожидавшая такого от самой себя я:

— Кай...

Не так часто я называла его по имени, предпочитая избегать прямого обращения, но сейчас пришлось.

Уже перешагнув порог, он остановился, обернулся и вопросительно на меня посмотрел. В иной раз я бы сумела себя перебороть и, молча покачав головой, позволить ему уйти. Но липкий страх, противной паутиной разросшийся внутри, вынудил гордость замолкнуть и подтолкнул к такому шагу, на какой при других обстоятельствах я бы не решилась точно.

— Ты не мог бы... ненадолго задержаться? — облизав пересохшие губы, спросила я и тут же отвела глаза.

Честное слово, просить о чем-то Флинта — последнее, чего я могла от себя ожидать. Тем более просить посидеть со мной среди ночи. Но тот страх, что продолжал отравлять кровь, был больше, чем просто эмоции. Я находилась в полнейшем смятении, и перспектива снова остаться

одной наводила откровенный ужас. Умом понимала, что Лайар не вернется, во всяком случае сегодня, но бешено колотящееся сердце упорно не желало принимать доводы разума.

— Должен признать, за короткий промежуток времени ты сумела меня удивить уже во второй раз, — произнес Флинт, скользнув по мне озадаченным взглядом.

Кажется, он тоже прекрасно сознавал, что в здравом уме я ни за что не озвучила бы такую просьбу. А раз все-таки озвучила, значит, со мной что-то не так, и причина, по которой я изображала «лунатика», крайне серьезна.

Я смотрела в окно, хотя за ним все равно ничего не было видно, когда кровать просела под тяжестью опустившегося на нее Флинта. Некоторое время в комнате висела напряженная тишина, которую можно было черпать огромными ложками. Но даже это было гораздо лучше, чем одиночество.

— Ладно, — спустя бесконечно долгую паузу, наконец произнес Флинт. — Раз такая прелестная девушка просит меня остаться на ночь, как я могу ей отказать?

С языка едва не сорвался ехидный, в таком же тоне ответ, но я вовремя себя сдержала. Кровать была узкой, но Флинт сидел на самом краю, так что мне не составило особого труда протиснуться между ним и стеной. Укрывшись одеялом по самые глаза, я постаралась расслабиться и больше не смотреть в ту сторону, где не так давно стоял Лайар.

— Ну нет, так не пойдет. — Флинт не был бы Флинтом, продолжи он сидеть молча. — При всей моей любви к красивым девушкам в целом и к тебе, синеглазка, в частности, я немедленно уйду, если ты не расскажешь, что случилось.

Пусть его голос звучал легко и непринужденно, я сознавала, что это напускное. А на самом деле он, во-первых, всерьез хочет разобраться, что меня так испугало, и, во-вторых, действительно может уйти, если я откажусь говорить.

Решение рассказать все как есть пришло спонтанно. В конечном счете вряд ли Флинт проникнется моим страхом и, скорее всего, скажет, что приход глубинного мне просто приснился. А если в душе посчитает, что у меня едет крыша, — на здоровье, мне все равно.

— Со мной разговаривал Лайар, — ровно сказала я, уткнувшись взглядом в потолок. — Он был здесь. Я как будто спала, но сном это не было. Если назовешь меня сумасшедшей, не обижусь. Я ожидала всякого, правда. Да и сама реакция Флинта была мне безразлична, хотелось лишь, чтобы он продолжал сидеть рядом и не оставлял меня одну. В мыслях непроизвольно снова и снова всплывал образ покровителя смерти, а его низкий голос, казалось, до сих пор эхом звучал в ушах.

— Нет, сумасшедшей не назову. Как ни странно, я тебе верю.

Погрузившись в себя, я решила, что ослышалась.

— Верить? — переспросила негромко и даже оторвалась от лицецерения потолка, чтобы посмотреть на пирата.

— Да уж, — хмыкнул тот, растянув губы в кривой усмешке. — У меня давно нет оснований сомневаться в существовании глубинных. И в том, что они не брезгают изредка снисходить до простых смертных.

Что-то такое прозвучало в его голосе... что-то необъяснимое, едва уловимое. Как будто он говорил такие слова не просто, чтобы меня успокоить, а потому что твердо знал — это бывает. Знал, что глубинные действительно могут бывать в этом мире и в приходе ко мне Лайара нет ничего удивительного.

— Что ты имеешь в виду? — Я даже приподнялась на локтях, чтобы посмотреть на его лицо.

— Ничего, о чем тебе следовало бы знать, — последовал ответ, а затем пират развернулся ко мне и, выразительно изогнув бровь, заметил: — Ты и так узнала больше, чем следовало.

Именно эти слова стали последним, что я услышала от Флинта, прежде чем заснуть. Как мне удалось так быстро погрузиться в сон и даже этого не заметить — загадка, но такому повороту событий я была рада. Особенно если учесть, что возобновившийся сон был спокойным, глубоким и никакие посторонние в него не проникали.

Утро началось с приятного запаха, пробравшегося в мою комнату. Флинта на тот момент рядом уже не было, и я, быстро умывшись, спустилась вниз. В кухне меня ждала занятная компания: жарящая блинчики Яли и читающий газету теневой охотник, расслабленно восседающий на стуле. Клубы темного дыма, выглядывающие из-под его плаща, расстилались по полу и создавали ощущение, будто в комнате висит туман.

— Доброе утро, — приветствовала я, окинув взглядом обоих. — Мм, как вкусно пахнет! Яли сегодня была молчаливее обычного и в ответ пробормотала нечто угрюмо-невнятное. Молча водрузила на тарелку горячие, пышущие паром блины и так же молча поставила завтрак на стол.

— У тебя что-то случилось? — встревожилась я, точно зная, что ответ на этот вопрос положительный.

— Не беспокойтесь. — Ее улыбка была абсолютно неискренней. — Все в порядке.

Я и сама не любила, когда кто-то настойчиво и без приглашения пытался лезть ко мне в душу, поэтому допытываться ни о чем не стала.

Блинчики, в отличие от той, что их приготовила, выглядели крайне оптимистично и буквально требовали, чтобы их немедленно съели. Чувствуя немалый аппетит, я отправила в рот щедрую порцию и сразу же об этом пожалела. Соли в них было явно больше, чем требовалось. А еще присутствовал какой-то специфический странноватый привкус, показавшийся смутно знакомым.

— Они что, пахнут... морем? — не веря самой себе, удивилась я вслух.

— Рыбой, — не оборачиваясь, бросила занятая мытьем посуды Яли. — Простите, я, наверное, плохо помыла сковороду после жареной синеvodки.

Несмотря на то что блины были пересолены, я их все-таки доела. Не привыкла выбрасывать еду, да и к чужому труду давно научилась относиться с уважением. Покончив с завтраком, придвинула к себе чай и, сделав несколько глотков, задумчиво посмотрела на Яли поверх кружки.

Нет, и все-таки она сегодня странная...

Будь у меня больше времени и меньше других забот, я бы, скорее всего, не удержалась и постаралась выяснить, что она скрывает. Ну а в том, что действительно скрывает, можно даже не сомневаться. Интересно, а госпожа Герра посвящена в ее секреты? Вероятно, да.

— Кай мне все рассказал, — неожиданно произнес теневой охотник, нарушив течение моих мыслей, — о глубинном покровителе смерти.

У раковины раздался громкий стук — Яли слишком резко задвинула ящик со столовыми приборами.

— Как вы себя чувствуете? — не обратив на звук никакого внимания, спросил Шатх. — Магия ведет себя как обычно?

Прислушавшись к себе, ничего странного я не ощутила, — ни изменений, ни прилива сил, ни даже желания что-нибудь разнести или отправить кого-нибудь на тот свет. О чем и сообщила.

— Вы тоже мне верите? — стараясь не слишком показывать волнение, уточнила я. — Не считаете, что Лайар мне просто приснился?

— Я — последователь Нагхара, тот, в ком находится частица его первозданной магии. — Показалось, что в обычно бесстрастном голосе прозвучала легкая улыбка. — Кому, как не мне, верить, что столпы Глубины временами снисходят даже до простых смертных? А вы, Фрида, далеко не простая.

Он говорил почти то же самое, что и Флинт минувшей ночью. Удивительно, но от поддержки этих двоих мне и впрямь стало легче. Все же с утра, на свежую голову я могла и усомниться в реальности разговора с Лайаром.

— И все-таки это поразительно. — Я больше не сдерживала желания это обсудить. — Почему он пришел? Я спросила об этом, а он сказал, что хотел на меня посмотреть... а потом, — задумалась, припоминая. — Потом, прежде чем исчезнуть, добавил, что Глубины во мне больше, чем Поднебесья, и однажды я это пойму.

На этот раз вместо громкого стука раздался звон. Обернувшись, я увидела Яли, поднимающую упавшую тарелку, которая не разбилась лишь чудом.

Теперь я забеспокоилась по-настоящему:

— Может, тебе стоит отдохнуть? Ты такая бледная... Иди домой, Яли. Я прекрасно справлюсь с уборкой сама.

Та неопределенно повела плечами и, сняв фартук, молча двинулась к выходу. Это было так на нее не похоже, что я даже немного растерялась. Нет, меня радовало, что она хотя бы раз послушалась и, не став спорить, решила передохнуть, но ее молчаливая покорность, как и состояние в целом, не могло не тревожить.

— Сегодня проведем урок вне дома, — снова привлек мое внимание Шатх. — Нужно узнать наверняка, не повлияла ли встреча с Лайаром на вашу магию.

— Вне дома? — переключившись на него, переспросила я. — Разве это не опасно, когда весь остров патрулирует столько стражей?

— У них этим утром предостаточно других забот, — ровно сообщил теневой охотник. — Море беспокойно из-за буйства диких русалок. Их не видели здесь со времен перламутровой лихорадки, но, вероятно, близость осколка тянет их в эти воды. Несколько стай бесчинствует в непосредственной близости от острова, они уже успели перевернуть с десяток рыбацких лодок, а некоторых стражей утянуть на дно.

Вот только этого сейчас не хватало! Мало было потерянных душ... Хотя, как бы цинично это ни звучало, устроенный русалками беспредел в некотором смысле действительно был мне на руку.

Когда Шатх говорил, что урок пройдет вне дома, я предполагала, что мы снова отправимся в лес, и уж точно никак не ожидала, что вместо этого окажусь в непосредственной близости от полуразрушенного храма Лайара. Стычка со жрецом произошла не так давно, так что ассоциации это место навевало, мягко говоря, неприятные, а ночной визит покровителя смерти их только усугублял.

В этот малопривлекательный, дышащий темной магией район мы перенеслись благодаря тени. Но даже не идя по улицам, я могла с уверенностью сказать, что сейчас они пустынные. Со слов Шатха, некоторые стражи все еще патрулировали город, но их осталось значительно меньше, чем прежде, — основные силы были брошены к берегу. Даже у храма Лайара, где, насколько мне было известно, с недавних пор выставляли часовых, никого не наблюдалось... Вернее, так мне показалось вначале.

Вскоре пара стражей все-таки обнаружилась. Двое одетых в одинаковую форму мужчин, не шевелясь, лежали на земле. Складывалось впечатление, что они просто легли и заснули прямо на снегу, но внутреннее ощущение, которое я уже более или менее могла контролировать, подсказало, что эти двое мертвы.

— Ваших рук дело? — глухо спросила я, скомкав пальцами ткань плаща.

Я почти привыкла видеть смерть, ощущать ее, даже осязать. Но одно дело — убитые ши и совсем другое — люди. Этого принять я уже не могла.

— Нет, — недогнувшим голосом ответил теневой охотник. — Пару часов назад сюда приходили жрецы.

Полного облегчения я не испытала хотя бы потому, что не знала наверняка, сказал он правду или же соврал, чтобы меня успокоить. Как бы то ни было, «поднимать» свежие человеческие трупы мне совершенно не улыбалось, и ни за какие сокровища мира я бы не согласилась сейчас это сделать. Да лучше армию из скелетов еще раз создать!

— Близко знакомиться с ними вам не придется, — словно прочитав мои мысли, произнес Шатх. — Мы идем внутрь.

И, не дожидаясь моей реакции, двинулся ко входу в храм.

Это охотник сейчас предпринял попытку пошутить или мне показалось?

Передернув плечами, я пошла следом. С прошлого моего визита тут ничего не изменилось, за исключением моих собственных ощущений. Как и прежде, здешняя атмосфера угнетала, но теперь в ее мрачности мне виделось что-то близкое. Если раньше некромантию я воспринимала как знакомую, но ненавистную силу, то сейчас ненависть как таковая отсутствовала. Напротив, в этих стенах ко мне пришло спокойствие сродни тому, что я испытывала ночью. Какая-то часть меня даже радовалась, находясь здесь, как бы ни хотелось этого признавать.

Два постамента, на одном из которых некоторое время назад Флинт нашел накапливающий магию камень, все так же возвышались среди зала. Только сейчас черной ткани на них не было, и холодную серую поверхность укрывал лишь мелкий, случайно залетевший сюда снег.

Подошедший к постаментам теневой охотник как нельзя лучше вписывался в интерьер зала. Особенно гармонично смотрелся сопровождающий его дым, стелющийся по гладко отполированному, практически зеркальному полу.

Когда я приблизилась, Шатх протянул мне небольшой нож, и сразу стало понятно, что мне вновь потребуется проливать кровь. Нет, ну что за жизнь? Угораздило же мою нерадивую мамочку связаться именно с некромантом... В который раз искренне и всей душой я пожалела,

что она не закутила роман с каким-нибудь альвом, безусловно, он подошел бы ей гораздо больше!

Боль пронзила ладонь, и алые капли упали на крышку постамента. Я смотрела на них и замечала, как растягивается время, как медленно они совершают полет и, горячие, с глухим стуком ударяются о холодный камень. Как после тишина становится абсолютной, и ползет по полу сквозняк.

Шатху не требовалось ничего говорить, я и так поняла, что требуется сделать. Повинуясь необъяснимому, живущему внутри инстинкту, чуть подалась вперед и медленно приложила кровоточащую ладонь к гладкому камню.

Неземной холод моментально пронзил тело, наполнил каждую клеточку и перехватил дыхание. Я подумала, что сейчас умру, прежде чем перед глазами начали с невероятной скоростью пронеситься неясные вспышки. Картины, сменяющие друг друга так быстро, что закружилась голова. Меня будто затягивало в стремительный, набирающий обороты водоворот, выхода из которого в настоящий момент не существовало.

ГЛАВА 16

Огромные волны накатывали одна на одну, шипели и сталкивались в грандиозной схватке. Корабль с рваными черными парусами швыряло на них, точно беспомощную щепку, как и другой — с парусами белыми и выгравированной надписью: «Летящий». Над скалами в форме черепа висела полная луна — яркая и белая, как те же паруса, но всего одна.

Доля секунды — и картина меняется, переноса меня внутрь грота. На стене появляется длинная вертикальная трещина, и открывается вход в скрытую пещеру, в которой царит темнота. Затем ее сменяет тусклый свет.

Я смотрю на высокий постамент... нет, странной формы алтарь, на котором сияет кристалл, похожий на восьмиконечную хризантему. Вокруг проступают какие-то силуэты, спустя короткий миг становятся различимы очертания молодых девушек... Ундин, расколовших созданный Нагхаром артефакт.

А потом я вижу себя. И лицо Флинта, на котором играет лишенная иронии усмешка — грустная и как будто застывшая, — а он сам медленно скрывается под толщей темной воды. Меня удерживают сильные руки, и я знаю, что они принадлежат адмиралу Рею, — холодные и нечеловеческие, покрытые темной чешуей.

Последняя картина — переворачивающаяся, несколько раз ударяющаяся о камни и отскакивающая от них золотая монетка, срывающаяся в разверзшейся черной бездне...

Придя в себя, я обнаружила, что сижу на полу и прижимаю к себе перевязанную лоскутком серой ткани руку. Шатх стоял позади и касался моих плеч не то в попытке придержать, не то просто напоминая, что я здесь не одна.

— Что вы видели? — В его тоне за обычной отстраненностью мне почудилось сдерживаемое нетерпение. — Свою магию? Кристалл?

— Море, — не задумываясь ни на миг, ответила ему. — Я просто стояла у штормового моря...

Мне явно не поверили:

— Просто стояли?

Выдохнув и собравшись с силами, я сделала попытку подняться, но ноги оказались ватными, и у меня ничего не вышло бы, не окажи охотник помощь. Чуть пошатываясь, я добрела до ближайшей колонны, прислонилась к ней спиной и соврала:

— Я управляла полчищем поднятой со дна нежити. Большим, чем то, что мне удалось поднять у грота на самом деле.

— Значит, грот? — зацепившись за неосторожное слово, переспросил Шатх. — Вы видели его?

— Нет, говорю же — я просто стояла на берегу моря.

Спроси меня кто-нибудь, почему я решила солгать, внятного ответа у меня не нашлось бы. Просто слишком странными, изматывающими и ужасающе реалистичными оказались картины, которые я видела.

Лишь немного позднее, придя в себя и поразмыслив над увиденным, я поняла, что видела и прошлое, и будущее. Прошлое — момент уничтожения кристалла душ в пещере. Будущее — пиратское судно и корабль ловцов, стоящие у грота, и бесчувственный, идущий ко дну Флинт. Я схожу с ума от разрывающей тело физической и душевной боли, а морской демон Эртан Рей не позволяет мне вырваться. Но самое главное, что из всего этого следовало: скрытая магией Нагхара пещера, располагающаяся в гроте, — и есть то место, которое мы все так долго искали. Место, где некогда был создан, а затем уничтожен кристалл душ. Место, где его попытаются собрать вновь.

Ранее мы думали, что кристалл был создан в тех водах, где затонул призрачный оркестр. После, когда оказалось, что это не так, я больше не участвовала в поисках и не пыталась размышлять на эту тему. Поэтому сейчас могла только предполагать, догадываются ли о свойствах грота Флинт, Эртан, принцесса Калиста и прочие, так или иначе имеющие отношение к осколкам. Впрочем, Флинт сам высказывал предположение на эту тему.

Как бы то ни было, одно я знала точно: ни Флинт, ни Шатх от меня о гроте, где был создан кристалл душ, не узнают. Эту информацию я сообщу только адмиралу Рею, встреча с которым — хочется верить — вскоре состоится.

В храме мы не задержались, и остаток дня я была предоставлена самой себе. Никакого урока не последовало, так как, по словам охотника, меня слишком вымотал контакт с храмом Лайара. Вообще моя темная магия за последние дни заметно присмирела, и я научилась в полной мере если не управлять ею, то, по крайней мере, ее чувствовать. Все же занятия приносили свои плоды, и было очевидно, что совсем скоро некромантия подчинится мне полностью, перестав жаждать кого-то убить.

Что будет после этого, я представляла смутно. Изначально мы с Эртаном планировали, что я вернусь в Морской корпус, но теперь над такими планами висел большой и жирный вопросительный знак. Учитывая сложившиеся обстоятельства и поведение короля, вряд ли мне дадут безмятежно жить и нести службу ловца.

В кои-то веки вечер прошел спокойно, как и последующая ночь. Даже утро выдалось скупым на события, к которым я уже привыкла настолько, что почти полностью утратила способность удивляться. Самым странным было, проснувшись, обнаружить, что в доме, кроме меня, никого нет. Дымок — и тот, когда я его позвала, материализоваться даже не подумал. Ни Яли, ни теневого охотника, ни Флинта, которого я вообще не видела целые сутки, — ни-ко-го.

Это было до того непривычно, что настораживало. Как показывала практика, все затишья, какие случаются в моей жизни, в итоге оказываются затишьями перед большими бурями.

Завтракала я в полнейшем одиночестве. Затем, чтобы чем-то себя занять, взяла с книжной полки «Старый маяк» и, усевшись в кресло, принялась за чтение. Удивительно все-таки — сколько бы ни читала, а всякий раз открываю в уже практически дословно знакомом тексте что-то новое. Поразительный автор — Вайр Оттер...

Когда время приблизилось к обеду, а в доме никто так и не появился, я забеспокоилась всерьез. Возможно, разумнее было бы оставаться здесь и ждать, но дольше бездействовать мне все же не хотелось.

Накинув плащ и спрятав лицо в тени неизменного глубокого капюшона, я приоткрыла входную дверь и осторожно выглянула на улицу. Погода стояла премерзкая — еще не выйдя из дома, захотела запереться в нем и никуда не ходить. Снег стремительно таял, в воздухе висела неприятная морось, а небо было таким серым, что вполне симпатичные домики на его фоне казались промокшими безликими развалюхами. Улица была пустынна, и я, убедившись в том, что поблизости в самом деле никого нет, выскользнула на крыльцо и быстрым шагом направилась к дому госпожи Герры.

Неладное я заподозрила в тот момент, когда заметила, что входная дверь в нем не закрыта.

Госпожа Герра отличалась осторожностью и всегда запиралась, так что слегка поскрипывающая на ветру дверь определенно не сулила ничего хорошего.

Я почти дошла до калитки, когда что-то заставило меня остановиться. И это что-то являлось предостережением внезапно проснувшейся интуиции. Замерев, я еще раз осмотрелась по сторонам, но так никого и не увидела. И все же отчего-то медлила, не решаясь сделать еще один шаг.

Поддавшись мимолетной мысли, я сделала то, чего не делала уже давно: воспользовалась магией ундин. Воды кругом было предостаточно, и мне не составило труда собрать воду из ближайшей лужи в небольшой упругий шарик, чтобы затем отправить его вперед... Секунда. Всего лишь секунда — и передо мной взметнулось голубое пламя, в следующий миг плотным кольцом охватившее созданный мною шар.

Я еще понять ничего не успела, а в голове уже звучала мысль: «Беги!»

В тот момент я даже не могла определить, принадлежала она мне или же в моем сознании звучал чей-то голос. Поднебесная Ариера словно замедлила время, и мне казалось, что я поворачиваю слишком медленно. Так же медленно перебираю ногами, поскользываясь на мокрой дороге, и, едва не упав, бегу в сторону леса. Я не знала, почему не побежала домой, просто, кроме «беги!», никаких мыслей не осталось. Только инстинкты и глубинный, растекшийся по венам страх.

Путь до раскинувшегося перед лесом поля казался бесконечным, и мне все думалось, что, если я замедлю бег хоть на миг, меня непременно настигнут. Кто — неизвестно. Это походило на настоящее сумасшествие, и сейчас я бы отдала очень многое, чтобы происходящее оказалось лишь взыгравшей во мне паранойей.

Но топот и крики с призывом остановиться были самыми что ни на есть реальными! Я не уловила момента, когда они раздались за моей спиной. Ноги вязли в мерзкой грязно-снежной каше, которой было покрыто поле, дыхание сбивалось, и я мысленно поминала добрым словом капитана Вагхана, не жалеющего кадетов на тренировках.

На полпути к лесу я вдруг заметила слева от себя какое-то движение. Сразу подумалось, что кто-то меня догнал, но некая неведомая сила — быть может, все та же интуиция — подтолкнула меня навстречу неизвестному. Я и опомниться не успела, как меня взяли за руку, потянули на себя, и картина мира поблекла.

Уже в следующий миг окружение изменилось, и я оказалась стоящей на берегу штормового моря. Оно расстиралось передо мной, смотрящей на него с высоты обрыва, точно бескрайнее темно-синее полотно, расшитое шипящей белой пеной. Вода ходила ходуном, и не из-за сильных волн, — скорее это сами волны были вызваны множеством диких, будто сошедших с ума русалок. Они выпрыгивали из воды, как дельфины, хаотично носились из стороны в сторону и ловко уходили от расставленных магических сетей, в которые их пытались поймать возглавляемые не самыми сильными магами стражи. Затянутое тучами небо походило на грозное, готовое вот-вот разразиться потоком воды, которая затем смешается с водами Сумеречного моря.

Все это я отметила буквально за несколько мгновений, после чего растерянность сменилась собранностью, подтолкнувшей резко обернуться. Ожидая увидеть того, кто привел меня сюда, я не ошиблась. Скрытая плащом фигура действительно стояла за моей спиной.

Захотелось нервно расхохотаться — великое Поднебесье, сколько еще в моей жизни будет таких вот плащей с эффектно откидываемыми капюшонами?

— У нас мало времени, — подойдя ближе и остановившись на расстоянии вытянутой руки, произнесла Яли. — Поэтому просто послушайте, что я вам скажу.

Выполнить ее просьбу было крайне непросто, если не сказать — невозможно.

— Что происходит?! — разволновавшись, я не могла смолчать.

— Именно это я и объясню, если вы проявите немного терпения, — спокойно ответили мне. — Госпожу Герру взяли под стражу за пособничество пиратам и связь с контрабандистами. Хотя эти обвинения справедливы, пока доказательств собрано немного. Следовательно отпустил бы ее, не будь он уверен, что госпожа Герра также укрывает и вас. Оставаться на Сумеречной Жемчужине дольше небезопасно. Но выход есть.

Я окончательно перестала что-либо понимать, а самое главное — решительно не могла уразуметь, почему обо всем этом мне рассказывает помощница госпожи Герры и куда подевался Флинт.

— Он сейчас занят, — словно прочитала мои мысли Яли, и краешек ее губ слегка приподнялся. — Фрида, послушайте. Вы уже сделали достаточно для того, чтобы подчинить темную магию. Продолжать оставаться здесь с пиратом бессмысленно. Есть способ переломить ситуацию, через несколько дней появится возможность встретиться с адмиралом Реем. Я знаю, как вам помочь.

— Да кто ты вообще такая? — Я непроизвольно отступила на шаг назад.

— Не убегай, Фрида. — Ее голос неуловимо изменился, приобретя бархатистые, пробирающие насквозь нотки. — Я действительно хочу помочь и желаю тебе только блага. Просто прислушайся ко мне и поймешь, что я не лгу.

Я не знала, что случилось в тот момент. Как не знала, что случилось несколько минут назад, когда я, будто повинуюсь необъяснимому зову, позволила ей взять меня за руку. Какое-то неизведанное, глубокое как море чувство, живущее в моей душе, откликнулось на ее слова, прониклось ими. Впитало их, как сухая почва впитывает вожаделенные капли дождя. Мне не было понятно, кто она и почему так поступает. Не было известно, кто за ней стоит и что меня ожидает в случае, если я соглашусь покинуть этот остров.

Но в одном я испытывала абсолютную уверенность: она действительно мне не врала.

— Ты как-то связана с адмиралом? — предположила я. — Это он все устроил?

— Нет, — снова не стала врать Яли. — Но вы действительно вскоре сможете увидеться.

Обещаю.

Мне представился выбор: остаться, полагаясь неведомо на что, или уйти с Яли — тоже неведомо куда. И решать требовалось немедленно.

Я словно разделилась на две половины, одна из которых хотела немедленно бежать, а вторая жаждала довериться этой странной девушке. Логика и здравый смысл были категорически против любого из предложенных вариантов, поэтому часу весов склонилась интуиция, зову которой я уже почти научилась доверять.

— Если я сейчас не соглашусь с тобой пойти, — произнесла, не сводя с нее настороженного взгляда, — меня заставят?

Взгляд она не отвела и ответила все с тем же спокойствием:

— Нет. Это должно быть твое решение, я не имею права на него влиять.

— И куда я попаду? — Настороженность, приправленная одурманенным от происходящего здравым смыслом, и не думала меня покидать.

— Во дворец. — На лице Яли не отражалось ни единой эмоции, но ее обычно тусклые глаза блестели. — Но не тот, где правят черные саламандры. Ты достаточно погрузилась в глубинный мрак... Разве тебе самой не хочется снова окунуться в поднебесный свет?

Она говорила такие странные и непостижимые вещи, что в другой момент я бы сочла, что эта девушка не в себе. Но вместо этого я всем своим существом ощущала, что она точно знает, о чем говорит. Когда-то я уже предполагала, что она может быть жрицей кого-нибудь из поднебесных, и сейчас почти уверилась в этой мысли.

Внизу неистовствовало море, до нас доносились крики русалок, небо все же разразилось мокрым снегом, и тяжелые хлопья витали между нами — двумя темными фигурами, стоящими практически на самом краю обрыва. По коже проносились волны дрожи, способные превзойти те, что пенились внизу, в голове все смешалось.

На короткий миг оторвавшись от Яли, я рассеянно посмотрела ей за спину, да так и замерла.

Совсем неподалеку от нас, наполовину скрытый серой дымкой, возвышался... маяк. Старый и, судя по отсутствию света в такую непогоду, нерабочий. Точно такой же, каким я его представляла, читая свою любимую книгу, вышедшую из-под пера Вайра Оттера...

Я смотрела на него, точно замороженная, пока меня не вернули к реальности донесшиеся до обрыва голоса. На этот раз они были мужскими, принадлежащими явно не русалкам, и звучали совсем близко... К нам приближался патруль.

— Фрида, — напомнила о своем присутствии Яли и, поймав мой взгляд, спросила: — Ты готова пойти со мной?

Пойти означало очень сильно рискнуть. Остаться — попасть в лапы стражей. В моих силах было воспользоваться темной магией, разделаться с ними и сбежать, но я отдавала себе отчет, что не смогу этого сделать. А даже если бы смогла — куда деваться потом? Где сейчас Флинт, неизвестно. Он бы ни за что меня не бросил, как и Шатх, значит, случилось что-то серьезное. А самой с острова, где творится полный хаос, мне все равно не выбраться. Эртан сюда попасть не может, а Яли обещает, что вскоре мы с ним встретимся.

Вот только единственное, что настойчиво заставляет меня ей верить, — это обострившееся до предела шестое чувство. Логика же указывает на то, что Яли вполне может искусно врать и оказаться подосланной кем угодно — хоть принцессой Калистой, хоть принцем Дэреном, хоть самим королем.

И все же...

— Похоже, мой выбор становится очевидным, — подобно капитану пиратов скрывая за умишкой истинные чувства, ответила я. — Надеюсь, жалеть мне не придется. Сделав шаг вперед, я взялась за вновь протянутую мне руку.

В просторном зале было тихо и светло. Казалось, свет здесь был повсюду. Он словно висел в чистом воздухе невесомой дымкой, сквозь которую виднелись высокий сводчатый потолок, глянцево-белоснежный пол и изящные, тянущиеся справа от меня колонны, заменяющие стену.

Переход произошел незаметно. Я морально настраивалась на не самый лучший исход и оказалась дезориентирована. Яли рядом со мной уже не было. Как не было вообще ни души в этом зале, где к тому же отсутствовала всякая мебель. Это просторное помещение было абсолютно пустым, заполненным лишь светом.

Некоторое время простояв на месте, я нерешительно двинулась к колоннам. Подойдя к одной из них, обхватила ее руками, чтобы удержаться на ногах от выбившего из колеи зрелища.

Я в буквальном смысле находилась среди скал. Зал был выбит прямо в них, высоко над землей. По обеим сторонам, насколько хватало взгляда, тянулись заснеженные горы, в то время как впереди, внизу простиралась такая же заснеженная, утопающая в белой мгле долина. Здесь, на высоте, лазурное небо казалось невероятно близким, его освещало полуденное солнце, лучи которого путались в той же мгле и не доходили до земли.

К своему стыду, я была не очень сильна в географии, но здешние виды все же узнала. Да и как не узнать места, о которых столько рассказывали многие из моих сослуживцев?

Я оказалась в Сизых долинах — землях, испокон веков принадлежащих альвам. Они занимали примерно четверть всего Объединенного Двулунного королевства, граничили на севере с Сумеречным морем и представляли собой небольшие, сосредоточенные вокруг клановых замков поселения, разделенные горами.

Первой, о ком я подумала, когда пришла к выводу, что действительно очутилась на землях альвов, была Сильвия. Она ведь тоже находилась в доме госпожи Герры! Или все-таки нет?

По крайней мере, у Сильвии Уилград имелись влиятельный отец — глава клана и многочисленная родня. Кроме того, ей была открыта обратная дорога в Морской корпус. У меня же сейчас не имелось ничего и никого, за исключением неизвестности и надежды, что все еще образуется.

Я стояла, глядя на чистое лазурное небо и глубоко вдыхая морозный горный воздух. Здесь было поистине прекрасно, и от представшей взгляду красоты захватывало дух. Кажется, за всю свою жизнь я не видела столько света и чистого неба сразу. Проводя долгие годы в Сумеречье — любимом, но извечно окутанном сумерками месте, я существовала как не видящий света крот. Теперь стала понятна хотя бы часть слов Яли: вот что она имела в виду, говоря, что я достаточно погрузилась в Глубину и настала пора увидеть Поднебесье. Удивительно, но мне в самом деле казалось, что я стою где-то в Поднебесье... над всем двулунным миром.

Оторвавшись от колонны и потеряв гудящие виски в тщетной попытке привести в порядок мысли, я развернулась, собираясь отправиться на поиски неизвестно кого, когда в другом конце зала раздались прорезавшие тишину шаги. На зрение я не жаловалась, но все же подумала, что ошиблась, и, поморгав, качнула головой.

Приближающаяся ко мне девушка не исчезла. И ошибки быть не могло — зал пересекала не кто-нибудь, а ее высочество принцесса Линария.

Я опешила, но сделала все возможное, чтобы ничем не выдать охватившего меня смутения. Как и все члены королевской семьи, она отличалась необычайной красотой, но вместе с тем совершенно не походила на своих родственников. Ее белоснежные, едва достающие до плеч волосы были распущены, на голове вместо диадемы виднелся серебристый, инкрустированный голубыми камнями ободок. Свободное, достающее до щиколоток платье скрывало очертания хрупкой фигуры и создавало воздушный, практически нереальный образ. Но самым удивительным в принцессе оказались глаза — большие и ясно-голубые, обрамленные светлыми, будто покрытыми инеем ресницами, они одновременно смотрели и рассеянно, и словно заглядывали в самую душу.

Прежде мне доводилось видеть ее только издали, но вблизи она производила куда более сильное впечатление.

Каким бы ни было мое нынешнее состояние, рефлекс сработал исправно, и я даже не заметила, как опустила в реверансе.

— Лишнее это, — остановившись и слегка склонив голову набок, произнесла Линария. — Здесь ты в безопасности. Моя резиденция в твоём распоряжении, можешь ходить где хочешь. Если что-то понадобится, обращай к Айрону.

Сосредоточенная на принцессе, я только теперь заметила стоящего за ее спиной мужчину. Воина, чье лицо обезобразило несколько глубоких шрамов. Один из нанесенных ударов лишил его левого глаза. Воин явно был альвом, но отличался от собратьев крупным, не свойственным этой расе телосложением.

— Простите, — едва сдерживая волнение, произнесла я. — Но, боюсь, я не совсем понимаю, что происходит. Не сочтите за дерзость, но вы не могли бы объяснить, почему я имею честь пользоваться вашим гостеприимством?

Казалось, принцесса смотрела на меня широко распахнутыми глазами бесконечно долго, прежде чем произнесла короткое:

— Я — сильф.

Сказано было таким тоном, словно это действительно все объясняло. Нет, я всегда знала, что странной и чужаковой принцессу Линарию считают не зря, но все равно надеялась услышать более вразумительный ответ.

— Вы не выдадите меня королю?

Спрашивать о таком было откровенно страшно, но еще хуже было находиться в неведении и теряться в догадках.

— Нет.

Должно быть, ее странность оказалась заразительна, поскольку очередной короткий ответ меня несколько успокоил.

На этом наш разговор был окончен, и принцесса потеряла ко мне всякий интерес. Встав между двумя колоннами, практически на самый край, она обратила ничего не выражающий взгляд на горизонт, и через несколько мгновений к ней, рассекая облака, устремился показавшийся вдалеке белоснежный пегас. Когда копыта дивного создания опустились на пол зала, я приглушенно ахнула. Поднебесные, до чего же он был красивым...

Этого пегаса, как и его хозяйку, я видела лишь однажды, да и то — издалека. За исключением цвета, от своих черных собратьев он отличался более длинной гривой и лиловыми глазами, а также отсутствием седла, какое традиционно одевали на всех летунов перед полетами. Стоя рядом с ним, я ощущала умиротворение и покой, исходящий от него легкими невидимыми волнами. Так и хотелось протянуть руку, коснуться шелковистой гривы, обхватить руками изящную шею, прижаться к ней... но позволить себе такую вольность я, разумеется, не могла. Хотя в какой-то момент почти поддаюсь слабости, сделала короткий шажок вперед, но опомнилась благодаря возмущенному фырканию. Взгляд лиловых глаз обратился ко мне, и ощущение умиротворенности мгновенно исчезло. Вместо него я почувствовала острое, исходящее от пегаса неприятие и что-то, напоминающее... презрение.

Белый пегас — истинное создание Поднебесья, никогда не позволит коснуться себя той, в ком живет темная магия.

Так больно мне не было уже давно. Казалось бы, такая мелочь. Но она ранила неожиданно глубоко, заставила почувствовать себя плохой, неправильной, будто бы запачкавшей руки несмываемой грязью.

Пока я боролась с неожиданно подступившими к глазам слезами, принцесса Линария ловко взобралась пегасу на спину. Пригнулась, обхватив руками его шею, — так, как хотелось мне, — и раскрывшиеся белые крылья разрезали воздух.

Я еще долго смотрела, как прекрасный белый силуэт рассекает небо, уменьшается, а затем теряется среди облаков. К этому времени о присутствии Айрона было позабыто, поэтому, обернувшись и наткнувшись на эту неподвижную скалу, я произвольно вздрогнула. Вид альв имел угрюмый, но мне уже не раз приходилось убеждаться, что внешность часто бывает обманчива.

Я попросила его показать мне резиденцию, и он молча двинулся к той двери, через которую они с принцессой вошли в зал. За ней оказался светлый коридор с такими же сводчатыми потолками, пройдя по которому мы вышли в галерею. Затем — снова длинный коридор, подъем по лестнице и пара проходных залов. Что примечательно, мебели в помещениях либо не было

совсем, либо она присутствовала минимально. Зато часто встречались мраморные скульптуры и картины, на которых преимущественно изображалось небо. Все в этой резиденции, в этом миниатюрном, сросшемся со скалой замке, дышало легкостью и воздушностью, свойственной всем сильфам.

Такой же оказалась и выделенная мне комната. Я уже сбилась со счета, сколько раз за последние недели сменила место жительства, но теперь все было по-другому. Все, что у меня имелось из вещей, — то, в чем я вышла из дома Флинта. Но это не волновало ничуть. Все мысли и переживания сосредоточились на положении, в котором я очутилась.

Когда Айрон ушел, мне не осталось ничего другого, кроме как выйти на примыкающий к комнате балкон, остудить голову морозным воздухом и постараться привести в порядок мысли. Даже не верилось, что еще пару часов назад я мирно завтракала, находясь на Сумеречной Жемчужине.

Вот тебе, Фрида, и затишье перед бурей...

Все произошло настолько спонтанно, что полностью пришла в себя я только сейчас. Осознала, что в самом деле нахожусь не просто в Сизых долинах, но еще и в резиденции принцессы Линарии, которая всегда себе на уме, и чего от нее ожидать — совершенно непонятно. Как непонятно и то, почему она мне помогает... и помогает ли?

А Яли? Выходит, она все это время находилась рядом со мной по распоряжению Линарии? Но неужели принцесса Калиста, всегда осведомленная обо всем, что происходит, не знает, что ее сестра ведет свою собственную игру?

Меня точно окружала паутина, в которой я запутывалась все больше и больше. Мне не хотелось полагаться на волю судьбы и уж тем более зависеть от членов королевской семьи, но сейчас поделаться с обстоятельствами я ничего не могла. И, несмотря ни на что, о решении довериться Яли не жалела. В конце концов, не отправься сюда, где бы я сейчас была?

На душе стало тяжело.

Я ослабила шарф, почти полностью его размотала, и два длинных красных конца подхватил северный ветер, уподобив их языкам алого пламени. Они, как и я, казались чужими в этом белоснежном царстве.

Великое Поднебесье, есть ли место в этом мире, где я не буду чужой? Есть ли место, где мне будет позволено быть собой, не прятаться, не убегать, не чувствовать себя так, словно виновата во всех бедах Вселенной?

Достав из кармашка платья небольшой и изрядно помятый листок бумаги, я пробежалась глазами по написанным на нем строчкам. Затем еще раз. И еще. Поднесла листок к губам, прикрыла глаза, воскресила в памяти образ того, кто написал эту короткую записку, и ощутила, как в груди стало немного теплее...

ГЛАВА 17

Вечером я отправилась самостоятельно исследовать резиденцию. Она была не слишком большой, расположение комнат я запомнила, а помимо этого отметила, что здесь есть еще один коридор, который Айрон мне не показал.

Я надеялась отыскать какие-нибудь подсказки, способные пролить свет на мое здесь пребывание. Все же чувствовать себя слепым котенком было, мягко говоря, некомфортно и хотелось хотя бы приблизительно понимать, чего ожидать.

Айрон заходил ко мне днем, чтобы принести поднос с обедом, и больше я его не видела. Вообще сложилось впечатление, что, кроме нас двоих, здесь никого нет. Учитывая замкнутость и своеобразность принцессы Линарии, скорее всего, так оно и было. Тем более если она хотела сохранить мое пребывание здесь в тайне.

Насколько мне было известно, у принцессы Линарии, в отличие от сестер и брата, было не так много личных резиденций. Всего две, если верить прессе. Притом никакая газета или журнал никогда не публиковали информацию о том, что одна из них находится в Сизых долинах. Во всех коридорах и залах было прохладно, поэтому, прежде чем выйти из комнаты, я накинула пальто. Каждый шаг отзывался гулким эхом, хотя я и старалась ступать как можно тише.

Страха совершенно не было, но мне хотелось оставаться незамеченной Айроном как можно дольше.

Первым делом я, как и собиралась, направилась к тому коридору, какой альв не показал мне. С одной стороны коридор буквально вращался в скалу, а с другой имел узкие арочные окна, сквозь которые открывался вид на заснеженную долину. Он как бы соединял две части резиденции, и, идя по нему, я сознавала, что под моими ногами сейчас ничего нет. Один глянцевый пол, на котором подрагивают лучи заходящего солнца.

Я бы проделала путь гораздо быстрее, не останавливаясь периодически, чтобы полюбоваться на представляющий перед взором пейзаж.

Клянусь всем, что мне дорого, такой красоты, как здесь, я в жизни своей не видела! Меня всегда восхищали Сумеречное море — дикое и неукротимое, синие сумерки, что сгушались над островом в предрассветное время, пустынный берег, Призрачный мост, столица во всем ее потрясающем великолепии... но эта красота была темной и мрачной. Та же, что я видела сейчас, была ей противоположна. Полная света и воздушности, хрустальной легкости и покоя, она умиротворяла, пробирала до дрожи и невольных слез.

Контраст мест, в которых я побывала за один день, поражал.

Дойдя до конца коридора, я обнаружила арку, через которую беспрепятственно вошла в небольшой зал. Как и в том помещении, куда я перенеслась напрямиком из Сумеречной Жемчужины, в нем отсутствовала одна из стен, какую заменяли колонны. Ветер свободно продувал это помещение с причудливым неровным потолком и стоящим в центре аквариумом. Подойдя ближе, я обнаружила, что это аквариум, предназначенный для морских котиков. У принцессы Линарии была морская кошка Сапфира, и я предположила, что он принадлежит именно ей.

В том месте, где между колоннами оставалось наибольшее пространство, прямо на полу лежало несколько подушек разного размера. Помимо них и аквариума в зале больше ничего не было. Лишь несколькими минутами позже, внимательно осмотревшись, я обнаружила еще одну дверь, но она была заперта.

— Присаживайся, — неожиданно прозвучало позади меня. — Поужинаем.

Почему-то после того как принцесса Линария улетела, я решила, что в ближайшее время мы с ней не увидимся. Но сейчас она — живая, настоящая и отрешенная — сидела среди подушек, неспешно поглаживая устроившегося у нее под боком морского котика.

Я оторопело стояла на одном месте еще несколько мгновений, пока не поняла, что повторять приглашение никто не собирается, а вознамерясь я уйти, задерживать не станет.

Зябко поведя плечами, я приблизилась к ее высочеству и, чуть помешкав, аккуратно присела на подушку. Между нами на полу стоял хрустальный поднос, на котором обнаружились две тарелки с какой-то крупой, ваза с фруктами, пирожные и наполненные чаем чашки.

Вот уж не думала, что когда-нибудь буду ужинать с принцессой один на один, да еще и пребывая на землях альвов!

И как только она исхитрилась прийти настолько бесшумно, что я не заметила?

Из-за всех волнений есть я не хотела, но отказаться сейчас от еды было бы невежливо. Я уже собралась приступить к ужину, когда обнаружила, что столовые приборы отсутствуют. Подняла взгляд на Линарию и не поверила своим глазам: она ела руками! Аккуратно брала разваренную крупу пальцами и отправляла в рот.

Когда первое удивление прошло, я последовала ее примеру. Вкус у крупы оказался необычным, но очень приятным: что-то среднее между рисом и фасолью, с нотками незнакомых трав.

— Это айос, — съев очередную небольшую порцию, сказала принцесса. — Его выращивают только в Сизых долинах. Для альвов это кушанье традиционно, но они ревностно хранят секрет и не продают крупу даже в столицу.

Я только кивнула в ответ и продолжила трапезу. Неловкость, возникшая из-за общества, в котором мне довелось оказаться, прошла на диво быстро. Вряд ли такое стало бы возможно с кем-нибудь другим из королевской семьи, но отрешенность принцессы Линарии, поначалу смущающая, постепенно начала успокаивать. Никогда прежде я и подумать не могла, что, находясь в обществе такой высокой особы, могу ощущать себя вполне комфортно...

Доев, принцесса вытерла руки салфеткой и принялась за десерт, жестом предложила мне сделать то же самое. Пирожное ожидаемо оказалось очень вкусным и легким.

— Давно хотела тебя увидеть, — неожиданно призналась Линария, чей взгляд сконцентрировался на мне. — Ты красивая.

Комплимент застал врасплох, и я растерянно поблагодарила:

— Спасибо...

Недолго подумав, сориентировалась и добавила:

— Но мне не сравниться с вами, ваше высочество.

— Глупости, — отмахнулась она. — Я просто Линария.

Ее манера вести разговор несколько обескураживала, временами ставила в тупик, но я постепенно начинала к этому привыкать.

Сделав глоток чая, она обхватила чашку двумя ладонями и, посмотрев мне в глаза, произнесла:

— Отец хочет твоей смерти. Я сделаю все, чтобы ты не пострадала, но и кристалл душ не должен быть собран.

Принцесса Линария снова удивила — я не ожидала, что она сама заведет разговор на эту тему.

— А принцесса Калиста? — осторожно уточнила я. — Разве вы с ней не заодно?

Вопрос был рискованный. Несмотря на все странности, моя собеседница была и оставалась дочерью короля и откровенничать со мной, отвечая на провокационные вопросы, вовсе не была обязана. Я готовилась услышать гневную тираду или по меньшей мере испытать на себе ее недовольство, но ничего подобного не произошло.

— Отец подозревает о намерении Калисты собрать осколки, — со свойственным ей отрешенным спокойствием ответила Линария. — Когда она приехала в Сумеречье, он отправил меня следом, чтобы я за ней наблюдала и обо всем докладывала ему.

Так вот с чем был связан ее тогдашний приезд! Я, как и многие, неоднократно задавалась вопросом, что принцесса Линария, которая крайне редко выходила в народ, забыла на нашем острове. По официальной версии, они вместе с сестрой следили за ситуацией в море и потерянными душами, но на деле, конечно, все оказалось совсем иначе...

— Провести Калисту не так просто, — продолжила Линария. — Она всегда была очень умной. И хитрой, хотя прекрасно умеет прятать свою истинную сущность за маской наивной красавицы. Не без помощи своих доверенных лиц она быстро поняла, с какой миссией я приехала в Сумеречье. Сказала, что теперь я буду действовать вместе с ней, а отцу докладывать ложные сведения. Я согласилась. Калиста, несмотря ни на что, единственная, кто хорошо ко мне относится. Отец с матерью меня ненавидят. Брат смотрит как на насекомое. Оксара просто не замечает. Я тоже никого из них не люблю, но раз пришлось выбирать, я решила, что поиграю на стороне Калисты. «Почему бы и нет?» — спросила я у себя. Это интересно.

У меня имелась масса определений для игры под названием «Собери кристалл душ», но «интересно» в их число абсолютно точно не входило. Тем не менее я могла понять Линарию. С самого рождения она была не такой, как все остальные, поэтому семья ее не принимала. Будучи отверженной среди собственной родни, она всегда держалась особняком, молча неся клеймо позора королевского рода. Черные саламандры — гордые, самовлюбленные, эгоистичные, истинные дети Глубины... разумеется, они не принимали сильфа.

— Почему же вы перестали играть на стороне сестры сейчас? — внимательно следя за ее реакцией, спросила я.

Линария сохранила непоколебимую невозмутимость.

— Я — сильф, — повторила она фразу, которую уже говорила днем. И спустя недолгую паузу чуть тише добавила: — Пришло время, когда это впервые стало важным.

Неотрывно глядя принцессе в глаза, я пыталась понять, что кроется за ее словами, но не могла. Она словно гипнотизировала, смотрела рассеянно, но вместе с тем глубоко, и этот странный взгляд не позволял разгадать, что кроется в мыслях его обладательницы. На какой-то момент мне показалось, что через две синих призмы на меня смотрит само Поднебесье, и по коже пробежала дрожь. Линария казалась потусторонней, нереальной, совершенно не похожей на всех, кого я знала.

— Мя-а-ау, — внезапно нарушило момент протяжное кошачье завывание.

Сапфира Раолира поочередно взирала на нас с поистине аристократичным выражением на симпатичной белоснежной мордашке. Если я не знала, чего она хочет, то Линария все поняла сразу: поднявшись, взяла на руки свою любимицу и опустила ее в тот самый, стоящий в центре помещения аквариум. Кошка тут же оживилась, сделала в воде несколько кувырков и

выпустила на поверхность множество пузырей, после чего вальяжно разлеглась на усыпанном морскими ракушками дне.

— Что будет дальше? — спросила я, не дожидаясь, пока Линария обернется.

— Этого не знают даже поднебесные, — прозвучал ее отрешенный мелодичный голос.

Мне требовалась ясность.

— Когда я покину вашу резиденцию, мне представится возможность встретиться с адмиралом Реем?

Спросила и замерла. Все же заверению Яли, что мы с ним увидимся, да еще и в скором времени, верилось с трудом.

— Нет, — ответила принцесса, и все внутри меня оборвалось. Но уже через пару коротких мгновений я вернула самообладание. Никто и не говорил, что будет легко, а мне давно следовало усвоить, что в конечном счете нужно рассчитывать только на себя. Яли солгала — ко лжи мне не привыкать. А способ встретиться с Эртаном рано или поздно я все равно найду, иначе и быть не может.

— Вы встретитесь здесь, — выдернуло меня из размышлений дополнение. — Если все получится, то завтрашним вечером.

Меня как будто подхватили морские волны, но не привычно холодные, а теплые, ласковые, приносящие невыразимую радость. Я была готова смеяться, точно ребенок, и плакать от невозможного облегчения и надежды, что это действительно получится. Но радость омрачала тревога. После всего, что я узнала о нынешнем положении дел и обстоятельствах, в которых оказался Эртан, было невозможно не тревожиться о его попытке со мной увидеться. Как он сумеет совершить переход сюда, не привлекая внимания? Ведь каждое его перемещение непременно отслеживается...

Спрашивать об этом у Линарии я не стала. Она и так сказала достаточно, и я чувствовала, что на большее могу не рассчитывать. Кроме того, совсем скоро она ушла, причем сделала это так же внезапно, как появилась. Уход ее был крайне эффектным: она вдруг подошла к самому краю зала и, не останавливаясь, шагнула в никуда.

Я даже вскрикнуть не успела. Резко поднявшись на ноги, в ужасе воззрилась на то место, где она только что стояла, чтобы в следующий момент увидеть улетающего в горизонт пегаса, уносящего на своей спине хрупкую девичью фигурку...

На всякий случай еще раз подергав ручку запертой двери, я бросила быстрый взгляд на мирно спящую в аквариуме Сапфиру и вернулась к себе. Прежде чем лечь спать, набрала полную ванную слегка теплой воды и долго лежала в ней, напитываясь живительной энергией. Я уже и забыла, каково это — пополнять собственные силы с помощью родной стихии, чувствовать ее как часть себя, позволять ей напоминать о том, что во мне течет кровь ундины. Не важно, особая эта кровь или нет, важно лишь то, что эта моя часть относится к Поднебесью и удерживает от окончательного ухода во тьму. Именно здесь, в этом небольшом, затерянном на землях альвов замке мне хотелось хотя бы на короткое время забыть о своей темной стороне. Я уже примирилась со своей темной магией, почти перестала ее ненавидеть, утвердилась в мысли, что даже ее можно использовать во благо, но сейчас и душа, и сердце отчаянно стремились к чистому лазурному небу...

По ощущениям я провела в ванной не менее часа, пребывая в легкой полудреме. Расслабилась настолько, насколько это было возможно, а затем, пребывая в том же безмятежном состоянии, создавала из воды небольшие шарики, ленты, фигурки. Было так удивительно видеть собственную магию в действии, понимать, что вода все еще мне послушна, и я способна не только управлять армией скелетов.

Вот только существовал один вызывающий смятение нюанс. Сравнивая свою силу ундины и некроманта, я осознавала, что вторая во мне побеждает. Не преобладает, а именно побеждает — мощью. Чувствовала, что как темный маг способна на большее, чем ундина или даже ловец. По правде говоря, кадетом я всегда была посредственным, держась на службе исключительно из-за упрямства и намерения ни за что не отступить.

Сделай я такое открытие еще пару недель назад — ужаснулась бы. Но сейчас по этому поводу испытывала лишь легкое сожаление, которому вскоре тоже суждено было исчезнуть. Конечно, хотелось, чтобы все сложилось несколько иначе, но свою природу не изменить. Так что остается принять себя такой, какая есть, и выбрать ту дорогу, которая принесет благо и мне, и другим.

Мой внутренний котик, каким я теперь воспринимала свою темную магию, от таких размышлений довольно шурился и мурлыкал.

Учитывая частые переезды, я научилась относительно легко адаптироваться в новых условиях, но сегодняшнее утро стало исключением. Разбуженная заглянувшими в окно солнечными лучами, я некоторое время не могла понять, где нахожусь. Комната казалась совершенно незнакомой, а заливающий ее яркий свет не вписывался в ту картину мира, которая давно стала привычной.

События вчерашнего дня всплывали в памяти постепенно, словно тоже пробуждаясь от глубокого сна. Мне хотелось зарыться под одеяло и, шурясь, понежиться в ореоле солнечного света еще немного, но мысль о том, что этим вечером, возможно, я увижу адмирала, заставила подняться.

Пока я умывалась, кто-то — вероятно, Айрон — успел принести поднос с завтраком. Это оказалась все та же крупа, какую мы с принцессой ели за ужином. Свое единственное платье я накануне постирала, так как после бега по грязи выглядело оно далеко не лучшим образом, и сейчас пришлось ждать, пока оно досохнет. Как только ткань стала влажной ровно настолько, чтобы надевать ее было не слишком противно, я покинула комнату.

Чем себя занять, совершенно не знала, но надеялась, что, бродя по залам, наткнусь если не на принцессу Линарию, то хотя бы на Айрона. Возможно, встретить Айрона было даже предпочтительнее — с ним толком поговорить я еще не пробовала. Хотелось узнать, что сейчас происходит в столице, Сумеречье, Сумеречной Жемчужине... хотя бы газету свежую почитать! Айрона я увидела совсем скоро. Он сам вышел мне навстречу и, сказав, что меня ждут, предложил следовать за ним. Сердце тут же отреагировало учащенным биением... конечно, принцесса говорила, что адмирал придет вечером, да и то не факт, но что, если у него получилось добраться сюда раньше?

Мне казалось, что Айрон идет слишком медленно. Хотелось торопить его, бежать вперед, нестись на всей скорости, на какую только способна... но я послушно держалась позади него, нервно комкая влажную ткань платья.

Мы прошли по тому же коридору, каким я накануне добиралась до отдаленного зала.

Оказавшись там, Айрон уверенно направился к двери, которая минувшим вечером была заперта, а сейчас — слегка приоткрыта. Запрещая себе радоваться раньше времени, но плохо с этим справляясь, я переступила порог комнаты следом за альвом и сразу же заметила сидящего на кровати человека.

Это был не адмирал.

В первые мгновения я застыла, не веря, что это действительно он.

Все же, что бы о себе ни думала, способности изумляться не утрачу никогда...

— Папа? — резко севшим голосом позвала я, сделав нерешительный шаг вперед.

Остановилась на короткое мгновение и, преодолев оцепенение, бросилась к нему. — Папочка! Поднебесные, как ты здесь оказался?!

Мне не ответили, но я едва ли обратила на это внимание. Не в силах сдержать заструившиеся по щекам слезы, крепко его обняла, ощущая, как тело начинает бить неконтролируемая дрожь.

После того как узнала, что отец так и не восстановился после фактической смерти, я изо всех сил старалась не поддаваться страху за него, убеждая себя, что все будет хорошо. Но сейчас, обнимая его, понимая, что он жив, испытывала такое облегчение, как если бы долгое время носила на плечах тяжелый камень, а затем в один момент от него избавилась.

— Папа... — на выдохе снова позвала я, но он остался безучастен.

Отстранившись, я опустила перед ним на колени и, взяв его руки в свои, посмотрела в глаза.

Попыталась посмотреть. Его взгляд был рассеян, отец бесцельно смотрел в одну точку и словно бы находился не здесь.

— Поднебесные, — прошептала я, чувствуя, как все внутри сковывает мертвенный ужас. — Да что же это...

Когда мне рассказывали о его состоянии, я и вообразить не могла, что все настолько плохо.

Создавалось впечатление, что передо мной сидит пустая оболочка, существующая отдельно от души. Души, которую я когда-то заставила вернуться в уже умершее тело.

— Ее высочество велела вам передать, — послышался позади голос Айрона, и через несколько мгновений мне была вручена тонкая книга.

Во второй раз за последние несколько минут я испытала изумление. Мне была знакома и эта черная обложка, и пестрящие на ней потертости, и легкий, исходящий от нее запах затхлости. Это была та самая брошюрка, которую я читала в библиотеке на Сумеречной Жемчужине! Предположив, что на фоне переживаний могу и ошибаться, я открыла ее, пролистав несколько страниц и убедилась: точно, та самая — сомнений и быть не могло!

И как это понимать?

— Откройте вторую страницу, — посоветовал Айрон. — Там найдете нечто полезное.

Я хотела было возразить, что текст на первых страницах расплылся и стал нечитаем, но, едва открыв рот, тут же его закрыла. Передо мной предстали совершенно ровные и разборчивые строки, едва начав читать которые я поняла, о чем идет речь.

Здесь описывались возможные последствия, какие влечет за собой принудительное возвращение души. Отбирая у смерти душу, нужно отдать что-то взамен. Иногда теряет сам некромант, иногда — тот, кому он помогает. Но бывает и такое, что никаких потерь не следует, а платой становится неполное слияние тела и души. Такое чаще всего случается, когда магией управляет неопытный некромант, — именно это, насколько я поняла, и произошло с отцом. У меня, тогда еще непроявленного темного мага, хватило сил, чтобы вернуть улетающую душу, но я не сумела сделать это правильно.

Теперь душа, находясь в теле, существовала как бы отдельно. Читая об этом, я ощущала, как на голове буквально шевелятся волосы. Это ведь настоящий кошмар! Глубина и Поднебесье, что я натворила...

Легче стало, когда я дошла до слов, что все обратимо. Целая страница посвящалась процессу восстановления и способу, как можно исправить совершенные ошибки. Пожалуй, впервые я по-настоящему жалела, что рядом нет Шатха, который мог бы помочь мне с этим разобраться.

Приведенные инструкции были сложными, путаными, и в них я не понимала даже половины.

— Я все исправлю, — полусшепотом сказала папе, снова взяв его за руки. — Обещаю...

Над текстом я просидела вплоть до самого вечера, не отвлекаясь ни на что. Вновь и вновь вчитываясь в ровные строки, я пыталась докопаться до сути, разобраться в них, выстроить упрощенную, доступную пониманию цепочку. Главный принцип я все-таки уловила, но вот с деталями по-прежнему было многое неясно. Единственное, в чем я была уверена, — исцеление отца требовало как минимум недели, и это в том случае, если бы за дело взялся опытный некромант.

Человеческие душа и тело во время жизни неразрывны и существуют друг с другом в полной гармонии. Душа, как тончайшая материя, словно бы пришита к телу мощными энергетическими потоками. Это как плетение кружев — точное, изящное, сложное. Когда я вернула душу обратно, то вместо кружева получился невнятный клубок нитей, некоторые из которых вообще сбились в узлы — это если говорить образно. К концу дня я добилась того, что, держа папу за руки, сумела их прочувствовать. А еще добилась тошноты и головокружения, сопровождаемого роящимися перед глазами черными точками.

— Поешьте, — велел вошедший в комнату Айрон, кивнув на уже давно остывший обед. — Если желаете, я принесу горячее.

— Не стоит, — возразила ему. — Я не голодна.

Прерываться на еду было просто непозволительно. Как я могла обедать, ужинать или вообще заниматься чем-либо другим, когда отец по моей вине находился в таком состоянии? Я не знала, сколько мне будет позволено оставаться в этой резиденции, сколько времени у меня в запасе, и намеревалась использовать каждую секунду... хотя в глубине души понимала, что это может оказаться бесполезным. Мне просто не хватит знаний и опыта, чтобы довести начатое до конца.

Ноги затекли, и я поднялась с пола, чтобы пересесть на кровать, как вдруг неожиданно для себя пошатнулась. Даже те крохотные шажки, которые я сделала, чтобы начать восстановление «кружев», отняли колоссальное количество сил.

— Если вы сейчас не выйдете на воздух и что-нибудь не съедите, я вынесу вас лично, на руках, и накормлю силой, — с убийственным спокойствием констатировал Айрон. — У меня приказ. Забавно — где бы я ни оказалась, всегда находится тот, кто угрожает силой меня накормить... Угрозу я намеревалась проигнорировать, но, когда этот массивный альв сделал шаг по направлению ко мне в очевидном намерении ее осуществить, пришлось сдаться. Бросив взгляд на папу, я тяжело вздохнула, взяла поднос с едой и вышла в зал. Там подошла к тому месту, где

вчера сидела с принцессой, опустила еду на пол, но вместо того чтобы сесть, устало прислонилась к колонне.

Вечернее небо было розоватым, невесомым, легким, как перья в крыльях пегаса. Представшая взору красота уже не потрясала, но по-прежнему успокаивала, проливалась на сердце целебным бальзамом и мягко заставляла верить в лучшее.

Когда за моей спиной раздались приглушенные шаги, я подумала, что это Айрон, недовольный моим поведением, решил еще раз напомнить о необходимости поесть. Но когда звук шагов стих, я поняла, что они принадлежали не ему.

В моей душе прозвучали первые ноты тихой мелодии. Симфония, состоящая из разнообразных чувств, отозвавшаяся вибрацией в каждой клеточке тела. Ветер подхватил эту музыку, вплет в распущенные волосы и смешал с крупинками прилетевшего снега.

Боясь поверить себе, боясь довериться чуду, я медленно, впиваясь ногтями в ладони, обернулась... И встретилась с пронизывающим взглядом до боли родных прозрачно-голубых глаз.

Он стоял на расстоянии нескольких шагов от меня — ничуть не изменившийся, сильный, недоступный и прекрасный до невозможного, мужественный и холодный. Глаза единственные в его облике выражали подлинные, живые и горячие чувства.

Симфония зазвучала со всей силой, набрала мощь и, покинув меня, разлилась по залу, замку, по всем Сизым долинам. Затопила мир, как вышедшее из берегов непокорное море...

Мы стояли не шелохнувшись. Я не могла оторваться от этих глаз, не могла перестать видеть в них отражение себя самой и своих же чувств.

Поднебесные, сколько всего они выражали! И радость встречи, и нежность, и беспокойство, и неприкрытую, сопряженную с болью вину...

Я не знала, кто из нас шагнул навстречу первым. Не задумываясь больше ни о чем, бросилась к нему, а опомнилась, только когда сильные руки заключили меня в крепкие объятия, укрыли ими, точно теплым пуховым одеялом, и вынудили пару непрошенных слез побежать по щекам...

ГЛАВА 18

— Я тебя ждала, — выдохнула в пахнувший морозной свежестью китель. — Очень...

— Прости, что не пришел раньше, — коснулось щеки долгожданное дыхание. — И за то, что все получилось именно так.

Мне не требовалось пояснения, и без того было понятно, что подразумевается под этими извинениями. Но все сейчас было таким неважным — и его обручение с принцессой Оксарой, и растянувшаяся на целую вечность невозможность встретиться, и все пережитое за бесконечно долгие несколько дней. Он был здесь, со мной, я могла касаться его, чувствовать любимый запах, слышать бархатистый голос, с головой погружаться в свою личную счастливую симфонию — вот что имело значение.

Я никогда не скучала по кому-то так отчаянно. Никогда настолько сильно не боялась кого-то потерять и уж тем более не была готова примириться с чем угодно, лишь бы находиться рядом. Только за время недолгой, но ужасно мучительной, наполненной волнениями разлуки я поняла, как много он значит для меня. Ворвавшись в мою тихую гавань, он за короткий срок перевернул ее вверх дном и показал, что истинное счастье можно отыскать только в эпицентре шторма...

Подсознательно мне было страшно его отпускать. Не хотелось размыкать рук, но он и не позволил. Лишь, чуть отстранившись, провел ладонью по моей щеке, посмотрел в глаза так, что в его взгляде можно было раствориться, а затем осторожно, будто спрашивая разрешения и ожидая, что я могу отпрянуть, коснулся поцелуем губ.

Я не следила за временем, перестала его ощущать и не могла бы точно сказать, сколько мы после простояли, глядя на закат. Сумеречье славилось своими неповторимыми алыми рассветами, какие можно увидеть лишь в течение непродолжительного отрезка времени, но даже эти рассветы не могли соперничать с цветом неба, освещенного последними лучами засыпающего солнца. По крайней мере, для меня. Не было момента лучшего, чем этот, когда

кольцо рук смыкалось вокруг меня и перед глазами представало окрашенное тысячами тончайших оттенков и переходов небо. Небо, отражающее цвета происходящего в моей душе... Постепенно моя симфония затихала, успокаивалась, и наступало умиротворение. Не хотелось думать ни о чем. Только бы стоять так всю вечность, не вспоминая о бесконечной веренице забот... Малодушно? Но как же прекрасно...

— Знаешь, — в какой-то момент нарушил Эртан хрустальную тишину, — я неоднократно представлял этот разговор. А теперь даже не понимаю, с чего начать.

Я почему-то улыбнулась и негромко пошутила:

— Нерешительный адмирал Рей? Кто ты и что сделал с тем, кого я знала?

Он слегка напрягся.

— Фрида, я...

Развернувшись, я открыто посмотрела ему в лицо и, возвращаясь к реальности, уже серьезно произнесла:

— Я знаю, с чего начать. Поэтому позволь мне это сделать. Я все понимаю, правда. Мне известны причины, по которым ты заключил помолвку с кронпринцессой, но даже до того, как о них узнала, я не смела ни в чем тебя упрекать. Если тебе есть что сказать, я внимательно выслушаю, но сперва должна рассказать о другом. Я точно знаю местоположение пещеры, где был создан, а затем расколот кристалл душ.

Адмирал всегда прекрасно умел владеть собой. На его лице не дрогнул ни единый мускул, и лишь глаза выдали искреннее удивление.

— Значит, тебе о нем неизвестно, — сделала я вывод, исходя из его реакции.

— Мне известно почти наверняка, Фрида, — возразил он. — Но откуда об этом знаешь ты?

Перед глазами как по щелчку пальцев предстали видения грота, сходящего с ума моря, мертвого, идущего ко дну Флинта и отскакивающей от мокрых камней монетки... Невольно тряхнув головой и отгоняя непрошенные образы, я на короткий миг заколебалась, после чего рассказала все как есть. Разве что о Флинте умолчала — я и сама не была уверена, что все случится именно так, и надеялась, что реальность окажется гораздо радужнее моего странного видения.

В том, что Эртан мне поверит, я не сомневалась, но где-то глубоко внутри боялась увидеть в его глазах осуждение. Все же волей-неволей я общалась с самим покровителем смерти...

— Он поцеловал тебя в лоб? — Кажется, именно этот момент привлек внимание Эртана больше всего.

— Это что-то значит? — В душе шевельнулось беспокойство.

Хотя о чем это я? Беспокойство в последние месяцы меня и не покидало.

— В этом мире не так много смертных, кого почтили визитом глубинные или поднебесные, — произнес он. — Тем не менее такие есть. Когда-то я находил описывающую подобные случаи литературу, но помимо непосредственно визита и максимум разговора там ничего не упомянуто. Поцелуй — это... — он на миг замолчал, подбирая слова, — это как признание. Благословение. Я слышал, что в гроте тебе удалось поднять целую армию нежити. Для этого нужно обладать колоссальной силой, возможно, поэтому Лайар тебе и явился.

Такое объяснение случившемуся давала и я сама, вот только что-то внутри меня не хотело его принимать. Но, как бы то ни было, другие варианты отсутствовали, и я решила больше не заострять на визите Лайара внимания. Обсудить требовалось еще очень многое, подступающая ночь принесла холод, и Эртан предложил переместиться в комнату. Я совсем не замерзла и предпочла бы остаться здесь, но вдруг заметила то, чего не увидела сразу. Эртан Рей, адмирал королевского морского флота, казалось, никогда не знал усталости, но сейчас я видела пролеглившие под его глазами тени, чуть заострившиеся скулы и небольшую морщинку в уголке губ, которой прежде не было.

На него столько всего свалилось! И хотя в плане магии ему было дано очень многое, прежде всего он был и оставался человеком, не чуждым простых чувств. Чем больше в твоих руках силы и власти, тем сложнее с ней управляться. Теперь я точно это знала.

Вскоре мы разместились в отведенной мне комнате. С ногами забравшись на кровать, я предложила Эртану сесть рядом, и он, посмотрев на меня не то с удивлением, не то с сомнением, это предложение принял. Правда, мне уподобляться не стал и ожидаемо устроился на краешке.

— Что случилось, Фрида? — улыбнувшись, беззлобно поддел он. — Ты больше совсем меня не боишься?

— Как оказалось, есть вещи пострашнее морских демонов, — в тон ему ответила я.

На этом приятная часть разговора подошла к концу, и мы перешли к обсуждению насущных проблем. Первое, о чем рассказал Эртан, — это о моем нынешнем положении.

Скорое появление последнего осколка накалило обстановку, из-за чего король решил устранить проблему кардинально: то есть избавиться от меня. В сущности, установление нового режима на Сумеречной Жемчужине и было вызвано необходимостью меня задержать. До недавнего времени Эртан еще надеялся, что сможет переубедить короля, что тот прислушается и одобрит идею моей усиленной защиты. Меня могли бы изолировать, поселить в королевском дворце, тщательно охранять, пока не минует опасность, но все это требовало лишних затрат и усилий, король не считал это нужным. Его решение было окончательным и в общем-то не лишним смыслом. Нет меня — нет проблем, нет собранного кристалла.

Темные дела госпожи Герры давно не были ни для кого секретом, как и то, что она фактически вырастила Кайера Флинта. Однако до недавнего времени поводов подозревать ее в пособничестве легендарному пирату не имелось. Флинт умело скрывался и давал о себе знать лишь тогда, когда сам того хотел. Однако за минувшую неделю многое переменилось.

Сумеречная Жемчужина перестала быть изолированным местом, став прибежищем множества незваных гостей. Кроме следователя и нового начальника стражи, туда была направлена пара отличных магов, специализирующихся на поимке особо опасных преступников.

Госпожу Герру задержали, полагая, что через нее или я, или Флинт так или иначе дадим о себе знать. Около ее дома поставили ловушку, в которую меня едва не угораздило попасться перед тем, как Яли перенесла меня сюда.

Где сейчас Флинт, Эртан не знал. Более того — не имел ни малейшего представления, что должно было произойти, чтобы тот оставил меня без защиты. Я задавалась тем же вопросом. Флинт никогда не упускал своей выгоды, а я была слишком ценным козырем, чтобы так просто меня упустить.

«Он сейчас занят», — вспомнились слова Яли, когда мы с ней стояли на обрыве.

И, судя по тону, она-то как раз знала, чем именно.

— А Сильвия? — задала я еще один тревожащий меня вопрос. — Она ведь была с госпожой Геррой...

— Ее в доме не оказалось, — ответил Эртан. — Кто-то позаботился о том, чтобы перенести ее прямо в Морской корпус. Либо отец, либо... Кто переместил тебя в эту резиденцию? — спустя короткую паузу спросил он. — Та девушка, которая прислуживала госпоже Герре, ведь так? Я кивнула и уточнила:

— Знаешь, кто она?

— Думал, что знаю. — Его голос прозвучал задумчиво. — Она пришла к госпоже Герре несколько месяцев назад. До этого времени, насколько мне удалось выяснить, Яли служила при храме всех поднебесных. Но, оказавшись втянутой в какую-то передрагу, получила вагон проблем с законом и бежала из столицы в Сумеречную Жемчужину. Я знал, что в ней есть магия, но даже не подозревал, что такая — способная к перемещению. Насколько можно судить теперь, все это время Яли была связана с принцессой Линарией. Ее высочество обратилась ко мне пару дней назад. На балу, устроенном в честь нашего с Оксарой... — он осекся, но быстро взял себя в руки и, глядя мне в глаза, ровно продолжил: — Нашего с Оксарой обручения, она позвала меня на разговор и передала это.

С этими словами адмирал достал из кармана небольшой медальон, испускающий бледное мерцание. Это был круглый синий камень, висящий на серебряной цепочке и заключенный в изящную, местами потертую оправу.

— Даже представить не могу, откуда Линария его взяла. — В который раз за этот разговор на лице Эртана отражалась задумчивость. — Это древняя магия, о которой известно только из книг — по крайней мере, так принято считать. В этом камне заключена частица силы первых сильфов. Об этих созданиях вообще известно крайне мало, лишь то, что они являются прямыми потомками поднебесных. Сейчас их осталось слишком мало, и принцесса Линария — одна из немногих ныне живущих. Ее никогда не воспринимали всерьез. Зря, как оказалось. С помощью этого медальона мне удалось создать двойной магический флер, что больше не позволит

придворным магам отслеживать мои перемещения. Я бы сумел обойтись и без ее помощи, но это потребовало бы гораздо больше времени.

Глядя на медальон, я старательно гнала кольнувшую сердце тоску, возникшую из-за упоминания обручения. С моей стороны было слишком эгоистично думать об этом в то время, как у нас хватало куда более важных проблем, но справиться с собой давалось огромным трудом.

Спрятав медальон обратно, Эртан накрыл мою руку своей и попросил:

— Фрида, посмотри на меня.

Его голос всегда действовал на меня гипнотически и вызывал дрожь, а уж когда он говорил так — вкрадчиво, но уверенно, с едва уловимым оттенком нежности, внутри вообще все переворачивалось. Прежде к моим чувствам в эти моменты примешивался еще и необоснованный страх, но теперь его не было. Я переросла и эту нелепую боязнь, и робость, приобретя пусть пока еще зыбкую, но уверенность в себе.

Медленно подняв взгляд, посмотрела в сосредоточенное лицо Эртана, который придвинулся чуть ближе.

— Мое обручение с кронпринцессой — всего лишь формальность, — глядя мне в глаза, твердо произнес он. — Ты сказала, что знаешь об этом, но я повторю. Сейчас Оксаре как никогда необходима существенная поддержка, чтобы укрепить свой статус. Слишком многие начали всерьез рассматривать Дэрена как первого претендента на трон. Многие считают, что я всегда был и буду безоговорочно верен королю, но на самом деле я верен в первую очередь своей совести и нашему королевству. Жениться на Оксаре, при всем моем уважении к ней, значит пойти против своей совести и нарушить слово, данное самому себе.

Он на несколько мгновений замолчал и словно превратился в стихию, в увлекшее меня море, отражением которого стали нереальные прозрачно-голубые глаза. Теплая ладонь сжала мою руку чуть сильнее, и я всем своим существом почувствовала, что сейчас произойдет нечто очень важное. Нечто, перед чем для меня померкнет и кристалл душ, и всякая магия, и судьба всего брэнного мира...

— Я дал обещание себе, Фрида, но сейчас дам его и тебе. — Слова, от которых по коже пробежала дрожь. — Когда все закончится, когда мы сможем больше не опасаться за твою жизнь, я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Показалось, раздался оглушительный гром, за которым последовало дополнение:

— Разумеется, если твое сердце желает того же.

Наверное, явись перед нами разом все обитатели Глубины и Поднебесья, я бы не была так ошеломлена. Разразись под ногами бездна, соберись все осколки воедино, соединишь небо и море, не испытала бы того калейдоскопа эмоций, что наполнил, закружил, заслонил собой последние крохи разума.

Молчание затягивалось, но все чувства не могли не отражаться на моем лице. Я просто поверить не могла в то, что услышала. Разве могло это произойти в реальной жизни, со мной, а не на страницах какой-нибудь сказки? Адмирал королевского морского флота, морской демон, один из первых лордов королевства и обладатель еще уймы титулов и заслуг фактически сделал мне предложение? И сейчас сидит, держа меня за руку, смотря в глаза и ожидая ответа?

— Я... — От нахлынувших чувств голос звучал хрипло, и слова давались с трудом. — Мое сердце — это все, что у меня есть, Эртан. И я давно подарила его тебе.

Последовавший обмен взглядами, вскоре сменившийся кружащим голову поцелуем, окончательно заставил разум замолчать. Каждый заслуживает своего счастья, и если мне суждено испытать его в объятиях того, кто бесконечно дорог мне самой, я больше не буду удивляться и спрашивать «почему?». Просто приму его чувства как данность, перестану искать недостатки в самой себе и причины, по которым ему не подхожу. Раз он увидел во мне нечто близкое, то, к чему его тянет, значит, так тому и быть. Раз прекрасные лорды влюбляются в бывших торговцев из рыбных лавок, кто я такая, чтобы сомневаться в реальности подобных сказок?

Я — ундина из особого рода. Я — дочь некроманта. Я — ключ к кристаллу душ. Я — бесконечное количество проблем с неопределенным будущим... и, ши возьми, я заслужила свой маленький кусочек личного Поднебесья!

Следующие полчаса прошли одновременно волнующе и безмятежно. Мы сидели прямо на полу у горящего камина и, изредка переговариваясь, наслаждались обществом друг друга.

Придерживаясь намерения не сомневаться ни в себе, ни в Эртане, я не задавала лишних вопросов, не спрашивала, уверен ли он в том, что сказал.

— У меня для тебя кое-что есть, — улыбнувшись, он снова взял мою руку.

Через миг на моем указательном пальце появилось изящное колечко с вытянутым голубым камешком.

— Это не обручальное, — ответил он, опережая мой вопрос. — Даже имея древний медальон, я не могу рисковать, управляя привязанной к тебе потерянной душой. Поэтому на некоторое время кольцо станет твоим главным хранителем.

— Ты мой главный хранитель, — решила я на очередное откровенное признание. — В трудные моменты, даже если нас разделяет огромное расстояние, я вспоминаю о тебе, и мне становится легче.

Краска все-таки прилила к щекам.

— Мой отец здесь, — вернулась я к обсуждению важных тем, чтобы скрыть смущение. — Не знаю, что мне делать... точнее, знаю, но не уверена, что получится. Если бы здесь был теневой охотник...

— Сомневаюсь, что принцесса Линария позволит ему сюда прийти, — поддержал разговор Эртан, мгновенно став серьезным. — Об этой резиденции вообще никому не известно. Насколько я могу судить, даже королю. Впрочем, относительно Линарии я уже ничему не удивляюсь, но сделаю все, чтобы узнать, каким образом она действует и почему. Что до твоего отца... у тебя в запасе есть пара дней, чтобы постараться ему помочь. Затем ты вернешься в корпус.

У меня буквально приоткрылся рот.

— В корпус? — растерянно переспросила я.

— Ты ведь принесла клятву ловца, — напомнил Эртан. — Теперь ты полноправный член отряда, и служащие корпуса никому тебя не выдадут, даже самому королю. Будем придерживаться изначального плана. Ты же обуздала темную магию? — Вопрос прозвучал скорее как утверждение, и адмирал без перехода продолжил: — Фрида, ты находилась на Сумеречной Жемчужине с той лишь целью, чтобы подчинить некромантию, больше скрывать смысла нет. Отныне Морской корпус — твое самое надежное пристанище. Если в ближайшие дни тебе не удастся исцелить отца, я поселю его в одном из своих домов. Его состояние таково, что хуже стать не может, поэтому мы можем дожидаться, когда появится удобный случай продолжить лечение. Ты с этим согласна?

Я улынулась, но на этот раз далеко не весело:

— Разве у меня есть выбор?

Однако, несмотря на состояние папы, в моем темном мрачном тоннеле появились проблески яркого света. Великое Поднебесье, я возвращаюсь в Сумеречье! В Морской корпус, где наконец увижу всех, по ком ужасно скучала! Буду видеть Эртана практически каждый день! Чего еще можно желать?

За этот вечер я узнала еще и о судьбе «Летящего», восстановлением которого адмирал занимался лично. Обладая обширными знаниями и отличными навыками кораблестроения, он руководил его реставрацией, и наш дорогой корабль был готов вот-вот выйти в море. Мне было рассказано и о делах морского флота в целом, и о совершенных без меня рейдах, среди которых оказался тот, где наш отряд прибыл в грот. Об осколках на данный момент уже было известно многим даже из простого населения, а ловцы в известность были поставлены все.

Когда отведенное нам время подошло к концу и Эртану настала пора уходить, я вспомнила, что не рассказала ему еще кое о чем. Говорить об этом было труднее всего, и я колебалась, но в итоге все же решила, что поделиться такими важными сведениями просто обязана.

— Есть еще одно обстоятельство, о котором тебе следует знать, — сказала, когда Эртан уже вызвал образовавшуюся проем потерянную душу. — Это касается Флинта.

При упоминании пирата он слегка напрягся и, готовый слушать, обратил на меня внимательный взгляд.

— Кто-то наложил на него печать темной магии. Метку подчинения, под действием которой он вынужден собрать кристалл, иначе, не выполнив условий договора, погибнет. Тот, кто «поставил» печать, живет в королевском дворце. Не спрашивай, откуда мне все это известно, но информация верна.

Повисла пауза, заполненная легким прохладным дуновением, исходящим из открытого прохода.

— Я учту, — наконец кивнул адмирал. А затем коснулся моей щеки и попросил: — Береги себя. Злоупотреблять магией амулета, тем самым рискуя быть раскрытым, Эртан не хотел, поэтому мы условились, что в следующий раз он придет через два дня. К этому времени я должна буду сделать все, что в моих силах, дабы помочь папе, и тем же вечером вернуться в Морской корпус. После ухода Эртана вместо того, чтобы испытывать грусть и тревогу, я ощущала безмерную светлую радость, которая наполняла меня и стремилась наружу, как стремятся всплыть на поверхность наполненные воздухом пузыри. Прежде чем заснуть, еще долго прокручивала в мыслях наш сегодняшний разговор. Отложив размышления над насущными заботами до утра, воспроизводила лишь те фразы, которые касались только нас двоих.

«Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж», — звучали в сознании немислимо изумительные и такие окрыляющие слова.

Колечко приятно обхватывало палец, и, тщетно пытаясь заснуть, я то и дело открывала глаза, смотрела на него, рассматривала поблескивающий в полумраке камушек... любовалась и не верила, что за какой-то час все тревоги последних дней разлетелись вдребезги. Я не могла заглянуть в будущее, но имела возможность радоваться в настоящем. Даже если вдруг случится так, что какие-то причины помешают нам с Эртаном быть вместе, уже одно его сделанное мне предложение стоит очень многого. Возможно, я по-прежнему оставалась наивной мечтательной дурочкой, но то, что витало между нами, то, что мы испытывали друг к другу, являлось чем-то большим, чем простая влюбленность.

Он заметил меня, когда я пряталась в своей маленькой раковине, и от осознания этого я любила его еще сильнее. Пусть мы открыто не произносили слово «люблю», оно читалось в молчании, в глазах и самое главное — в поступках. Слова могут умело врать, а поступки почти всегда говорят правду.

Следующие дни пролетели словно мимо меня, но вместе с тем, как ни противоречиво, захватили целиком. Принцесса Линария больше в резиденции не появлялась, и только Айрон, всегда присутствующий где-то поблизости, не давал мне умереть от голода и потери сил. Хотя это я немного соврала. Подаренное Эртаном кольцо загнать себя в гроб тоже не давало: как только я доходила до края в попытках помочь отцу, оно стремительно нагревалось и практически обжигало, напоминая, что нужно остановиться.

Я прикладывала все силы, старалась, черпала энергию где-то за пределами своих возможностей, но понимала, что в одиночку справиться с этой проблемой мне не под силу. Быть может, имейся у меня в запасе хотя бы месяц на восстановление «кружев», я бы справилась. Но восстановить баланс души и тела за два дня для меня было попросту невозможно. А видеть папу таким безучастным, отрешенным, молчаливым — невыносимо. И все же я не отчаивалась, помня об обещании адмирала.

К тому времени, как отведенные два дня подошли к концу, из зеркала на меня смотрело нечто крайне и до неприличия изможденное. Представать такой перед Эртаном не хотелось, и я, насколько могла, привела себя в человеческий... ундиновский... некромантский... в общем, относительно нормальный вид. На полке в ванной обнаружили кое-какие дорогие средства, но даже они не помогли избавиться от неестественной бледности и глубоких, залегших под глазами теней. Вкупе с практически черными волосами и лихорадочно блестящими синюющими глазами смотрелось жутковато.

— Настоящая повелительница нежити, — усмехнулась я своему отражению. — От подданных не отличить.

На этот раз вместе с Эртаном прибыла и принцесса Линария. Она появилась на своем белоснежном пегасе, как только я к назначенному часу пришла в главный зал. Зачем — так и осталось загадкой, поскольку она проронила лишь несколько слов. Проиригнорировав адмирала, обратилась ко мне со странной фразой — впрочем, ничего другого я от нее и не ждала.

— Она придет, когда позовешь, — вот и все, что было его напоследок сказано.

Перед возвращением в корпус я безумно нервничала!

Несмотря на то что мне довелось побывать в самых разных передрягах, возвращение в родные стены все равно вызывало невероятное волнение. Казалось бы, сил на него уже не осталось, но

нет — оно возникло, как только я шагнула в открытый Эртаном белесый проем. Он перенес нас в коридор Морского корпуса, ведущий к обеденному залу. Сейчас как раз наступило время ужина, и народу здесь не было.

Я отсутствовала всего-то несколько недель, а по ощущениям с того момента, как Флинт увез меня в неизвестность на неказистой шлюпке, прошли долгие годы. Было даже странно видеть мельтешащих под потолком и вдоль стен морских светлячков, идти по вымощенному темно-серым камнем полу, ощущать солоноватый, прочно въевшийся в здешний воздух запах...

— Я буду держать тебя в курсе всего, что происходит, — заверил Эртан, прежде чем мы с ним попрощались. — На все расспросы отвечай, как условились. Для всех ты укрывалась от охотников за осколками и совершенствовала магию ундин. — Сменив интонацию, он полушутливо добавил: — Не дрейфьте, ловец Талмор!

— Как прикажете, адмирал Рей! — в тон ответила я и, послав ему воздушный поцелуй, почти бегом понеслась в свою комнату.

Родные стены прибавили энергии, не иначе.

Оказавшись на полпути к комнате, я все-таки сорвалась на бег, чувствуя себя выпущенной из клетки птицей. Ничто не радовало меня так, как возможность быть здесь, среди тех, кого я любила всем сердцем. И только понимание того, что, как бы ни старалась, я всегда буду от них обличаться, храня свой темный секрет, немного эту радость омрачало.

— Оп-па-па! — встретило меня на пороге комнаты громкое изумление.

— Глядите-ка, доходяга ундинистая вернулась! — воскликнула первая сирена.

— Ну надо же, не померла! — не то обрадовалась, не то разочаровалась вторая.

— Зато на нежить стала похожа! — заготовила третья, озвучив мои недавние мысли.

— Ваш восторг от нашей встречи взаимен, — усмехнулась я, закрыв за собой дверь.

Сделав несколько шагов, так и замерла, неожиданно увидев свою сумку, стоящую у кровати. Ту самую сумку, которая осталась в доме Флинта! Недолго думая открыла ее, изучила содержимое и не сдержала облегченного вздоха, когда обнаружила внутри новехонькую, еще ни разу не надетую форму ловца.

Что ж, сейчас наступило самое подходящее время ее примерить.

Переодеваясь, я раздумывала над тем, как мой скромный багаж здесь оказался, а если точнее — кто потрудился его перенести. Его однозначно забрали незадолго до того, как я переместилась в резиденцию принцессы Линарии, иначе стражи передали бы его в отдел как дополнительные улики в пользу моего пребывания на Сумеречной Жемчужине. Флинт в то время отсутствовал, Шатх — тоже, а Эртан тем более не мог находиться на острове. Выходит, Яли позаботилась не только обо мне самой, но и о моих вещах.

Вспомнив о сказанных напоследок словах Линарии, я, чувствуя себя невероятно глупо, несколько раз попробовала позвать:

— Яли...

Разумеется, она не пришла. Возможно, принцесса говорила вообще не о ней, а быть может, я делала что-то неправильно. Слишком устав, чтобы заикливаться на таких мелочах, я просто послала Яли мысленную благодарность и, закончив переодеваться, отправилась в обеденный зал.

По дороге мне никто не встретился, и чем ближе я подходила, тем сильнее колотилось сердце. Коснувшиеся меня изменения были настолько очевидны, что не заметить их было попросту невозможно. Потемневшие волосы, более выразительные черты лица, глаза, цвет которых стал еще насыщеннее... Оставалось надеяться, что никто не додумается связать все это с пробудившейся во мне темной магией.

Когда я вошла в зал, там стоял оживленный гул, какой всегда сопровождал любые застоля в нашем корпусе. Капитаны отсутствовали, и ловцы разошлись вовсю: кто-то, не стеснясь в выражениях, спорил, кто-то вздумал петь, а неутомные близнецы-саламандры устроили самое настоящее огненное шоу, уже успев подпалить скатерть и сидящего рядом сослуживца. Замерев на пороге, я смотрела на них и чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Сдерживать их удавалось, но внутри эмоции меня просто раздирали — еще свежо было воспоминание о том, как наш отряд едва не погиб в треклятом гроте.

Первой мой приход заметила Крилл, сидящая рядом с целой и невредимой Сильвией. Затем постепенно, один за другим, ко мне начали оборачиваться другие ловцы, и вскоре на меня

устремлялись взгляды уже всех присутствующих. Кажется, я ощущала на себе даже взгляд Карка — зловредной, занимающейся обслуживанием столов потерянной души. В зале повисла гробовая, нарушаемая только завыванием ветра и треском горящих дров тишина.

ГЛАВА 19

Ненормальная для обеденного зала тишина висела так долго, что я успела испугаться. Пришла глупая мысль, что все уже знают о моем темном происхождении и сейчас погонят из корпуса поганой метлой.

— Фрида! — не оправдала моих страхов Крилл.

В ее голосе было столько неподдельного счастья, что сомневаться в своей нужности хотя бы для нее я просто не могла. Прошла всего пара мгновений, и она, оказавшись рядом, заключила меня в невероятно крепкие объятия. Следом нас двоих обнял уже Аргар, затем его примеру последовала Агира, и совсем скоро весь наш отряд превратился в большую обнимающуюся гору, заслонив проход. Вздумай кто-нибудь в этот момент пробраться к выходу, ему пришлось бы подождать, поскольку затея была изначально провальной.

— Поднебесные, ты вернулась! — воскликнула все та же Крилл, на глазах которой совершенно неожиданно блеснули слезы. — Ненавижу тебя, Фридка! Ушла, даже не попрощавшись, а я так за тебя переживала! Когда нам рассказали о кристалле душ и мои догадки подтвердились, думала, сойду с ума!

— Тихо, не таракти, — перебил ее вклинившийся между нами Аргар. — Талмор, ты вообще как? Что-то бледная стала, как смерть, и... перекрасилась, что ли?

— Ага, — растроганная таким теплым приемом, я совершенно неприлично хлопнула носом. — Перекрасилась...

Ловцы из других отрядов тоже не сводили взглядов с нашей компании, а точнее — с ее центра, то есть меня. Новость о моей крови и вытекающих из этого последствиях, имеющих в настоящий момент огромное значение, и впрямь сделала меня если не знаменитой личностью, то, по крайней мере, заметной.

Хотя кого я обманываю? Именно что знаменитой, но я бы предпочла быть ничем не примечательным рядовым ловцом, а не иметь такую богатую наследственность.

Последним ко мне подошел Тэйн. Если кого-то я и была рада видеть даже больше, чем Крилл, так это его. Своей холодностью и сдержанностью до адмирала он, конечно, не дотягивал, но все же изрядно выделялся этими качествами на фоне остальных. Но сейчас за всей холодной сдержанностью я видела самое настоящее жаркое пламя, разгоревшееся из настоящих живых чувств.

Он был рад мне, по-настоящему рад, хотя я и дождалась от него только привычно ровного:

— С возвращением, ловец Талмор.

Это было больше, чем обмен взглядами. Тэйн был единственным, кто знал обо мне все, в том числе и про дар некромантии. Знал и не отворачивался. Знал и поддерживал. Знал и, искренне беспокоясь, молча обещал выслушать позднее.

Великое Поднебесье, как же я по всем скучала! Готова была еще хоть тысячу раз это повторить и потом еще столько же добавить!

Последние мрачные недели с лихвой окупались этим вечером, когда я чувствовала себя так, словно действительно вернулась Домой — именно так, с большой буквы. Наверное, настоящий Дом там, куда, несмотря ни на что, стремится душа. Там, куда всегда тянет возвращаться...

— Пойдите-ка... — выдохнула я, внезапно обратив внимание на одну крайне важную деталь. — Да на вас форма ловцов!

— А ты думала, одна такая из кадетов будешь? — усмехнулась Сильвия, сложив руки на груди. — Позавчера клятвы принесли. На неделю раньше срока, между прочим.

Кадетов в Морском корпусе больше не осталось, и теперь мы все могли по праву считаться частью морского флота Объединенного Двухлунного королевства. Но самое приятное заключалось в том, что теперь нам — бывшим кадетам, стали доступны посиделки «взрослых» ловцов, которые устраивались ими тайком от начальства и под покровом ночи.

Надо ли говорить, что решение организовать такое мероприятие было принято незамедлительно и обсуждению не подлежало?

— Сделаем все в лучшем виде! — возбужденным шепотом заверил Аргар. — Талмор, ты не пожалеешь, что служишь в нашем отряде!

— Да и так никогда не жалела... — попыталась возразить я, но мой глас потонул в воцарившемся гуле.

— Смотри у меня! Только попробуй как в прошлый раз напиться! — уперев руки в бока, предупредила братца Агира. И, уже обращаясь ко мне, пожаловалась: — Нет, ну ты представляешь, что после принятия новобранцев этот идиот учудил? В одиночку полбутылки огненной выпил! Залпом! На спор!

— Ну все-все, — замахал на нее руками позеленевший от одних только воспоминаний Аргар. — Учиться нужно на своих ошибках, а если их не совершать, то так и останешься неучем!

На миг застыв, он задумчиво поскреб подбородок и довольно выпалил:

— Не, ну круто я мысль завернул? Гениально же!

— Уймись, балабол, — закатила глаза Сильвия, незаметно бросив на меня выразительный взгляд.

Да, нам было что обсудить, но омрачать этот вечер подобными беседами я не хотела. Пусть все серьезные разговоры подождут до завтра, а эта ночь будет полна счастья и безбашенного веселья — такого, в котором я никогда не участвовала, но о каком втайне мечтала.

Как вскоре выяснилось, все посиделки традиционно проходили у Тэйна, который, будучи старшим ловцом, имел в распоряжении самую большую комнату. Вернее сказать, комнаты, поскольку их было две. Или три — это с учетом личной ванной.

В той, что являлась чем-то вроде гостиной, даже стоял камин, у которого Аргар тут же разбросал ворох принесенных подушек. Приход сослуживцев практически моментально ознаменовал окончание чистоты и идеального порядка, в котором Косичка держал свое казенное жилище. Рядом с подушками были пристроены одеяла и торжественно поставлены бутылки с той самой знаменитой огненной, по праву считающейся более убойной, чем ром и эль, вместе взятые. Ко всему алкоголю, за исключением легкого вина, я по-прежнему испытывала предубеждение и пить не собиралась, но...

— Не, Талмор, так не пойдет! — заявил Аргар, когда я отказалась от протянутого мне стакана. — Если хочешь, могу больше разбавить, но попробовать мою огненную ты обязана! Да мы ее с батей еще летом делали! Натурпродукт!

— В самом деле, Фрида, — обратилась ко мне Крилл. — Сейчас такие тяжелые времена... не знаешь, что ждет завтра. Так почему бы не позволить себе немножко отвлечься, пока есть такая возможность?

Я вспомнила папу, когда он не просыхал от беспробудного пьянства, его стеклянные глаза, когда удавалось залить в себя бутылку эля, и дикий крик, когда эту бутылку мне удавалось от него спрятать. Все это составляло неотъемлемую часть моей жизни. Восемнадцать долгих лет, за которые спиртное вызывало исключительно ненависть и отвращение. Но с девятнадцатилетием начался новый жизненный этап, и первые его месяцы оказались до того насыщенными, что перевернули все вверх дном, изменив мой мир просто до неузнаваемости. Так странно — глядя на стоящий передо мной стакан и вспоминая фрагменты своей прошлой жизни, я не испытывала ничего. Даже удивилась. Прислушавшись к себе, поняла, что пить не хочу не столько из-за отвращения, сколько из-за чувства противоречия.

Бутылка эля всегда была моим главным страхом. Я боялась, что, попробовав алкоголь однажды, стану такой же, как отец, и жизнь утянет меня на еще большее дно, чем то, где я тогда находилась. Но теперь бояться было нечего.

Даже из страхов можно извлечь пользу, если научиться их преодолевать.

Огненную я попробовала. А потом еще долго периодически запивала ее холодным мятным чаем под всеобщий смех. Сидя у горящего камина, мы веселились, дурачились, слушали и рассказывали забавные истории. Были близки как никогда. Этой ночью у нас было свое маленькое уютное королевство, заключенное в стенах комнаты Морского корпуса. А понимание, что где-то там внизу, у подножия скалы, неистовствует недремлющее Сумеречное море, делало общение еще теплее.

За пределами этой комнаты совершались нападения и убийства, продумывались ходы в игре по сбору осколков кристалла душ; было ветрено, снежно и холодно. Здесь же царило тепло, а согревали нас вовсе не каминное пламя и не огненная.

По своим комнатам все разошлись под утро, причем некоторых пришлось буквально тащить. Аргар снова переоценил свои силы и, хвастаясь, что сможет перепить всех нас, вместе взятых, зашел слишком далеко. В результате остался спать среди вороха им же принесенных подушек, чем вызвал недовольство Тэйна: устроившийся на полу красный саламандр никак не вписывался в привычную картину идеального порядка.

Карк убрал всю посуду и недоеденные закуски, благодаря чему нам не пришлось тащиться на кухню. Кажется, Агира пообещала, что они с братом на днях проникнут в святая святых и выведут шеф-повара из себя, — видимо, этого оказалось достаточно, чтобы Карк согласился временно поработать у нас личным официантом.

В общем, не было ничего удивительного в том, что пробуждение было тяжелым. Даже мне, не напившейся до беспамятства, было сложно вставать, проспав каких-то жалких три с половиной часа. Как себя чувствовали остальные, не могла даже представить. Да и, откровенно говоря, представлять не хотела, потому что во время таких пробуждений каждый становится эгоистом и думает исключительно о себе. Отдельной головной боли добавляли подколки сирен, не упустивших возможность вставить свои язвительные пять копеек.

Несмотря на это, на утреннюю тренировку я шла с радостью. Никакой недосып не мог нарушить мой энтузиазм. Я была рада наконец вернуться к службе и ко всему, что с ней связано!

Судя по виду выползших на полигон ловцов, среди нашего отряда оптимистично настроена была я одна.

— Ловец Гвор, зашнуруйте ботинок, иначе свалитесь! — приказал безукоризненно выглядящий капитан Вагхан. — Ловец Грэйдэ, где потеряли брата?

Засыпающая в положении стоя Агира встрепенулась и неуверенно протянула:

— Он... э-э-э...

— Два наряда вне очереди обоим! — припечатал неумолимый капитан. — И это — ловцы моего отряда? И это те, кто поклялся защищать честь Морского корпуса как свою собственную? Отчитывали нас недолго, но сурово, а потом устроили настоящие круги Глубины, заставив оббежать полигон огромное количество раз. Мороз выдался невероятный, и только быстрый бег не давал мне — разнежившейся в климате Сумеречной Жемчужины — оконечить. Зима близилась к концу, но обещала потеснить грядущую весну, отодвинув оттепель еще как минимум на месяц.

После завтрака мы снова вернулись на полигон, и я наконец поняла, в чем разница между кадетами и ловцами. Раньше этого не замечала, а теперь на себе испытала различия в нагрузках. Физические упражнения перемежались с плетением сетей — как индивидуально, так и в команде. Несмотря на то что каждый из бывших кадетов теперь стал полноправным членом отряда, мы по-прежнему работали в связке со своими кураторами. Практиковаться с Косичкой мне было в удовольствие — хотелось соответствовать его высокому уровню, служить равноправной опорой и ничем не уступать. Получалось неплохо, но и не отлично.

Я не раз ловила себя на мысли, что не могу использовать магию ундин так же легко, как некромантию, — поднебесная энергия подчинялась куда сложнее. Зато мой темный морской котик так и рвался проявить себя, выпрыгнуть наружу и, обнажив коготки, продемонстрировать все, на что способен. Приходилось тяжко. Мало того что нужно было создавать плетения, так еще и делать это, не позволяя случайно затесаться в них темной магии.

На мое счастье, Тэйн это понимал и прикрывал, когда мне было особенно сложно. Даже не знаю, как сумела бы со всем справиться и не выдать себя без его помощи. Наверное, именно поэтому адмирал изначально и позволил моему куратору обо всем узнать.

После очередной тренировки у нас выдалось немного свободного времени, которое ловцы решили потратить на сон. Следующая, более длительная тренировка проходила после обеда и оказалась гораздо утомительнее утренней. Под конец скончался даже мой энтузиазм, сломленный непрошибаемым капитаном.

Пока все расходились (а кто и расползлся), покидая полигон, я надеялась выловить Тэйна, чтобы поговорить с ним наедине, но его позвал к себе капитан Вагхан. Зато ко мне подошла Сильвия, и мы, не сговариваясь, подошли ближе к спуску со скалы, где никого не было.

Выглядела альва предельно сосредоточенной и решительной, так что было понятно — предстоит серьезный разговор.

— Ты должна объяснить, что тогда произошло, — с ходу заявила она. — Как тебе удалось сбежать с Жемчужины? И, что еще важнее, почему я отключилась, когда в дом стучали стражи, а потом очнулась уже в Морском корпусе?

— У меня нет объяснений. — Мне даже не пришлось врать.

— Покрывая тебя, адмирал идет против короля, — глядя мне в лицо, неожиданно сменила тему Сильвия. — Соглашается на сделку с пиратом и теневым охотником, позволяет тебе жить с ними в одном доме. Для чего, Талмор? Похоже, ответ очевиден, хотя я не понимаю, что он в тебе нашел. Но зачем он так поступил?

Я усмехнулась:

— Капитан Вагхан тебе не говорит?

— Он не знает. — Сильвия передернула плечами и впиалась в меня пронзительным взглядом. — Адмирал говорил со мной. Просил сохранить в тайне все, что видела. Разумеется, я подчинюсь и буду молчать. Но мне неясно, что происходит, а я терпеть не могу, когда чего-то не понимаю. Мне отвратительно, что мы обе были вынуждены находиться в обществе закоснелых преступников, а теперь вернулись на службу как ни в чем не бывало. Но я-то считаю пиратов и их пособников вроде Герры злом. А ты? Можешь не отвечать, я все видела. В тебе самой есть что-то темное... ты именно это скрываешь, я права?

Я не знала, что на это ответить, и очень надеялась, что на моем лице не отразился тот страх, что вспыхнул внутри.

— Мне не следует об этом говорить, — наконец произнесла я, не желая лгать.

— Знаешь, а ведь политика короля верна, — глядя мне в глаза, открыто признала Сильвия. — Твоя смерть помогла бы избежать множества других гибелей, которые обязательно будут, как бы все ни сложилось в дальнейшем. Возможно, дело в том, что ты никогда мне особо не нравилась. Не будь ты ловцом, и прикажи мне кто-нибудь убить тебя, чтобы спасти других, я бы сделала это не задумываясь. Но ты — часть Морского корпуса. Часть флота, который значит для меня все. Поэтому... — она шумно втянула воздух, словно дальнейшее признание требовало от нее колоссальных сил, — если Морской корпус, защищая тебя, останется один против гнева короля, я в числе первых выйду на бой. И жизнь отдам. Не за тебя, а за то, во что верю.

Ее светлые глаза потемнели и блеснули.

— А я верю в нашу службу и обязанности. Мы клялись защищать королевство и противостоять пиратам, но сплоченность и товарищество ловцов — основа всего.

Она даже представить не могла, чем для меня были ее слова. Я смотрела на нее — решительную, негибаемую альву, чьи светлые волосы подхватывал морозный ветер, — и испытывала невыразимое восхищение такой силой духа. Такие, как она, если были верны, то до конца. Если любили или ненавидели, то самозабвенно и всей душой. Отличались прямолинейностью, не всегда приятной окружающим, но зато оставались честны.

— Сильвия, я благодарна за все, что ты сказала, — не отводя взгляда, произнесла я. — Может, тебе это и не важно, но для меня ценны твои слова. Поверь, если встанет выбор — погибнуть, чтобы спасти тех, кто мне дорог и просто невинных людей, или выжить, я раздумывать не буду. Но просто так отдавать жизнь, когда есть возможность пойти другим путем, я тоже не стану.

Пока у меня есть шанс жить, я буду им пользоваться и на заклятие себя не отдам.

Сильвия немного помолчала и, осмыслив сказанное, усмехнулась:

— Что ж, будем считать, мы друг друга поняли.

Я протянула ей руку, и она, немного поколебавшись, крепко ее пожала.

Дальнейший разговор вернулся к событиям на Сумеречной Жемчужине. Я рассказала о Яли, добавив, что не знаю, кто она и по чьей указке действовала. О принцессе Линарии умолчала, как и о своей темной магии, — пусть догадки Сильвии остаются просто догадками, так будет лучше для нас обеих.

Сильвия ушла первой, а я еще ненадолго задержалась у ведущей вниз лестницы. Отсюда открывался вид не только на море, но и на город, уже горящий множеством вечерних огней. После Жемчужины Сумеречье казалось просто огромным, и я испытывала шемящее чувство нежности, глядя на него. Все здесь было родным и знакомым — даже Слезные трущобы,

расположенные на другом конце острова. На небо выползли две пузатые луны, а издалека уже доносились звуки музыки, которую играл летящий на северных ветрах призрачный оркестр. Еще немного полюбовавшись на прекрасную панораму и послушав мелодию, я уже собралась уходить, когда окружение внезапно изменилось. Перед глазами все поплыло, а в следующий миг я будто по щелчку пальцев очутилась стоящей среди небольшой и смутно знакомой пещеры.

Как оказалось спустя пару секунд, именно по щелчку пальцев! По щелчку пальцев одного мелкого ши, который, болтаясь передо мной в воздухе, ехидненько оскалился.

— Ган? — машинально спросила я, как будто это мог быть кто-то другой.

— Ну, здоров, партнер! — приветствовала меня синюшная нечисть, попытавшись пожать мою руку своей крошечной ручонкой. — Это что ж ты даже поздороваться со мной не зашла, а? Я к ней со всей душой, понимаешь, а она кинула меня, уехала, ни слова на прощанье не сказала! Оставила одного, бедного-несчастливого помирать без единой капелюшечки крови!

Я хмыкнула:

— Что-то, смотрю, ты не сильно похудел.

В этот же момент совсем некстати вспомнила о тех невинно убиенных ши, на которых проходило мое обучение некромантии. Особых угрызений совести я сейчас не испытывала, но все равно стало немного неприятно.

— Гляжу, дар-то папочкин раскрылся, — довольно присвистнул Ган, окинув меня пытливым взглядом маленьких поблескивающих глазенок. — Гены не пропьешь!

— Между прочим, раз все знал, мог мне сразу об этом даре рассказать! — укорила я. — И еще совести хватает меня в чем-то упрекать!

— Так откуда ж у меня совести взяться? — искренне удивился ши. — Ты мне тут не заговаривайся, я порядочное исчадие Глубины и с таким тошно правильным понятием не знаком!

Если бы я знала... если бы только знала, как скоро мне будет продемонстрировано отсутствие этой самой совести! Если бы только вспомнила, что эта расположенная внутри скалы пещерка — единственное место близ корпуса, которое не покрывает защитная магия! Если бы... а, впрочем, изменить все равно ничего бы не смогла. Выйти отсюда можно было только с помощью магии переноса, а я таковой не обладала.

— Все это, конечно, очень мило, — проговорила, уперев руки в бока. — Но я у тебя в гостях задерживаться не хочу. Ты же из-за голода меня сюда притащил? Так и быть, пару капелек пожертвую, но потом незамедлительно возвращай меня назад!

Я уже собралась снять небольшую, приколотую к кителю булавочку, когда внезапно заметила, что ши как-то странно поник. И взгляд у него сделался такой пугливо-понурий, виноватый.

Виноватым ши на моей памяти чувствовал себя всего однажды, когда затащил меня в эту самую пещеру по приказу Флинта...

Вот же... ши, сожри его Глубина!

Словно в ответ на мои мысли позади внезапно прозвучал насмешливый и отлично знакомый голос:

— Ну, привет, синеглазка.

Резко обернувшись, я несколько мгновений неотрывно на него смотрела, а потом с такой же усмешкой, какая играла на его губах, приветствовала в ответ:

— Ну, привет, пират.

— Предпочитаю, когда меня называют легендарным капитаном пиратов, — поправил Флинт. — Прежде чем я обозначу план наших дальнейших действий, хочу прояснить ситуацию. Тот, кто устроил тебе побег из Сумеречной Жемчужины, обладает феноменальными способностями, если он же организовал то... хм... ту досадную неприятность, из-за которой ни я, ни Шатх не смогли защитить и укрыть тебя от стражей.

Похоже, Флинт тоже не был в курсе того, кто стоял за Яли и стоял ли вообще. Собственно, и о том, что именно Яли оказала мне неоценимую помощь, судя по всему, не знал тоже.

Я развивать эту тему не стала и, предчувствуя неладное, спросила:

— Зачем ты пришел?

Последовавшая за моим вопросом ухмылка мне совсем не понравилась, как и азартный блеск глаз. Как-то сразу подумалось, что, поскольку мы больше не на Жемчужине, можно считать, что срок годности всех договоренностей с Флинтом вышел, а стало быть, и доверять ему

больше нельзя. Кто знает, что на уме у этого пирата? Вдруг он решит меня украсть, снова таким образом обзаведясь ценным козырем?

— Я собираюсь проникнуть в Гномий банк, чтобы выкрасть хранящиеся там осколки, — как ни в чем не бывало ошарашил меня Флинт. — И ты мне в этом поможешь.

Я так опешила от такого наглого и во всех отношениях самоуверенного заявления, что, приоткрыв рот, не сразу нашлась с ответом.

— Ты в своем уме? — машинально попятилась я.

Одним неувимым движением Флинт продемонстрирован издевательски блеснувшую между его пальцев монетку.

Несколько секунд я смотрела на нее в полнейшем ступоре, а затем едва не осела на холодный каменный пол. Сказать, что чувствовала себя душой, — это не сказать ничего. Да как можно было тогда так бездарно попасться?! Еще и Эртану ничего не сказала, потому что было не до того, и это недоразумение совершенно вылетело из головы...

— Долги нужно возвращать, — с довольным выражением лица сказал Флинт. — Разумеется, ты можешь попробовать нарушить нашу небольшую сделку, но я бы тебе искренне не советовал. А я вот взяла и попробовала! Просто объявила, что отказываюсь идти на такое преступление, и... он был прав, лучше бы я этого не делала. С его слов, нашу договоренность скрепляла простейшая магия, но, как оказалось, простейшая не значит слабая. Меня скрутило так, что стало нечем дышать, тело взорвалось дикой болью, и из глаз непроизвольно побежали неконтролируемые слезы. Наверное, так чувствуют тебя те, на кого нападает скопище потерянных душ. И это — последнее, что они чувствуют в принципе.

— Скажи, что выполнишь мое желание, — прозвучал голос Флинта, по тону которого можно было судить, что происходящее ему неприятно. — Будешь упрямитесь — умрешь через пару минут.

— Ты... — прохрипела я, сходя с ума от боли. — Этого не допустишь... я нужна тебе... живой...

— Да будет тебе известно, что для воссоздания кристалла душ нужна твоя кровь, — возразил Флинт. — Рассказать, сколько существует способов, чтобы сохранить ее свежей до того самого дня? Фрида, я серьезно, — добавил он спустя несколько бесконечных и мучительных для меня секунд. — Не упрячься. Вспомни, что я пират. И поступаю только так, как выгодно мне. Ты ведь знаешь о маленьком секрете, красующемся на моей шее. Я сделаю все, чтобы получить осколки, и, хотя ты мне глубоко симпатична, разумеется, предпочту твою смерть своей.

— Грязный... пират... — только и выдохнула я.

Не знаю почему, но это задело. Хотя чего я ожидала? Наверное, никогда не перестану видеть хорошее там, где его нет и в помине!

Терпеть стало просто невыносимо.

— Даже если соглашусь, у меня все равно не получится помочь... — уже практически беззвучно проронила я.

— Ошибаешься, — уверенно разбил мою последнюю надежду Флинт. — Получится непременно. Ну же, Фрида, это всего лишь пара осколков. Они того не стоят, вы всегда сможете отыгаться.

Я сильно в этом сомневалась, но нормально мыслить уже не получалось. Все звуки, картинки и ощущения смешались в одно сплошное болезненное месиво. Я стала задыхаться.

Умирать сегодня в мои планы не входило, и подвергать сомнениям намерения Флинта не осталось ни сил, ни времени.

— Согласна... — скорее не прошептала, а подумала я.

И все моментально прекратилось.

Боль исчезла, будто ее и не было, зато нехватка кислорода ощущалась по-прежнему остро, и я закашлялась, жадно втягивая воздух.

— Если попытаешься отказаться еще раз, все будет болезненнее и быстрее. Не протянешь и полминуты, — предостерег Флинт, лица которого я в этот момент не видела. — Проверять, как ты понимаешь, я снова со всей искренностью и заботой не советую.

— Да иди ты... со своей заботой. — Мой голос прозвучал до прискорбного жалко. — Ненавижу...

Поднявшись на ноги, я отряхнула одежду от налипшей пыли, и тут меня внезапно осенило.

Меня ведь сейчас едва не убили! Почему кольцо, данное Эртаном, не сработало?!

Посмотрев на свою кисть, я обомлела. Кольца на пальце не было.

— Прости, — жалобно протянул Ган, о присутствии которого я совсем забыла.

Обратив на него непонимающий взгляд, я неподвижно простояла несколько долгих секунд, после чего посмотрела на пирата, в руках которого, помимо монетки, теперь поблескивало и мое колечко.

— За руку ты со мной здоровался, да? — угрожающе протянула я, обращаясь к Гану, и, вне себя от возмущения, выплюнула: — Предатель! Ворюга!

И точно, нет у него совести! Совсем-совсем никакой! А я еще кровь ему пожертвовать собиралась!

— Ну все, нам пора. — Flint приблизился. — Время не ждет.

Не успела я даже моргнуть, как нас укрыло знакомой тенью, и уже в следующий миг мы оказались стоящими в промозглом малоллюдном переулке.

— Ты уже тогда все продумал, да? — спросила я, когда мы окольными путями двинулись к банку. — Исход той игры был изначально предрешен.

Не замедляя шага, Flint выразительно на меня посмотрел и изрек:

— В этом мире предрешена только смерть. Все остальное — чистой воды импровизация.

ГЛАВА 20

Я решительно не понимала, как Flint собирается претворить свой план в жизнь. Неужели мы вот так просто выйдем на улицу Двух Золотых, подойдем к прямо к банку, и гномы гостеприимно распахнут перед нами дверь? Даже в мыслях это звучало бредово. А если нам каким-то образом и удастся оказаться внутри, то попасть в одно из самых надежных хранилищ не получится уж точно. Однажды Flint уже сумел побывать в Гоблинском банке и выкрасть хранящиеся там осколки. Но с тех пор многое изменилось, и защита хранилища стала лучше, чем та, что установлена в королевской сокровищнице!

Как и сказал Flint, в банке действительно хранилась всего пара осколков, но стоило только представить, что они прибавятся к тем, что у него уже есть... словом, быть беде.

Дойдя до поворота, за которым находилась вымощенная гладким светлым камнем дорога, ведущая к банку, Flint остановился. Только сейчас я заметила, что нас покрывает легкая, похожая на вуаль тень — скрывающая магия Шатха.

Неудивительно, что нас не замечали. Я занервничала еще больше, поскольку силой теневой охотник и впрямь обладал потрясающей. Конечно, даже его возможности были безграничны, но все-таки...

Я определенно не понимала главного — на какую помощь рассчитывает Flint? Что я ему всех охранников упокою и нейтрализую защитную магию?

Мы простояли на одном месте по меньшей мере минуту, прежде чем к нам подошел невысокий, закутанный в плащ незнакомец. То, что это гном, не вызвало никаких сомнений. Лицо он прятал, похоже, исключительно из-за моего присутствия, поскольку являлся служащим Гномьего банка. Как я узнала о его работе? А кто еще мог обеспечить Flinta слепком магической ауры первого и второго контрольных пропусков?!

— Как условились, — донесся из-под капюшона глухой голос. — Магическая охрана на третьем уровне будет выведена из строя. На остальных разбирайтесь сами.

Высунувшаяся из-под плаща рука протянула Flintу две небольшие черные пластины — дорогие и сложные в исполнении, изготовить которые могли только гномы, обладающие особой сноровкой и талантом. Именно они могли помещать на такие артефакты информацию о различных магических аурах. Как раз благодаря специфике своей магии и ценным умениям гномы и сыскали славу установщиков лучших охранных систем. Соперничать с ними могли разве что гоблины, но те работали совсем по другому принципу.

И вот вам, пожалуйста! Один из гномов, явно занимающий не последнюю должность в лучшем, имеющем безупречную репутацию банке, банально слил строго секретные данные пирату! Без «покровителя» Flinta здесь явно не обошлось...

А дело-то дрянь.

Насколько мне было известно, всего перед хранилищем с осколками было выставлено пять уровней защиты. Причем каждый последующий — сильнее предыдущего. Было ясно, что первые три уровня мы преодолеем без труда.

— Пропуск настроен, войдете незамеченными, — добавил гном напоследок.

Когда он быстрыми мелкими шагами засеменял прочь, Флинт крепко обнял меня за талию, и тень вокруг нас сгустилась. Следующим местом назначения стал узкий, но с высокими потолками коридор, который находился на первом этаже банка.

Далее произошло еще два перемещения, в результате чего мы оказались в очередном коридоре, который, как я поняла, находился на подземном уровне. Коридор был пуст, хотя, по логике, здесь должны были находиться дежурные гномы.

Взяв последнюю неиспользованную пластину, Флинт провел над ней рукой, и вылетевший из нее легкий красноватый туман впитался в его ладонь, после чего пластина обратилась в пепел.

— Отойди, — велел пират, мгновенно став сосредоточенным.

Его охватило яркое свечение — точно такое же, какое я уже видела однажды, когда мы, находясь на «Черном призраке», следовали за гидрой.

По стенам прошла легкая мерцающая волна, и в дальнем конце коридора раздался щелчок, сообщающий, что путь свободен. Расстояние до двери мы преодолели быстро, а за ней оказался еще один коридор, но уже поменьше. И вот тут мне стало совсем не по себе — сложные хитросплетения магии буквально напитали воздух, заставляя его вибрировать. Здесь тоже не было охраны, но уже потому, что в ней не имелось необходимости. Используемая в качестве защиты магия гномов, переплетенная с чистой магией первого уровня, и без того являлась такой мощной, что пересечь ее без должного пропуска решился бы либо безумец, либо самоубийца. Флинт явно не принадлежал ни к той, ни к другой категории, но пройти по коридору все же собирался. Мне в это время вспомнилось, что работающие на принцессу Калисту саламандры и морская ведьма тоже неоднократно пытались пробраться в хранилище, но потерпели неудачу. Несмотря на это, слухов об их гибели не было... может, все еще обойдется?

— Вот теперь и начинается выплата твоего небольшого долга, — легкомысленным, совсем не соответствующим ситуации тоном, обратился ко мне Флинт.

Перехватив мою руку, он надел мне на палец то самое, врученное Эртаном кольцо и велел:

— А теперь топай вперед.

— Тебе говорили, что ты ненормальный? — выдохнула я, в ужасе смотря туда, куда меня заставляли идти. — Нет, я уже поняла, что на жизнь мою тебе начхать, но нельзя убить меня более гуманно?

— Знаешь, а чувство юмора тебе идет, — сыронизировал Флинт и, вновь став серьезным, несильно меня подтолкнул. — Давай, синеглазка, времени мало.

Мысленно успокоив себя тем, что так бездарно он бы мной все-таки не пожертвовал, я ступила на покрытый магической сетью пол. Да, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что магия здесь напитывала не только на стены, но еще и пол и даже потолок, превратив коридор в мощное оружие против того, кто захочет пройти без спроса.

Не слишком уверенно сделав несколько шагов, я остановилась. Магия осталась безучастна, и это подстегнуло продолжить путь, значительно ускорившись. Дойдя до двери, я остановилась, не веря, что защита действительно меня пропустила, и до меня тут же донесся голос Флинта:

— Отлично. Теперь приложи правую ладонь к двери.

Искренне не понимая, почему защита меня не трогает, я сделала то, что он просил, и боковым зрением заметила, что пират тоже коснулся ладонью стены. Свечение окутало наши руки мгновенно, по полу и стенам пробежала рябь, и спустя считанные мгновения Флинт оказался около меня. Пока он разбирался с дверью, я заметила, что кольцо на моей руке приглушенно мерцает. Возникло невероятное подозрение, что именно подаренный мне Эртаном амулет сейчас и сыграл на руку пирату, но до конца оформиться эта мысль не успела.

Дверь перед нами бесшумно отворилась, и мы вошли в следующее помещение, оказавшееся огромным залом. Здесь было очень холодно — как-никак, он находился в подземелье, — а еще сложилось впечатление, что холод источает все та же напитавшее это место магия. Из зала вело множество дверей, на которых не было ни единого замка, и каждая из них, насколько я могла судить, прятала за собой хранилище.

— Через пару минут наше вторжение обнаружат, — проговорил Флинт вслух, окидывая взглядом двери. — Нужна сто двадцать третья... идем! Тебе, моя прелесть, осталось отработать совсем немного.

Как Флинт ориентировался в этом помещении среди абсолютно одинаковых, не помеченных номерами дверей, оставалось для меня загадкой. Как и то, что он в принципе здесь оказался, да еще и втянув в эту авантюру меня.

Что-что, а банки грабить за мою насыщенную событиями жизни мне еще не доводилось!

Чувства мешались, и злость на саму себя, на то, что подставила всех, глупо попавшись в расставленные Флинтом сети, болезненно разъедала изнутри. Я ведь сама была виновата в том, что это происходило! Больше винить некого!

— Влюбленные становятся слишком легкомысленными, — когда мы оказались перед дверью, произнес Флинт. — Рей зарядил прекрасное колечко частицей своей магии, в то время как на ней же завязан доступ в хранилище. Занятный подарок мне, не находишь? Как все же хорошо, синеглазка, что ты так и не рассказала ему о своем договоре с ши.

Я прикусила язык, чтобы не высказать проклятия на саму себя вслух. Пожалела бедную-несчастную нечисть, боялась, что, узнав о Гане, Рей попросту его уничтожит. Вот и дожалелась!

Никогда бы не подумала, что основы плетения, которым пользовались ловцы, мне придется применять в пособничестве пирату. Воспользовавшись магией, Флинт создал сеть, которую набросил на дверь, а мне по его распоряжению пришлось влить в нее свою магию ундины, подкрепленную аурой кольца.

То, что произошло вслед за этим, меня на самом деле потрясло. Несмотря ни на что, я все же не до конца верила, что ему удастся проникнуть внутрь — в место, охраняемое сильной... нет, невероятно сильной магией! Но энергия, которую я ощущала от сети Флинта, просто поражала мощью, и когда дверь в хранилище, так же как и все предыдущие, бесшумно отворилась, я впала в ступор. Просто стояла, не веря, что это происходит на самом деле, и смотрела, как капитан пиратов входит внутрь...

А потом оцепенение спало. В мыслях стремглав пронеслось, что желание Флинта я исполнила и теперь не отягощена никакими обязательствами. Стоять и просто смотреть, как похищаются осколки кристалла душ, было бы самой большой из возможных глупостей, и я, призвав магию, бросилась на Флинта. В этот же момент раздался оглушительный гул, разнесшийся по всему подземелью и этажам, — наше вторжение заметили.

Я надеялась, что мне сыграет на руку элемент неожиданности. Темный, ледяной воздух сгусток, устремился к Флинту, но тот, словно только этого и ожидая, резко обернувшись, его развеял.

— Не нужно делать глупости, синеглазка, — произнес он, и в следующий момент меня охватило созданное им темно-фиолетовое пламя, не позволяющее выйти за пределы огненного круга.

Когда Флинт подошел к постаменту, на котором стояла лакированная шкатулка, я сделала попытку прорваться сквозь пламя. Оно было знакомым, рожденным темной магией, но, несмотря на это, вместо холода источало положенный огню жар — не смертельный, но достаточный, чтобы причинить боль. Призвав все имеющиеся силы, я отчаянно пыталась разрушить воздвигнутый вокруг меня контур, но тщетно. Магия Флинта явно была мне не по зубам.

В эти растянувшиеся мгновения, когда на натянутые нервы давил сигнальный гул, в моих мыслях проносилось дальнейшее развитие событий. Покинуть хранилище при сработавшей охранной системе было еще сложнее, чем проникнуть сюда, но я иллюзий не питала — Флинт наверняка все продумал. Он сумеет уйти, оставив меня здесь, и у прибывших стражей возникнет масса вопросов насчет того, как я здесь оказалась. Может быть, Эртан даже как-то уладит этот вопрос и меня отпустят, но проблем у меня однозначно прибавится. И самое противное, кроме себя винить действительно некого! Флинт — это Флинт, и было бы глупо ожидать от него благородства.

Как только шкатулка с осколками оказалась у пирата в руках, он достал небольшой стеклянный шарик и разбил его об пол. В воздух взметнулись языки черного огня, в котором я признала извечное пламя — сильнейшую магию, подвластную лишь черным саламандрам.

«Выходит, Flint действительно работает на кого-то из королевских наследников, — промелькнула мысль. — И этот кто-то, скорее всего, принц Дэрен».

Я предприняла последнюю попытку вырваться, зашипела от боли, снова отпрянула в центр круга, как вдруг окружающая меня магия внезапно исчезла. Не успела я опомниться, как Flint рывком притянул меня к себе, толкнул прямо в объятия черного пламени, и на несколько коротких мгновений мне показалось, что я сгораю заживо.

А потом я упала в жесткое кресло, ощутило приложившись локтем о подлокотник. Совершенно не понимая, что произошло и где нахожусь, резко вскочила на ноги, лихорадочно осмотрелась и не без удивления обнаружила, что меня перебросили туда же, откуда забрали, — в пещеру одного предателя-ши, которого сейчас нигде не наблюдалось.

Факт, что Flint наскреб остатки совести и не бросил меня в хранилище, успокоил не слишком. Это не отменяло того, что пирату удалось заполучить два осколка, и теперь они, приплюсованные к тем, что уже у него имелись, давали ему огромное преимущество. Да это просто катастрофа!

— Ган! — Сама не знала, что могу так рыкать. — Предательская твоя морда, сейчас же перенеси меня к корпусу!

Ши объявился спустя добрых полминуты: опасно высунулся из-за груды сундуков и, убедившись, что ничем пулять в него я не собираюсь, вышел из своего укрытия. Но близко подлетать все же не рискнул и, зависнув в воздухе на безопасном от меня расстоянии, проямлил:

— Фрид, я это...

— Именно что «это»! — подтвердила разозлившаяся я. — То самое, которое не тонет!

— Ну Фри-и-ид, — закончила нечисть, состроив несчастную мину. — Я ж не могу Flintу противостоять, за ним такая силища стоит... вот при всем желании не могу!

Сложив руки на груди, я прищурилась.

— И что за сила, которой ты так боишься?

— Не боюсь, а справедливо опасуюсь, — пошел на попятный ши и опять заныл: — Ну Фри-и-ид... да против него идти все равно что против самой Глубины!

— Ты ведь знаешь, на кого он работает? На принца Дэрена, так?

— Ну Фри-и-ид... — последовало уже закономерное. — Мне моя шкура еще дорога, чтобы о таком распространяться! И никто-то меня не жалеет, никто не любит, только бы в своих целях использовать бедного-разнесчастливого ши...

Больше терять время на мелкого притворщика я не хотела и снова потребовала, чтобы он перенес меня к корпусу. На сей раз требуемое было выполнено незамедлительно и без пререканий.

Едва оказавшись наверху скалы, я бегом поспешила в главное крыло, где надеялась застать если не адмирала, то хотя бы кого-нибудь из капитанов. Но уже на подходе стало понятно, что они в курсе случившегося и без меня: все капитаны стояли у главного входа и, не сдерживаясь в выражениях, обсуждали похищение осколков. Притормозив, я прислушалась и из их слов поняла, что Эртан уже перенесся в банк.

— Как такое возможно? — со смесью недоумения и злости высказался капитан Вагхан. — Там такая защита, такая магия задействована! Адмирал лично завязал ее на своей энергии и крови! Да что адмирал — сам король сыграл в ее установке не последнюю роль!

Я с силой сжала кулаки, как никогда отчетливо ощущая тиски обхватившего указательный палец кольца.

— Опоздали. — Капитан Диатей был сдержан в эмоциях. — Следовало перенести осколки в Нортегару еще вчера, как и собирались, а не откладывать до сегодняшнего вечера. Тогда Flintу вместо трех осколков досталась бы лишь пустая шкатулка.

— Кто же знал, что он сумеет так легко пробраться в хранилище? — Капитан Вагхан пребывал в ярости. — Проклятая Глубина, у него теперь целых пять осколков! Два у некроманта... мы обязаны получить последний!

«Целых пять осколков?» — эхом пронеслось у меня в голове.

— Пять? — произвольно спросила я вслух, и когда ко мне обратились взгляды капитанов, уже осознанно спросила: — Разве в банке их было три, а не два?

Мужчины переглянулись, после чего капитан Вагхан, чуть помедлив, ответил:

— Адмирал Рей день назад поместил в хранилище еще один осколок. Откуда тот у него появился — неизвестно.

У меня были некоторые предположения на этот счет, но сейчас они являлись несущественными. Все стало еще хуже... пять осколков в одних руках, это ведь ужасно! И еще два у Тайлеса... Что-то мне подсказывало: долго такой расклад не продлится — эти двое перегрызутся между собой, и неизвестно, кто выйдет победителем. Как бы то ни было, капитан Вагхан прав — последний осколок должен оказаться у нас, иначе положение окончательно станет катастрофическим.

Чувствуя невероятную вину, я очень хотела рассказать капитанам все, что знала о совершенной Флинтгом краже, но понимала, что делать этого не стоит, так как объяснить им причины своего пособничества пирату не смогу. Оставалось держать все в себе и дожидаться возвращения Эртана или же...

— Мне срочно нужно видеть адмирала! — отбросив нерешительность, я выбрала «или». — Прошу позволения взять летуна и отправиться в город. Это очень важно!

Я подумала, что если расскажу все сейчас, то у Эртана будет возможность отследить перемещение Флинта, совершенное с помощью извечного огня. Кроме того, может появиться шанс поймать помогавшего ему гнома. Да и вообще, даже если мои слова окажутся бесполезными, сидеть сложа руки все равно не смогу!

— Исключено! — не терпящим возражений тоном отрезал капитан Вагхан. — Вы останетесь здесь, под защитой корпуса. Идите в свою комнату. Когда вернется адмирал, вам сообщат.

— Но я...

— Ловец Талмор! — Капитан гневно сверкнул глазами и отчеканил: — Марш в свою комнату! Спорить с ним было себе дороже, особенно теперь, когда он пребывал в таком взвинченном состоянии. Остальные капитаны его поддержали, и я, чеканя шаг, направилась к жилому корпусу. Шла привычным маршрутом, чувствуя несколько пристальных, прожигающих спину взглядов, а когда свернула за поворот и эти взгляды исчезли, резко сменила направление. Осмотревшись и убедившись, что никто меня не заметит, я помчалась в сторону ангаров. Смотритель летунов мирно дремал на деревянной скамье, укрывшись теплым тулупом, и его громкий храп заглушал периодические фыркания грифонов. Входя внутрь, я наравне с другими одолевающими меня чувствами испытывала еще и ужасный стыд, что не нашла времени заглянуть сюда раньше. Свою милую келпи не видела уже несколько недель и после возвращения даже не удосужилась улучшить минутку, чтобы с ней повидаться.

— Тень, девочка, — заметив черную лошадку, я не сдержала улыбки. — Ну, привет, моя хорошая.

Яркие голубые глаза воззрились на меня с укоризной и недовольством, и Тень имела на это полное право. Демонстративно фыркнув, она отвернулась и гордо вскинула голову.

— Ну, прости, пожалуйста, что не заходила, — покаянно попросила я. — Ты же знаешь, меня не было в корпусе долгое время, а сегодня совсем закружилась... Обязательно загляну к тебе попозже, обещаю. Сейчас мне нужно в город, а ты, к сожалению, летать не можешь.

— Зачем тебе в город? — внезапно раздалось позади меня. — И где ты пропадала после тренировки?

Обернувшись, я наткнулась на неслышно приблизившегося ко мне Косичку.

— Банк грабила, — вздохнув, честно призналась я.

— Очень смешно.

— А я и не шучу, — положив руки ему на плечи, жалобно на него посмотрела. — Тэйн, пожалуйста, мне необходимо сейчас же встретиться с адмиралом!

Выражение его лица с обеспокоенного сменилось на недоверчивое, затем недоуменное и в конце концов потрясенное. Он смотрел мне в глаза несколько долгих мгновений, после чего тоже положил руки мне на плечи и, несильно встряхнув, хрипло спросил:

— Ты сделала... что?

— Не по своей воле. — Оправдание звучало так себе. — Тэйн, пожалуйста, просто помоги мне увидеться с Эртаном!

От волнения я даже не обратила внимания, что назвала адмирала по имени, да и сам Тэйн сейчас вряд ли это заметил. Он медлил еще некоторое время, не выпуская меня из цепкой хватки, а затем резко отпустил и пошел в соседнее стойло.

— Ладно, — бросил на ходу. — Надо так надо. Помогу.

Еще никогда в жизни мне так не хотелось расцеловать этого во всех отношениях замечательного, прекрасного и неповторимого ундина!

Прошло всего несколько минут, и мы, восседая на спине оседланного грифона, рассекали ночное небо. Я уже и забыла, каково это — парить над ночным Сумеречьем, и при иных обстоятельствах сполна насладились бы этим захватывающим дух полетом. Обычно Тэйн был немногословен, но не сегодня. С момента взлета и до самого приземления он задавал вопросы, на которые мне приходилось отвечать. Он был единственным, помимо Эртана, кому я не только полностью доверяла, но и с кем могла обсудить все, что творилось на душе. Поэтому я рассказывала без утайки и о своих приключениях на Сумеречной Жемчужине, и о темной магии, и о том, почему помогла Флинту украсть осколки. Как ни странно, упреков в свой адрес не услышала. Тэйн лишь заметил, что Флинт — хитрый бывалый пират, и нет ничего удивительного в том, что я со своей неопытностью и наивным взглядом на мир попала в расставленные им сети. За последнее время во мне многое изменилось, и вряд ли меня теперь можно было считать такой уж наивной, но спорить я не стала.

Когда мы приземлялись на улице Двух Золотых, у Гномьего банка было подозрительно тихо. Ничто не говорило о том, что внутри царит переполох, — вероятно, хотели сохранить пропажу осколков в тайне как можно дольше.

В банк нас пропускать не спешили, что было вполне ожидаемо. Зато когда Тэйн непрозрачно намекнул, что гномам бы с таким же энтузиазмом задерживать грабителей, а не ловцов Морского корпуса, у которых срочное дело к адмиралу Рею, пропустили как миленькие. Стоило переступить порог, как по ушам резанул громкий шум. Как и предполагалось, внутри царил полнейший хаос: обычно педантичные и медлительные гномы носились туда-сюда, заполняли какие-то бумаги и отвечали на вопросы стражей. Среди присутствующих я заметила и следователя Шейна, выделяющегося на общем фоне зеленой шевелюрой, и своего знакомого стража Нэрвиса. К последнему тут же захотелось подойти, но я вовремя себя одернула.

— Держись позади и не отвечивай, — велел мне Тэйн.

Попадаться на глаза блюстителям правопорядка я и сама не горела большим желанием, поэтому, опустив голову, послушно шла позади. Хотя местный следователь и приходился Эртану приятелем, сталкиваться с ним не хотелось.

— Старший ловец второго отряда Морского корпуса, — представился Тэйн, подойдя к стоящему неподалеку работнику банка. — У меня важное дело к адмиралу Рею, подскажите, где я могу его найти.

— Адмирал в нижних хранилищах. — Гном нервно поправил очки. — Доступ туда закрыт. Судя по виду, Тэйн собирался еще раз непрозрачно намекнуть на то, что охранять хранилища нужно было раньше, но тут в поле зрения неожиданно появился тот, кого мы искали. Адмирал Рей шел в окружении незнакомых мне людей — кажется, магов, — и выглядел поистине устрашающе. Я уже давно перестала его бояться, но сейчас непроизвольно вздрогнула, ощутив исходящую от него мощную энергию. Руку Эртана покрывала темная чешуя, красноречиво говорящая о недавнем использовании магии.

— Жди здесь, — бросил направившийся к нему Тэйн, и я в очередной раз послушалась.

Все были слишком заняты, чтобы обращать внимание на мою персону, и это было как нельзя кстати. Стоя в тени колонны, я наблюдала, как Косичка подходит к адмиралу, что-то ему говорит, и тот коротко кивает. Проходит пара секунд — и на непроницаемом лице Эртана проступает смесь изумления и взволнованности, а через миг я ловлю его горящий взгляд. Ситуация до смешного напоминала ту, что происходила пару месяцев назад. В тот раз мы тоже находились в банке, только в соседнем, и причиной этому служила совершенная Флинтом кража осколков. Кто бы мне тогда сказал, что через небольшой промежуток времени это повторится с той лишь разницей, что я сама стану к этому причастна...

Эртан подошел ко мне и, не говоря ни слова, вывел на улицу, где мы остановились неподалеку от крыльца. Судя по колебаниям воздуха и легким, почти незаметным переливам, он окружил нас непроницаемым барьером.

— Будь добра, объясни, что ты здесь делаешь? — ровно спросил Эртан, но показное спокойствие долго не продлилось. — Фрида, у меня сейчас и без того полно проблем! Ты ведешь себя глупо и беспечно, являясь в банк, когда здесь собралось столько стражей и прибывших из столицы магов! Хоть понимаешь, как тебе повезло, что никто из них не обратил на тебя внимания и не узнал?!

Не выдержав его взгляда, я опустила глаза и негромко, но отчетливо произнесла:

— Это я помогла Флинту украсть осколки.

— Назови мне хоть одну вменяемую причину, по которой ты...

Он резко осекся и, точь-в-точь воспроизводя недавнюю реакцию Тэйна, переспросил:

— Что?

Я повторила сказанное, а затем рассказала все от начала и до конца. Спокойно, обстоятельно, бесстрастно. И, только закончив, ощутила сотрясающую тело мелкую дрожь. Мне было так стыдно и обидно, что хотелось немедленно провалиться под землю. Исчезнуть, раствориться, только бы не чувствовать этой ужасной вины. Пусть я действовала вынужденно и без злого умысла, важен лишь итог.

Повисшее молчание убивало. Неизвестность давила на нервы, и, не выдержав, я подняла глаза. Посмотрев в лицо Эртана, машинально отшатнулась, увидев на нем такую ярость, какой не видела прежде никогда. Черная чешуя теперь покрывала не только руку, но и всю правую часть лица, шею, а правый глаз стал абсолютно бесцветным и сияющим — зрачок слился с белком, и смотрелось это действительно устрашающе.

— Э-эртан? — Голос предательски дрогнул.

Меня окатило сумасшедшим потоком силы, подхватившей шарф и пряди волос. Стоящий передо мной морской демон сжал кулаки и прикрыл глаза в явном намерении успокоиться и вернуть над собой контроль.

— Понимаю, что слова ничего не изменят, но я правда очень сожалею, — проговорила все так же негромко. — Ты имеешь полное право на меня злиться, ведь я опять все испортила...

— Я злюсь не на тебя, — внезапно прозвучал голос Эртана. — На Флинта — за то, что посмел причинить тебе боль. Но в первую очередь — на себя. Это я снова не сумел уберечь ни тебя, ни осколки. Отвратительный из меня защитник и адмирал...

Я просто не верила своим ушам. Он винил не меня, не даже Флинта... а себя?

Подкравшийся было страх мгновенно схлынул, и меня накрыло сносящей все на своем пути волной, подтолкнувшей броситься прямо к нему. Сжать в объятиях, вынуждая открыть глаза и посмотреть на меня. Чтобы потом, глядя в эти нереальные, принадлежащие настоящему морскому демону глаза, на одном дыхании произнести:

— Глубина и Поднебесье, да ты самый невероятный из всех, кого мне только доводилось знать!

Ты исполняешь столько обязанностей, сколько не смог бы никто другой! В тебе столько благородства, мужества и чести, что хватит на все наше погрязшее во тьме королевство! Ты обладаешь темной магией, но света в тебе столько, что он способен вернуть самую заплутавшую душу! Можешь кричать на меня, высказывать недовольство моей безответственностью, на что имеешь полное право, но не смей — слышишь? — не смей в чем-то упрекать себя! Без тебя уже давно не было бы меня, и это вовсе не фигура речи! И я... — Волна достигла апогея, заставляя меня выплеснуть то, что так долго копилось в душе: — Я люблю тебя, Эртан Рей, адмирал королевского морского флота! Люблю так, как не любила и не полюбила больше никого...

Вновь воцарившуюся тишину нарушило только мое сбивчивое дыхание. Мы стояли, неотрывно глядя друг другу в глаза. Не знаю, что он видел в моих, но в его отражались звездное небо и бушующая морская стихия, какая теперь была вызвана не яростью, а моими словами.

Чешуя медленно исчезала, но прежде, чем успела покинуть его лицо, Эртан вдруг накрыл мои губы своими. И было в этом столько отчаяния, столько страсти, нежности и еще множества не нуждающихся в озвучивании чувств, что я забыла обо всем. Это было наваждением, сумасшествием, но весь мир с его правилами, проблемами и заботами в эти моменты канул в Глубину. Моя магия откликнулась на его, и они переплетались в изящные прочные кружева, подобные тем, какие соединяют тело и душу. Он стал для меня всем, я для него — многим. И сейчас его губы лучше всяких слов отвечали на мое признание...

ГЛАВА 21

Стоя у входа в сто двадцать третье хранилище, чувства я испытывала смешанные. Все же в моем импульсивном решении прийти в банк имелся смысл — узнав, что для ухода Флинт

воспользовался заключенным в артефакт извечным пламенем, Эртан предпринял попытку отследить его перемещение. Как и ожидалось, сделать этого ему не удалось, зато по остаточной энергии получилось выяснить, кому это извечное пламя принадлежало.

Услышав подтверждение своей догадки, я только вздохнула. Зато Эртан, получив весомое доказательство вины Дэрена, остался доволен. Теперь ему было что предъявить королю при обвинении принца. Правда, это не отменяло того, что Эртана ожидали последствия утери осколков. Он намеревался взять всю вину на себя, умолчав о моей причастности к этой истории, и самое поганое заключалось в том, что поделаться я ничего не могла.

Попутно Эртан ответил на мой вопрос о том, как в банк попал еще один осколок. Оказалось, этому способствовала принцесса Линария. Она выдала место, где держала свой осколок Калиста, и помогла Эртану его забрать. Мотивы сиффы все еще не были до конца ясны, но, как бы то ни было, она существенно повлияла на теперешний расклад. Действуя заодно с нами, она одновременно сыграла и против нас, вот только умышленно или нет — оставалось загадкой. Я же склонялась к тому, что она не имела двойного умысла и действительно хотела помочь. Ну а в том, что Флинт завладел злополучными осколками, были виноваты мы все.

Следом за осмотром хранилища Эртан еще раз исследовал остаточную магию на взломанной двери. В какой-то момент его и без того сосредоточенное лицо словно окаменело. Замерев, он положил ладони на гладкий металл и ненадолго закрыл глаза.

— Здесь есть что-то еще, — спустя некоторое время произнес он. — Извечный огонь, кроме как для ухода, Флинт больше нигде не использовал. Магию самого Флинта я знаю. И либо за минувшие годы он сумел удивительным образом ее преобразовать, либо...

— Адмирал Рей, — оборвал его подошедший к нам страж. — Прошу прощения, но это срочно. Вызов на нулевом этаже.

В настоящий момент у хранилища находились только мы, пара стражей и следователь Шейн, заботам которого Эртан меня и препоручил. Тем не менее наверх мы поднялись все вместе, и я, держась близ господина Шейна, проследовала вместе с ним за адмиралом, направившимся в какой-то кабинет. Там находились еще несколько стражей и маг, который, насколько я успела понять, входил в число тех, кому Эртан доверял. Вообще-то адмирал хотел отправить меня обратно в корпус сразу после нашего разговора на улице, но я убедила его повременить. Сейчас меня покрывал легкий, установленный им барьер, который не мог скрыть мое присутствие так же надежно, как тень Шатха, но все-таки помогал не привлекать внимания.

— Повышенная активность близ Сумеречной Жемчужины, — отчитался перед адмиралом прибывший маг. — Есть все основания полагать, что последний осколок наконец появляется. Для меня новость была сродни в один миг обрушившемуся на голову цунами. Хотя я и знала, что это может произойти в любой момент, все равно оказалась не готова. Зато Эртан отреагировал, как и полагается адмиралу королевского морского флота. Спокойно восприняв новость, он отдал распоряжение переправить к месту предположительного появления осколка часть столичной флотилии и перекрыть доступ посторонним. Под «посторонними» негласно подразумевались пираты, морские ведьмы, черные саламандры, некроманты и иже с ними. Хотя один некромант в их число все же не входил. И этим некромантом была я.

Откровенно говоря, я ожидала, что Эртан снова решит отправить меня отсиживаться в безопасном корпусе и на этот раз намерение все-таки осуществит, но он принял другое решение. Сейчас на кону стояло буквально все, и мое присутствие близ проявляющегося осколка могло сыграть нам на руку. Именно поэтому я и отправилась в воды Сумеречной Жемчужины вместе с ним.

Но прежде Эртан выпроводил всех из кабинета и, когда мы остались наедине, подошел ко мне, взял мое лицо в ладони и посмотрел с непередаваемой смесью решимости, уверенности и заботы:

— Все будет хорошо, Фрида. Доверься мне.

— Я и так, не задумываясь, доверяю тебе свою жизнь. — Я улыбнулась, глядя в родные прозрачно-голубые глаза. — И ты верь мне, Эртан. Я сделаю все возможное, чтобы исполнить свой долг и не допустить воссоздания кристалла душ.

Ободряюще сжав мою руку, он запечатлел на моих губах короткий поцелуй и призвал потерянную душу, образовавшую знакомый белесый проем. Войдя в него, мы оказались на корабле, бороздящем открытое море.

Брошенная прямо в эпицентр слаженной командной работы, я, к собственному удивлению, сориентировалась моментально, поняв, что стою на палубе «Эстрелии» — одного из лучших бригав королевского флота. Прежде я видела только его миниатюрную копию, по которой в дальнейшем он и был сконструирован. «Эстрелия» была разработана самим адмиралом, славилась своей быстроходностью и мощной артиллерией, а также сильными, привязанными к ней подчиненными душами.

Никто из находящихся на корабле ловцов не был мне знаком — все они входили в отряд столичного корпуса. Судно покрывал сильнейший барьер, не позволяющий воде заливать палубу и отгоняющий потерянных душ. А отгонять действительно было кого!

Вокруг творилось какое-то безумие: большие темные волны, словно нарочно желающие опрокинуть качающийся на них корабль, странное соседство мокрого снега и плотного тумана, из которого то и дело выныривали вопиющие потерянные. Их было слишком, просто нереально много! За все рейды я не видела столько разом — даже в подводной пещере, когда там появлялся предпоследний осколок! Да и вели себя души не как обычно: с остервенением бросались прямо на барьер, с шипением отскакивали и тут же возвращались, атакая с новыми силами. Их шипению вторили пронзительные вопли русалок, буквально заполонившие все море, и громкий плеск волн.

Все это я отмечала попутно, в то время как Эртан вел меня на нос корабля, где в окружении пары ловцов стоял капитан. Насколько мне было известно, этот отряд, несмотря на свою причастность к королевскому флоту, больше был предан адмиралу, чем непосредственно королю. Слухи об этом ходили в нашем корпусе, а сейчас я предположила, что нахожусь именно среди этих ловцов, поскольку переносить меня к безоговорочным почитателям короля Эртан бы точно не стал.

В этот момент мне почему-то вспомнились однажды сказанные Флинтом слова: «Рей верно служит королю. Если получит приказ, он его исполнит».

Наверное, когда-то так оно и было, но теперь все изменилось. Было несколько странно сознавать, что данные королю клятвы Эртан нарушает ради меня. Пожалуй, отсюда и рождается вопрос: в чем истинная честь и благородство? Быть верным долгу, предавая при этом совесть, или поступиться должностной клятвой во имя того, что считаешь правильным?

Даже если бы речь шла не о нас с Эртаном, я бы выбрала второй вариант.

— Лорд Гвор? — вслух удивилась я, увидев, что один из стоящих около капитана ловцов мне знаком.

Лишь присмотревшись внимательнее, заметила, что форма, надетая на старшего брата Крилл, при всей схожести с формой ловцов, все же несколько от нее отличается.

— Джакен? — судя по тону, Эртан тоже был немного удивлен.

— Так и знал, что ты приведешь девушку сюда, — взглянув на меня, покачал головой тот. — Эртан, ситуация неоднозначная. Король созвал совет магов, некоторые из них уже направляются на место. Пяти отрядам отдан высочайший приказ задержать ловца Талмор и доставить в королевский дворец. Если понадобится, им дозволено оказывать сопротивление остальным отрядам и... вышестоящим лицам.

Не требовалось долго думать, чтобы понять, кто подразумевался под этими «вышестоящими лицами».

— Полагаю, будет лучше, если ты переместишь Фриду в корпус Сумеречья, — продолжил Джакен. — По крайней мере, там первоклассная защита, гарантирующая ей относительную безопасность.

— Относительную? — Тон Эртана остался ровным, но я уловила в нем не предвещающие ничего хорошего нотки. — Стены корпуса — не панацея. Фрида будет находиться подле меня, только так ее безопасность станет не относительной, а полной. Кроме того, ловец Талмор окажет нам помощь в захвате последнего осколка — в этом состоит наша первостепенная задача, о которой его величество, похоже, забыл.

Сказать, что я была благодарна, — это не сказать ровным счетом ничего. Благодарна за то, что Эртан действительно верил в меня. Оставлял рядом с собой не только из соображений защиты, но и потому что намеревался дать возможность проявить себя. Сделать то, что обязан делать каждый принесящий клятву ловец, — защищать королевство. А сейчас, чтобы его защитить, требовалось во что бы то ни стало заполучить последний осколок.

— Вас понял, адмирал Рей, — кивнул лорд Гвор, перейдя на официальный тон.

— Благодарю за известия, Джакен. — Эртан тронул его за плечо. — И спасибо за то, что остаешься со мной даже сейчас.

Тот усмехнулся:

— Ну а для чего еще нужны друзья? К тому же это меньшее, что я могу сделать в ответ на то, сколько для моей семьи сделал ты.

Их разговор прервал капитан, сообщивший, что мы почти прибыли. Последний осколок проявлялся в окрестностях Сумеречной Жемчужины, от которой в настоящий момент мы находились неподалеку. Конечно, можно было сразу отправиться к гроту, на который указал жрец Лайара, но сперва требовалось все проверить, чтобы узнать наверняка.

Крики русалок становились все громче — море здесь ими просто кишело, равно как и сходящими с ума потерянными душами. Туман, как назло, стал еще плотнее, и сквозь него можно было увидеть что-либо разве что на расстоянии вытянутой руки. Впрочем, эта проблема вскоре была решена использовавшим магию адмиралом. Он же укрепил воздвигнутый вокруг корабля барьер, надежно защищающий нас от сторонних угроз. Как только туман более или менее рассеялся, стали различимы другие корабли, ненамного от нас отстающие и тоже принадлежащие морскому флоту.

— Полагаю, пора начинать, — собравшись с мыслями, произнесла я.

Я не собиралась дожидаться, пока кто-нибудь другой отыщет осколок, и намеревалась сделать это первой. Ундина особых кровей, последняя из рода тех, кто уничтожил кристалл душ, — главный козырь в нынешней борьбе. И этот козырь сейчас на нашей стороне. И этот козырь — я сама.

Я просто обязана сделать все от меня зависящее, чтобы выиграть. Даже если козырь долгое время был всего лишь пешкой, а играть придется против правящей верхушки королевства. Подойдя к борту, замерла, вглядываясь в туманную даль. Темнота сгустилась, обступила со всех сторон, но не могла подобраться слишком близко из-за окружающих корабли магических огней. Меня никто не тревожил — не подходил ближе, чем на расстояние пары шагов, и не звал, позволяя сосредоточиться. Даже присутствие Эртана сейчас мешало бы, и он это понимал. Легенды не умирают. Всегда есть те, кто помнит о них, носит в себе и умеет рассказать. Я не только помнила, но и была частью одной из самых известных легенд. Если бы только мне — тогда еще маленькой одинокой девочке кто-нибудь рассказал, чем обернется желание получить шанс на лучшую жизнь, что бы я выбрала? Если бы знала, что я — изменившаяся, повзрослевшая, но все в том же старом красном шарфике буду стоять на борту лучшего брига королевского флота, участвуя в самой невероятной судьбоносной игре, поверила бы я тогда? Захотела бы этого? Или спряталась обратно в неказистую, но такую уютную и спокойную раковину?

Мысли перекрещивались, накатывали одна на другую, точно плавный морской прибой, и помогали погрузиться в себя. Маги могли вычислить примерное месторасположение осколка, но пока он только-только дал о себе знать. В прошлый раз, когда мы плыли к подводной пещере, ловцы сплетали поисковые сети, по которым его и отыскивали. Но сейчас ситуацию усугубляли вездесущие русалки, беспокойно мутящие воду и препятствующие любой лежащейся на воду магии.

Я изначально не понимала, почему они ведут себя так странно. А потом до меня донесся обрывок разговора, в котором звучало предположение, что они действуют так не из-за собственной блажи. Ими кто-то управляет.

Дикие русалки — создания Глубины. Сумеречная Жемчужина — забытое поднебесным место. Идеальные условия для тех, кто обладает темной магией.

С трудностями я столкнулась сразу же, как только попыталась отследить место появления осколка. И возникли они именно из-за магии ундин, которая, в сущности, черпала энергию из Поднебесья. Я даже представить не могла, каким образом здесь работают ловцы-альвы, ундины и все те, в ком отсутствует хотя бы крупница Глубины.

Внутреннее чутье упорно молчало, и тогда я решила идти другим путем. Продолжая прислушиваться к себе и пытаться прочувствовать окружающий мир как ундина, вплела в самоощущение некромантию. Это было сложно сформулировать, сложно объяснить словами даже самой себе, но я как будто смотрела внутренним зрением — обеими сторонами своей магии. Перед закрытыми глазами стояла темная пелена, в которой мне чудились всполохи бледно-голубого света — то приближающегося, то удаляющегося, дразнящего и не

позволяющего себя ухватить. Казалось, протяни руку — и возьмешь, но свет всякий раз ускользал.

Постепенно окружающие звуки смолкли, и я словно погрузилась в непроницаемый, поглощающий все постороннее кокон. В какой-то момент даже перестала ощущать себя собой, превратившись в сосредоточение чистой магии, стремящейся отыскать магию другую, родственную ей.

Отдельные сгустки света объединялись, превращаясь в тонкую зыбкую нить. Она тянулась вперед, сворачивала на запад, петляла, снова не позволяя угадать нужный маршрут. А потом все изменилось — изо всех сил устремившись за нитью, я ухватилась за хвост летящего света, и перед закрытыми глазами пронеслись картины голых скал, волны, лижущие подножия валунов, полоска укрытого водорослями берега и сирены, расчесывающие длинные волосы...

— Скалы Забвения, — прошептала я, не слыша собственных слов.

Грудь сдавило болезненным холодом, и мир пошатнулся, хотя на самом деле пошатнулась я сама.

— Фрида... — донеслось до меня издали, чтобы затем прозвучать уже громче: — Фрида!

Открыв глаза, я обнаружила, что стою, практически перевесившись через борт. Рядом ожидаемо оказался Эртан, на лице которого проступила неподдельная тревога.

— Осколок появляется в скалах Забвения, — повторила я. — И скалы снова сменили местоположение. Не уверена, что смогу показать точно, но нужно взять курс на запад...

Большого от меня не требовалось. Убедившись, что я в состоянии стоять на ногах, Эртан принялся отдавать распоряжения и, к всеобщему удивлению, включая мое, велел ловцам прекратить свою работу. То же касалось и капитана, и вообще всех, кто находился на судне, даже потерянных душ.

А потом случилось то, что — я была уверена — станет еще одной легендой, которую будут передавать из уст в уста, чем бы ни закончилась эта безумная ночь.

Безусловно, морские демоны были способны на многое. Никто не сомневался, что эти маги первой ступени, умеющие держать потерянных душ в личном подчинении, обладают невероятным запасом силы. Адмирал Рей мог перемещаться в пространстве, используя подчиненные души, и переносить с собой других... но, честное слово, у меня и в мыслях не было, что он способен на такое! Такое... невероятное и, казалось бы, невозможное!

Вновь заняв место на носу корабля, он застыл — лишь его светлые волосы, контрастирующие с темным небом, развевались на шальном ветру. Когда-то я заметила некоторое внешнее сходство между Эртаном и Таггаром — первым в истории ловцом. Тогда я не придавала этому особого значения, а сейчас невольно отметила, что они действительно невероятно похожи. Замерев, адмирал напомнил одну из тех внушительных статуй, что были воздвигнуты в память о великом маге.

Он не делал ни малейших движений, но его постепенно охватывал светящийся ореол. Сперва бледный и тусклый, белесый свет стремительно набирал яркость и вот уже стал практически слепящим. Словно маяк, указывающий путь, он прорезал темноту, перекрывая даже парящие магические огни. Изначально сосредоточенный вокруг Эртана, он постепенно разрастался, распространялся по палубе, окутывал реи и мачты, заполнял даже самые отдаленные уголки и покрывал корабль подобно мощному, искрящемуся силой барьеру. И искры действительно были — белые и ярко-голубые, они разлетались в разные стороны, заставляя атакующие потерянные души разлетаться, а истошно кричащих русалок — отплывать подальше.

Созданный адмиралом свет перекрыв даже им же воздвигнутый вокруг корабля барьер, и «Эстрелия» оказалась окутана невероятной красоты сияющим куполом.

Переведя взгляд на адмирала Рея, которого в этот момент даже мысленно не получалось назвать по имени, я увидела, как он отводит одну руку в сторону. Во всем его облике сквозило что-то нереально сильное, нечеловеческое, пробирающее до дрожи и заставляющее ноги слабеть. С кончиков увенчанных когтями пальцев сорвались огромные клочья белого тумана, и только сейчас, в этот самый миг я поняла, что он собрался сделать.

И испытала искреннее потрясение, в чем оказалась не одинока. Боковым зрением машинально отметила, что многие ловцы стоят, буквально открыв рты, и с какой-то гремучей смесью ужаса и благоговения наблюдают за происходящим. Похоже, прежде подчиненные такого фокуса в исполнении своего главнокомандующего не видели.

Подчиненные адмиралу души вдруг появились все разом, срослись в нечто единое и, слившись со светом, окружили корабль. Все они — эта личная, подчиняющаяся лишь адмиралу армия — образовали собой огромный, затянувший «Эстрелию» проем.

На короткое мгновение показалось, что все пространство заволок непроницаемый туман, а после, когда вернулась ясность зрения, пейзаж изменился. Рассекая волны, наше судно шло прямо на скалы Забвения, до которых было буквально подать рукой!

Адмирал Рей не только вычислил нынешнее местоположение скал, но и перенес к ним целое судно со всеми, кто находился на борту! Сейчас он казался мне именно адмиралом Реем, в сравнении с которым я невольно начинала чувствовать себя всего лишь девчонкой из Слезных трущоб. Он — маг невероятной силы, в чьем облике сейчас проступили черты морского демона, казался недостижимым, ужасающим и завораживающе прекрасным одновременно.

Мое оцепенение длилось недолго. Тряхнув головой, я заставила себя отбросить посторонние мысли. В следующие несколько секунд подчиненные души исчезли. Как исчез и свет, не оставив после себя и следа. А Эртан — теперь уже я могла называть его по имени — так и остался стоять на носу величественного, им же сконструированного судна, глядя прямо перед собой. Вскоре около него вновь встали капитан с лордом Гвором, и, лишь немного поколебавшись, я тоже заняла место рядом с ними.

Открывшийся взгляду вид был точно таким, каким я недавно его увидела: берег, туманная мгла и сидящие на скалах сирены. Вот только существовал один нюанс, который я почувствовала сразу, но осмыслила лишь спустя несколько минут.

Скалы Забвения сами по себе являлись местом, источающим особую, ни с чем не сравнимую магию. Кроме того, сейчас здесь появлялся кристалл душ, что тоже влияло на магический фон. Но за всем этим я уловила едва-едва различимые отголоски хорошо знакомой, холодной и, в общем-то, родной магии. Некромантии.

Я не была уверена на сто процентов, возможно, мне это только казалось, но свои подозрения незамедлительно высказала вслух.

— Было бы удивительно, не приди сюда Тайлес, — заметил адмирал, который сейчас выглядел гораздо бледнее обычного. — Вряд ли ты ошибаешься, Фрида. Вероятно, мы прибыли сюда не первыми.

Вот только каким образом? Если Тайлес действительно нас опередил, то как ему это удалось? Вся магия, все поисковые сети и амулеты сейчас указывали на прибрежную линию моря у Сумеречной Жемчужины. При всей своей силе мой таинственный «папочка» не мог так тонко чувствовать осколок, чтобы оказаться у скал в кратчайший срок. Приди он вслед за нами, я бы не удивилась, но он пришел первым. Никто не может четко ощущать осколки кристалла душ, кроме расколовших его ундин...

— Неужели... — невнятно проговорила я, осененная внезапной догадкой.

Практически вся сила рода была сосредоточена во мне как в последней наследнице. Но ключевое слово — практически.

— Что? — нарушил ход моих мыслей лорд Гвор. — Договаривайте, Фрида.

— Есть еще одна ундина, унаследовавшая особую кровь. И в прошлом она уже помогала Тайлесу. — Я облизала пересохшие соленые губы и обвела взглядом стоящих рядом мужчин. — Леди Аэлина Лавьет. Моя мать.

Справедливость такого предположения признали все, но, как бы то ни было, в первую очередь нас сейчас интересовал осколок. Фееричное исчезновение «Эстрелии» не могло остаться незамеченным, так что, отследив остаточную магию, вскоре здесь могли оказаться остальные. Попасть к скалам Забвения далеко не просто, так что вряд ли сюда доберется большинство кораблей. А вот вездесущий «Черный призрак» — вполне.

— Нам нужно на сушу, — взглядываясь в скалы, сообщила я. — Он где-то там.

Бросив якорь у берега, часть ловцов стала рассаживаться в шлюпки, и мы с Эртаном оказались в одной из них. Пока плыли до берега, я еще раз обратила внимание на то, что выглядит он, мягко говоря, не очень. Чрезмерная белизна кожи, темные круги под глазами и проступившая не только на руке, но и на лице чешуя указывали на чрезмерный расход сил. И неудивительно, после такого-то...

Когда мы ступили на сушу, сирен сдуло, точно ветром. До меня еще донеслись недовольные фразы вроде: «Совсем обнаглели», «Устроили здесь проходной двор», «Мало было пиратов, теперь еще чистоплюи королевские таскаются» — и все в таком же духе. Тут же вспомнились

привязанные к моей комнате в корпусе потерянные души, некогда бывшие сиренами, и я невольно усмеялась. Видимо, у них всех характеры похожи.

На тонкой полосе суши гулял шальной ветер, оставшийся позади корабль раскачивало на волнах, которые хотя и были большими, но все-таки не настолько, как у Сумеречной Жемчужины. И это было странно. Если русалки и потерянные души проявляли активность из-за осколка, то почему там, а не здесь? Почему скалы Забвения выглядят такими спокойными? Только лишь потому, что это место всегда существует само по себе, словно бы в отдельном мире?

— Где-то здесь, — остановившись около двух напирющих друг на друга, будто бы сросшихся валунов, проговорила я. — Но он... не знаю, как объяснить. Свет тусклый. Чувство, что до полного проявления еще далеко.

Мужчины напряглись. Впрочем, напряжение не покидало никого из нас с того момента, как мы сели в шлюпки.

— Держись около меня, никуда не отходи, — велел Эртан, и я с удовольствием послушалась. Мысль о том, что где-то здесь, скорее всего, находятся мои родственнички, заставляла нервничать. Стоило подумать о Тайлесе, как в памяти всплывал образ приемного отца — безучастного, с ничего не выражающим, направленным в пустоту взглядом. И это наряду с нервозностью порождало в душе холодную злость. Да, холодную. Я давно поняла, что истинная злость и ярость не обжигают, они наполняют сердце колючим ядовитым льдом.

Ловцы разбрелись по всей суше, некоторые, не сходя на берег, обогнули скалы и оказались с другой стороны скал. Мы же остались стоять у тех валунов, на которые я указала. Присутствие осколка ощущалось очень смутно, и я испытывала некоторые сомнения в его местоположении. Нет, в том, что он появится именно в скалах Забвения, не сомневалась ничуть, а вот насчет валунов...

Время шло, а царящее вокруг спокойствие продолжало настораживать. В какой-то момент стоять на одном месте надоело, и я принялась на этом месте сидеть. Просто опустилась прямо на влажный песок и прислонилась спиной к валуну. Чтобы не тратить времени попусту, еще несколько раз прислушивалась к себе, пытаюсь уловить энергию осколка, но ничего не менялось. И это настораживало не меньше, а, возможно, даже больше тишины.

— Лорд Гвор, я могу спросить? — когда молчание стало утомлять, обратилась к застывшему рядом Джакену.

— Разумеется, — тут же отозвался тот, явно не возражающий разбавить напряжение разговором.

— Помните ту девочку, которую вы пристроили в свой пансион? — подняв на него глаза, спросила я. — Даффи.

Он улыбнулся:

— Конечно. С ней все в полном порядке... хотя и возникли некоторые сложности. Пансион, который я содержу, славится своей демократичностью и открывает двери для всех, независимо от расовой принадлежности и положения в обществе. Но порой дети бывают жестоки. Оказалось, что в Даффи есть примесь гнолльей крови, по всей вероятности, со стороны отца. Я опешила. Гнолльей? Никогда бы не подумала...

— К тому же ей оказалось трудно адаптироваться в новой среде, хотя она и старалась. Эртан был так любезен, что...

— Джакен, — сузив глаза, недовольно оборвал его адмирал.

— Что позволил ей жить в своем доме, — не обратив внимания на предупреждение, закончил лорд Гвор. — Эртан не любит афишировать свои благие поступки, вы же знаете. А девочке он действительно очень сильно помог.

— Джакен! — уже громче повторил адмирал, всем своим видом демонстрируя, что действительно терпеть не может, когда его хвалят.

— Вот видите? — еще шире улыбнулся лорд. — О чем я и говорю. Так вот, Даффи ходит в пансион на занятия, а остальное время проводит в доме Эртана. Прислуга ее очень полюбила. А повар... как его... Фэкс вообще в ней души не чаёт. Кто бы мог подумать, что старый ворчливый гнолл способен к кому-то так привязаться!

Улыбка Джакена оказалась заразной, и я тоже улыбнулась во все тридцать два зуба.

Переведя взгляд на демонстрирующего абсолютное равнодушие Эртана, ощутила, как сердце затопило теплом. Сколько раз я сталкивалась с тем, что добрые дела совершаются напоказ,

лишь бы вызвать восхищение окружающих. А он помогал просто так, не ожидая ничего взамен. И это подкупало, я уверена: по-настоящему мужские поступки заключаются не в том, чтобы уничтожать нечисть и управлять потерянными душами, а в том, чтобы приютить у себя бедную маленькую сироту. Этот поступок такой простой, настоящий и... человеческий. Наш разговор прервал неожиданно раздавшийся крик — громкий, надрывный и тут же смолкнувший. Мужчины моментально подобрались, я вскочила на ноги, и в этот же момент крик повторился, но уже многоголосый, перемежающийся с плеском воды. Звуки доносились с другой стороны скал, где находилось несколько наших шлюпок.

ГЛАВА 22

Словно очнувшись, море взволновалось, негодуяюще вздыбило холки волн и слизнуло оставленные на берегу шлюпки. Все до единого магические огни внезапно погасли, словно по ним прошло невидимое дыхание, и окружающее пространство заполнил мрак.

— Лезь вверх! — перекрикивая чьи-то вопли и шум волн, велел Эртан, подталкивая меня в спину. — Живо, Фрида!

Ухватившись за скользкий уступ на валуне, я подтянулась и не без посторонней помощи кое-как на него вскарабкалась. Через некоторое время там же оказались Эртан и Джакен, а на соседних — несколько ловцов. Поднявшаяся вода обрушилась на берег, окатив нас ворохом брызг. Следующие волны были еще выше, но воздвигнутый Эртаном барьер не позволил им унести нас в разъярившуюся морскую стихию.

— Сможешь его поддерживать? — глядя на друга, спросил Эртан.

Тот коротко кивнул, после чего адмирал призвал потерянную душу и открыл проход. Я хотела остановить его, напомнить, сколько сил он уже потратил на призывы, но сдержалась. Было необходимо понять, что происходит с другой стороны скал, а переместиться туда иным способом в настоящий момент не представлялось возможным. Сдержалась я и от того, чтобы, поддавшись порыву, броситься за Эртаном. Понимала, что только буду его отвлекать, а помочь, скорее всего, все равно ничем не смогу.

Когда Эртан исчез, Джакен прислонился спиной к темному камню и выставил перед собой руки. Магом он был явно неслабым, но поддержание защиты столь высокого уровня ему все же давалось нелегко. Волны обрушивались на барьер с такой силой, что тот вздрагивал, и на короткие мгновения, находясь под ним, становилось трудно дышать. Еще совсем недавно раздававшиеся крики не то стихли, не то их заглушил громкий шипящий плеск. Не позволяя страху взять верх, я осмотрелась, вглядываясь в темную, сходящую с ума воду, и вдруг заметила в ней какое-то движение. В воде двигалось что-то большое, гибкое — то показывающееся на поверхности, то скрывающееся в волнах, не позволяя себя рассмотреть. На миг заслоняющие небо тучи чуть разошлись, выпуская рассеянный лунный свет, и в воде блеснула темная чешуя. Маленький фрагмент, который мое подкрепленное памятью воображение превратило в целостную картину.

В воде была гидра. Не успела я осознать это до конца, как среди волн уже отчетливо проступило змеиное тело, а за ним сквозь пелену темноты стали различимы двенадцать голов с изумрудными светящимися глазами.

— Флинт... — проронила я.

Кажется, лорд Гвор что-то сказал, но я не расслышала, внезапно ощутив толчок. Сперва показалось, что меня толкнул кто-то невидимый, затем — что началось землетрясение и только потом пришло понимание, что это — нечто вроде энергетической волны, имеющей знакомый характер. Осколок пробуждался. Следующая энергетическая вспышка была такой яркой, что я едва устояла на ногах. Вокруг сходило с ума море, шипела двенадцатью головами огромная гидра, волны с каждым разом заставляли барьер вздрагивать все сильнее, а я с какой-то парализующей отстраненностью ощущала, что все-таки ошиблась. Или меня заставили ошибиться, поскольку неуверенность и неправильность в расположении осколка я ощущала изначально. Сейчас я чувствовала, что он появляется на противоположной стороне берега, затопленной волнами. Казалось, я всей кожей, всем существом, всеми органами чувств осязала его, пробивающегося сквозь каменную твердь. Он появлялся прямо на вершине самой высокой

скалы, прорастал, точно пробивающее землю зерно — небольшой, кривоватый, наполненный невероятной силой, которую невозможно уничтожить... последний.

Звать Эртана я не стала — все равно не услышит из-за окончательно сбрендивших шумящих волн. Страх за него ворочался где-то глубоко внутри, колот сердце, пытаюсь заполнить целиком, но разрастаться ему я не позволила.

— Джакен, — обратилась по имени, даже этого не заметив, — вы можете как-то перенести нас туда?

Я указала на утопающий во тьме противоположный конец суши и посмотрела на изрядно уставшего лорда.

— Туда? — прикладывая усилия для удержания барьера, удивился он. — Зачем?

— Там осколок, — произнесла негромко, хотя вряд ли меня слышал кто-то, кроме лорда.

Я почти не сомневалась, что Тайлес сейчас находится где-то там, как, вероятно, и Флинт. Что задержало Эртана, могла лишь догадываться, но он в любом случае думал, что осколок появится где-то около нас с Джакеном. Мне было просто необходимо оказаться на той стороне берега, незамедлительно! Иначе...

О том, что будет в случае, если осколок достанется не нам, я старалась не думать.

— Я могу сжать расстояние, — спустя короткую паузу неуверенно произнес Джакен. — Но нужно подгадать время, когда волна схлынет, чтобы мы смогли ступить на землю, иначе не выйдет. И барьер я удерживать больше не смогу... нет, это слишком рискованно!

— Все получится, — окончательно затолкав страх куда подальше, уверенно кивнула я. — Нам нужно там оказаться, и чем скорее, тем лучше! Пожалуйста, Джакен, времени нет!

О том, что будет после того, как мы окажемся на месте, я пока старалась не думать. Все-таки великий смысл кроется в народной мудрости: проблемы нужно решать по мере их поступления. Иначе от обилия этих самых проблем можно попросту свихнуться.

К счастью, лорд Гвор ко мне прислушался и поверил. Уловить движение хаотично движущихся волн было сложно, а темнота только усугубляла положение. Я уже сталкивалась со сжиманием расстояний и знала, что такая магия отличается от мгновенного переноса. Нам придется ступить на сушу и сделать хотя бы несколько шагов, иначе ничего не получится. А чтобы это осуществить, нужно как минимум не оказаться снесенными в неистовствующее море. Волны двигались, словно исполняя дикий, безудержный танец. На первый взгляд в их движениях не было никакого порядка, но стоило присмотреться внимательнее, сконцентрироваться, как они обрели смысл. Напряженная телом, но расслабленная в душе, я наблюдала за ними, шевелила солеными губами в беззвучном счете и через некоторое время поняла, когда нужно идти. Расчеты делала не я одна. Переглянувшись, мы с лордом без слов друг друга поняли.

Мою талию обхватила его рука, он крепко прижал меня к себе и, продолжая удерживать барьер, выдавил:

— Когда скажу — прыгайте с валуна и бегите так быстро, как можете. Я постараюсь перенести нас сразу наверх, но, скажу честно, в успехе не уверен.

Я перевела взгляд на верхушку скалы, до которой не доставали волны. Именно там сейчас появлялся осколок, именно там находились те, кто жаждал им обладать. Мы с Джакеном просто не имели права на сомнения!

Я неотрывно наблюдала за тем, как вода обрушивается на едва различимую полосу суши и распадается на разлетающиеся во все стороны брызги. Как за ней приходит другая — еще больше, свирепей, выбрасывающая на скалы ошметки водорослей. Согласно созданному стихией ритму, следующая будет гораздо меньше. Словно в замедленном времени я пригнула колени, готовясь к прыжку и не сводя взгляда с падающей на берег воды.

— Сейчас! — прокричал Джакен.

Мы сорвались с места. Я была готова и, оказавшись на мокром песке, что есть силы рванула вперед. Треклятый песок затруднял движение, ноги погружались в него по щиколотку, вязли, а в сознании билась одна-единственная мысль: бежать. Бежать так, как не бегала ни на одной тренировке, так, словно за мной гонятся все исчадия Глубины.

В какой-то момент нога подвернулась, но Джакен не позволил мне упасть. Мы проделали половину пути за считанные секунды, но над нами уже выросла заслоняющая небо волна.

Мелькнуло сожаление, что с прошлого моего визита скалы сильно изменились. Если бы только

островок суши был, как тогда, окружен ими, спрятан, а не оставлен беззащитным перед мощью разъяренного Сумеречного моря!

Защитного барьера больше не было, и я вымокла до нитки: мокрая одежда облепила тело и тянула вниз, волосы налипли на лицо, перед глазами все плыло. А время все еще текло медленно, позволяя прочувствовать каждое растянувшееся мгновение.

Вот я бегу по песку, а вот ноги уже отрываются от земли, и мы взмываем вверх...

«Не успеем», — очередная обрывочная мысль.

Я почти чувствовала, как волна касается нас, обнимает жесткой хваткой и утягивает вниз.

Сердце ударилось о ребра, рука Джакена превратилась в железные тиски, окутывающая нас магия достигла апогея...

«Не успеем», — повторно прозвучало в голове. Без страха, просто сухая констатация ужасного факта.

Черная вода почти прикоснулась, обдала сырым холодом, как вдруг прямо перед нами появился яркий белый силуэт. За какие-то считанные доли секунды мир резко изменился, меня буквально оторвало от Джакена, и следующее, что я почувствовала, — боль от падения на твердую поверхность. Затем меня кто-то подхватил, помог подняться, и, когда мыслям вернулась относительная ясность, я обнаружила рядом затягивающийся белесый проем, а себя — в кольце рук Эртана.

— Успел, — проговорила я уже вслух. — Ты успел...

Джакен хрипел поблизости, но, судя по тому, что поднимался на ноги, был в порядке. Однако ничего еще не закончилось — скорее, только начиналось. Мы оказались на вершине той самой скалы, и сейчас присутствие осколка наполняло меня целиком, ощущалось так явно, будто я уже держала его в руках. Охваченная этим чувством, не сразу поняла, почему Эртан задвигает меня себе за спину, а вокруг него начинают собираться подчиненные боевые души. Джакен создал несколько больших магических огней, разогнавших темноту и выхвативших из нее стоящий неподалеку силуэт.

Я не видела лица, не видела скрытой плащом фигуры, но так же явно, как ощущала ауру появляющегося осколка, ощущала и холодную, противоположную ему темную магию.

Тайлес не делал попытки приблизиться и вообще не двигался, но одно его присутствие означало опасность. Серьезную, до конца неизвестную и вызывающую предельное напряжение. Сглотнув вязкий ком, я быстро повертела головой, думая, что увижу Флинта, но его здесь не было — точнее, скорее всего, был, но скрывался под тенью. Воспоминание о Флинте натолкнуло меня на какую-то важную, но постоянно ускользающую мысль...

Нахмурившись, я на короткое время забыла даже о некроманте, а потом меня внезапно осенило. Ведь осколок должен был появиться не здесь! Молва гласила, что близ Сумеречной Жемчужины, а Флинт сказал, что эта информация — всего лишь пущенный Калистой слух, а на самом деле это произойдет в гроте! Он же сам потащил меня туда, чтобы я смогла почувствовать!

Нет, он не мог так ошибиться... значит, обманул?

Ши! Этот пират все просчитал наперед! Специально приволок меня в грот, чтобы направить по ложному следу, и просто чудо, что я, поддавшись внутреннему чутью, привела нас сюда!

Осколок звал меня, и этот зов исходил от скал Забвения, а не от грота, увенчанного устрашающим каменным черепом. Не удивлюсь, если Флинт изначально предполагал, что именно там находится пещера, где был расколот кристалл душ. И привез меня туда вовсе не ради осколка, а чтобы в этом убедиться!

Все это уже было не важно, но до чего же злило! Он так ловко и так часто обводил меня вокруг пальца, что, не вызывая это такой злости, наверное, даже восхитило бы...

По скале поползла тонкая разветвленная трещинка. Вряд ли ее заметил кто-то, кроме меня, — и я не заметила бы, не сопроводь ей она новой энергетической вспышкой. Энергия осколка пульсировала, напоминая, что он вот-вот пробьется сквозь каменную твердь, и это стало для меня важнее, чем стоящий неподалеку некромант.

Место, где появлялся осколок, находилось между нами с Тайлесом, примерно посередине. Известно ли его точное местоположение некроманту, было неясно, поэтому я заставила себя отвести взгляд. А уже в следующий момент чуть не вскрикнула от неожиданности, потому что в нашу сторону стремглав мчался огромный и, самое главное, мертвый грызоволк. Мощный, напитанный магией скелет с алым, горящим в пустых глазницах огнем.

Не дожидаясь, пока нежить приблизится, адмирал направил на него сразу две потерянные души, но волк пригнулся и, откатившись в сторону, снова побежал вперед. С удивительной для скелета прытью он увернулся снова, когда те же души попытались его задеть. Казалось, что этот грызоволк разумен, но нежить не имеет своего разума... но крайней мере, так принято считать.

Глядя на застывшего некроманта, я понимала, что он превосходит силой всех известных магов смерти. Да и много ли в королевстве знают о них — гонимых, уничтожаемых, наводящих страх? Известно ли, на что на самом деле они... мы... способны?

Одна из потерянных душ наконец зацепила грызоволка, но тот остановился лишь ненадолго, после чего оскалился и угрожающе зарычал. А далее случилось то, что, пожалуй, сгодится на еще одну легенду: от рыка нежити две далеко не слабые потерянные души оказались развеяны. От такого поворота событий опешила не только я, но и адмирал, на лице которого отразилось изумление. Но уже совсем скоро он одновременно выпустил около десятка потерянных душ, образовавших собой подобие стены. Тем временем еще пять окружили грызоволка, и к ним присоединился темно-синий стусток, выпущенный пришедшим в себя Джакеном.

Стусток развеялся практически сразу, едва соприкоснувшись с нежитью. Души напор выдерживали, но с трудом, и от этого стало страшно. Если даже Эртан едва противостоит этому грызоволку, то какой же мощью обладает управляющий им некромант? Где-то внизу раздавались крики ловцов, среди которых я не без удивления узнала голос капитана Вагхана. Как он здесь оказался? Неужели наш отряд тоже успел прибыть сюда?

Внизу явно что-то происходило, но задумываться об этом было некогда, поскольку гораздо больше волновало происходящее прямо передо мной. Призыв всех имеющихся в подчинении душ и перенос целого корабля явно не прошел для Эртана бесследно, и хотя я несколько в нем не сомневалась, понимала, что у всякой силы есть предел.

Не может же он вечно делать все в одиночку! Поддерживать защищающий Сумеречье барьер, управлять королевским флотом, ликвидировать прорывы потерянных душ, заниматься осколками кристалла... да всего и не перечислить! Сколько еще обязанностей он может нести, находясь в непрерывном напряжении?

Нет, с помощью подчиненных душ с такой сильной нежитью бороться нельзя. Невозможно победить душами того, чья душа давно заменена на темную магию.

Я действовала осознанно, понимая, против кого собираюсь идти, но выбора не оставалось. Это было настоящим безумием, как тогда, в гроте, когда мне удалось поднять целое полчище нежити. А впрочем, то, что я намеревалась сделать сейчас, являлось безумием даже большим. Выйдя из-за спины Эртана, я остановилась, в упор глядя на грызоволка — прямо в красные, горящие тьмой глаза. Им управляла магия сильнейшего некроманта, чья кровь текла и в моих жилах. Подобрав валяющийся под ногами острый каменный обломок, я резко провела им по ладони и, бросив обратно, сжала окровавленную руку в кулак. Не сводя взгляда с грызоволка, вспоминала все, чему меня успел обучить Шатх. Эта нежить — не пара танцующих на палубе ши, но у меня должно получиться.

Сосредоточиться, смотреть дальше, чем способно простое зрение, почувствовать наполняющую грызоволка темную магию, в буквальном смысле родственную моей. И перехватить ее, дополнить своей, чтобы заставить грызоволка подчиняться не только Тайлесу, но и мне.

Сначала соприкосновение с темной магией было легким, но вскоре я вцепилась в нее, намереваясь идти до конца. Ощувив мое вмешательство, грызоволк дернулся, и горящие красные глаза уставились в мои. Я продолжала смотреть на него, он — на меня, и пока длилось это противостояние, ничего другого для меня не существовало. Даже осколка. Только это мертвое существо, которое нужно подчинить. Кровь с порезанной ладони капала на землю вязкими каплями, но боли я совсем не чувствовала. Расползающийся по телу холод некромантии казался приятным, обволакивающим, помогающим силе раскрыться.

Должно быть, некромант из меня и впрямь лучше, чем ундины, поскольку в этой невидимой схватке я одержала победу. И, что самое удивительное, много времени на это не потребовалось. Тайлес все еще держал управление, но, признав во мне кровь своего непосредственного хозяина, грызоволк заскулил, как побитый щенок. Только что остервенело бросающийся на стену из потерянных душ, теперь он пятился и, склонив голову набок, внимательно на меня смотрел. Видимо, это существо в некоторой степени и впрямь обладало разумом.

— Фрида, вы... — раздался потрясенный голос Джакена.

Лишь в этот момент я поняла, что выдала себя с головой. Конечно, я не проводила никаких некромантских ритуалов, не поднимала бездыханные тела, но достаточно было одного взгляда на меня и грызоволка, чтобы понять, что именно я сделала.

— Джакен, не сейчас! — резко оборвал его адмирал и спросил, уже глядя на меня: — Сможешь удерживать его и дальше?

В ответе я не сомневалась:

— Смогу.

Взгляд Эртана придал сил. В нем не было ни капли осуждения или презрения, наоборот — одобрение и даже гордость, отчего я почувствовала прилив небывалой уверенности.

Тайлес стоял не шелохнувшись, рассмотреть его лицо все еще не представлялось возможным, и я понятия не имела, о чем он думает. Что ж, «папочка», хотя бы один раз родство с тобой сыграло мне на руку.

Однако Эртан поддерживать игру в неподвижность не намеревался. Пользуясь моментом, пока грызоволк прекратил нападать, он направил подчиненные души прямо на некроманта. И на сей раз они двигались резче, стремительнее, буквально источая смертельный холод. Существовала какая-то ирония в том, что суть магии потерянных душ и некромантии составлял холод — такой похожий и вместе с тем абсолютно разный...

Что произошло дальше, я не видела, поскольку мое внимание вновь привлек осколок. Трещина в скале стала шире и ветвистее, и сквозь нее пробился голубой свет — пока еще тусклый, но быстро набирающий яркость.

Следуя примеру Эртана и не дожидаясь, пока меня кто-нибудь опередит, я побежала к осколку. На грани восприятия отметила, что Джакен накинул на меня защиту — не такую сильную, какую ставил адмирал, но все же.

Грызоволк стоял совсем рядом с осколком, но, когда я махнула рукой, отгоняя его, безропотно послушался. Где-то глубоко внутри меня сидела маленькая девочка Фрида, которая была совершенно потрясена и всем происходящим, и своими собственными действиями, но сейчас я не позволяла ей взять верх. Только не бояться! Ни в коем случае не бояться и не сомневаться, иначе мы проиграем!

Стоило мне опуститься на землю около осколка, как Эртан мгновенно оказался рядом, снова заслоняя собой. Их с Тайлесом магия схлестнулась в невероятно мощном противостоянии, Джакен встал позади, а справа от меня неожиданно материализовался... Дымок! Привязанная ко мне потерянная душа, которая не появлялась в последнее время из-за короля! Но сейчас все прочие проблемы и переживания казались такими несущественными, что я, несмотря на все риски, была безумно ему рада. Впрочем, само понятие «радость» не слишком вписывалось в нынешнюю ситуацию.

Еще около полуминуты — и свет осколка засиял настолько ярко, что почти затмил созданные Джакеном огни. В это же время раздались звуки хлопающих крыльев, и рядом со мной появилось несколько крылатых теней. Инстинктивно запрокинув голову, я увидела над собой грифонов, на спинах которых восседали ловцы. Капитан Вагхан, Тэйн и...

Мие показалось?

— Крилл! — воскликнул за моей спиной Джакен.

Нет, не показалось.

— Тебе здесь не место! — Ее брат явно не был рад такой встрече.

— Ош-шибаешься! — прерывисто возразила Крилл, отбиваясь от темных водных струй, пытающихся ее сбить. — Именно здесь мне самое место!

Посмотрев чуть ниже, я обнаружила еще двух грифонов, на спинах которых восседали уже знакомая мне морская ведьма и полукровка-саламандр. А вот и приспешники принцессы Калисты! Я ожидала их увидеть, даже удивилась бы, не приди они за осколком, но все равно захотелось истерически расхохотаться. Глубина и Поднебесье, если сейчас появятся еще Флинт с Шатхом, от скал Забвения останутся одни воспоминания — эта компания разнесет все по камням!

Очередной, наиболее яркий пронзивший меня импульс мгновенно заставил забыть обо всех и обо всем. Как-то отстраненно я заметила, что меня окружили ловцы, а созданная Джакеном защита стала сильнее. Противостояние морского демона и некроманта набирало обороты, а вместо Эртана непосредственно на мою защиту вместе с ловцами встал Дымок. Гипнотизируя

взглядом осколок, я мысленно молила его появляться быстрее — вот прямо сейчас, немедленно, чтобы у меня получилось взять его в руки, спрятать и перенести в безопасное место!

Словно издеваясь, полностью появляться осколок по-прежнему не спешил, зато на сцене нашего театра жизни появились новые действующие лица.

Называется, помяни ши — вот и они!

Если бы не Дымок, присутствие которого внезапно перестало ощущаться, я бы не поняла, что ситуация изменилась. Подняв глаза и быстро осмотревшись, обнаружила, что привязанная ко мне душа отлетела в сторону и вступила в сражение с возникшим откуда-то теневым охотником.

Снова захотелось нервно рассмеяться — легки на помине! Хотя Флинта нигде видно не было, я не сомневалась, что он тоже здесь.

В прошлый раз, когда при мне появлялся осколок, я сумела неосознанно использовать силу, чтобы его привлечь, но сейчас все мои старания не давали никакого результата. Находясь в кольце окружающих меня защитников, я тянулась к нему и не могла даже прикоснуться. Сперва думала, что причина в том, что он все еще сидит в скале, но потом ко мне пришла догадка.

Догадка, которая испугала. Может, дело в том, что я теперь не только ундина, но и некромант?

Суть творящегося вокруг безумия ускользала от меня, и я лишь смутно сознавала, что окружающих меня ловцов стало меньше, по скале гуляет созданный глубинной ведьмой ветер, а Аргар и Агира проигрывают в схватке с Шайхаром...

Стоя на коленях, я тянулась к почти полностью материализовавшемуся осколку, чувствовала легкое покалывание на кончиках пальцев от окружающего его света и прищуривала от яркости глаза.

Даже приблизительно не могла сказать, когда время для меня застыло. Это был переломный момент, когда окружающий осколок свет стал приглушенным, и до полного проявления остались считанные секунды.

Темная магия Тайлеса коснулась моего сознания, призывая обернуться — а может, то была не магия, а его взгляд, на который я наткнулась, повернув голову.

На скалу взбиралась разнообразная нежить, натиск которой сдерживали подчиненные души адмирала. Я думала, что подняла целую армию скелетов в гроте? Их количество было ничтожно в сравнении с тем, сколько поднял Тайлес сейчас! Я не видела всех, но чувствовала их так же явно, как находящийся рядом осколок. Управляя таким огромным количеством нежити и сражаясь с Эртаном, Тайлес совсем не выглядел напряженным или уставшим, более того — мне показалось, что использование таких колоссальных сил не составляет для него никакого труда. Капюшон так и не слетел с его головы, но, несмотря на разделяющее нас расстояние, я видела его поблескивающие, черные как ночь глаза. Интуиция взбунтовалась, крича, что сейчас произойдет нечто страшное, и в тот же миг Тайлес отвел руку в сторону. Проследив за его жестом, я со смесью неверия и ужаса увидела Крилл и Джакена, объединивших усилия против глубинной ведьмы и не замечающих, что им в затылки дышит магия смерти. Невидимая, но до боли хорошо мною ощутимая, она готовилась убивать и только и ждала приказа своего повелителя.

— Нет... — беззвучно прошептала я, чтобы затем выкрикнуть уже вслух: — Нет! Крилл!!!

Мои слова затерялись, утонули в царящем шуме и остались неслышанными той, кому предназначались.

Пальцев коснулась легкая прохлада, боковое зрение уловило яркую, быстро померкшую вспышку — осколок появился.

Я словно зависла в до невозможности растянутой секунде.

Всего лишь секунда — ничтожная капля в бесконечном море времени. Но сколько же может в течение нее произойти...

Зов осколка перевесил все прочие чувства, и я вновь обернулась к нему, подалась вперед, протянула подрагивающие руки... и время возобновило свой бег. Я сжала осколок с такой силой, что он до боли впился в ладонь, и в тот же самый момент, словно из ниоткуда, рядом со мной появился Флинт. Схватил за запястье, потянул на себя, но какая-то неведомая сила, вероятно порожденная самим осколком, внезапно откинула его назад. В следующий момент рядом со мной оказались Дымок и несколько подчиненных душ, но я уже думала только о Крилл, которая сейчас распласталась на земле. Джакен с выражением отчаянного безумства на лице давал отпор глубинной ведьме, которая сейчас заметно проигрывала.

У меня не было времени подумать и взвесить свои действия, не было возможности передать кому-нибудь осколок — над телом Крилл уже поднимался знакомый туманный сгусток. Устремляющаяся прочь душа...

ГЛАВА 23

Я бежала изо всех сил, но казалось, что двигаюсь слишком медленно, а ноги снова увязали в мокром песке. Сердце глухо билось в грудной клетке, отзывалось в гудящих висках и заслоняло все прочие звуки.

Оказавшись рядом с Крилл, я упала около нее на колени и, сунув осколок в карман, накрыла руками уже начавший исчезать туманный сгусток. В отличие от прочих, какие мне доводилось видеть, он не был темным, скорее, светло-пепельным. Касаться его все равно было больно и холодно, но эти чувства оказались ничтожны в сравнении с моим желанием не дать подруге умереть. Она — эта красивая, уверенная в себе аристократка, была первой, кто стал общаться со мной на равных. Первой, кто показал, что классовое неравенство действительно не имеет никакого значения, а настоящие друзья могут быть даже у меня.

— Живи, — с выступившими на глазах слезами лихорадочно твердила я. — Пожалуйста, только живи!

Меня не волновало даже то, что будет после. Пусть все увидят, что я — некромант, пусть Крилл станет такой же безучастной, как мой отец, но главное — она останется жива! А пока ты жив, справиться можно со всем.

На этот раз я действовала более осмысленно. Невзирая на раздирающие сердце чувства, использовала все полученные знания и умения, в том числе и почерпнутые из странной брошюрки. Точно швея, стежок за стежком сшивала тело и душу, сплетала замысловатые кружева, действуя где-то за гранью своих возможностей и вливая столько сил, сколько могла отдать.

Душа сопротивлялась, но недолго. Словно чувствуя, что я не желаю зла, вскоре она медленно, но верно стала опускаться обратно. Туман растекся по груди, впитался в него, и Крилл, выгнувшись дугой, со свистом втянула воздух.

Я выдохнула вместе с ней, с трудом соображая, что происходит и где нахожусь. А потом подняла затуманенный взгляд и обнаружила, что меня окружает несколько десятков подчиненных душ Эртана, а за ними, словно актеры в немом театре, застыли ловцы, включая моих сослуживцев, распластавшаяся на земле глубинная ведьма и стоящий неподалеку полукровка-саламандр... и глаза их всех прикованы ко мне.

— Ты спасла ее? — словно из-за ватной стены донесся до меня голос Джакена. — Фрида, спасла?! Поднебесные, Крилл...

Наверное, у меня начались галлюцинации, потому что показалось, что подруга ответила и даже присела, чего быть просто не могло. А впереди, сквозь все потерянные души, остановившегося подле них Эртана и уйму нежити на меня смотрел Тайлес. Точно так же, как тогда, когда я вернула душу отца, — с едва заметной, довольной усмешкой.

Машинально коснувшись кармана, я с облегчением обнаружила, что осколок никуда не делся. Вновь сжав его так крепко, насколько хватало сил, я кое-как поднялась на подрагивающие ноги и еще раз, уже более осмысленно обвела быстрым взглядом окружающих.

Только собралась крикнуть Эртану, чтобы он забрал осколок и перенес его куда следует, как до меня дошла одна простая истина: обладай он такой возможностью, сделал бы это сразу же, как только я вернула душу Крилл. Но по каким-то причинам мы все еще находились здесь — не то из-за магического фона в скалах Забвения, не то потому что Эртан растратил слишком много энергии. Учитывая окружающие меня потерянные души, я все же склонялась к первому.

Никогда нельзя предугадать, что произойдет в этом странном месте. Говорят, многие, кто оказался здесь, теряли себя. Поэтому скалы и называли скалами Забвения.

В следующий момент случились сразу две вещи: прямо напротив Эртана, словно выпрыгнувший из табакерки ши, снова оказался Флинт, а Тайлес вдруг исчез. Вот так просто взял и растворился в воздухе вместе с грызоволком, в то время как адмирал перенестись отсюда явно не мог!

Повеяло холодом. Не тем, что источают потерянные души, которые сохраняют хотя бы искорку жизни, а смертельным. Загробным и спокойным. Мне на плечо опустилась тяжелая прохладная рука, и прежде чем кто-либо успел среагировать, прежде чем ко мне пришло понимание всего ужаса происходящего, я почувствовала, что уношусь в темноту. И единственное, что успела сделать, — это все-таки выкрикнуть имя адмирала и, разжав онемевшие пальцы, бросить вперед осколок...

Сквозь сомкнутые веки пробивался тусклый, явно не солнечный свет. Судя по ощущениям, я лежала на кровати, укрытая теплым одеялом. Обоняние улавливало аромат чего-то съестного, мгновенно пробудившего аппетит.

— Госпожа, вы проснулись?

«Госпожа?» — пронеслось в затуманенном сознании.

В себя я приходила медленно. Глаза открывать почему-то не хотелось, как и восстанавливать цепочку воспоминаний. Казалось, стоит только напрячь память, и в мыслях всплывет нечто страшное, к чему возвращаться совсем не захочется.

— Госпожа... — Женский голос дрогнул, словно бы в волнении. — Как вы себя чувствуете? Игнорировать такой вопрос, пусть и исходящий от незнакомки, было невежливо, и глаза все-таки пришлось открыть.

Так и знала — лучше бы мне этого не делать!

Увидев склонившееся ко мне бледное, испещренное вязью символов лицо, я едва не закричала и вжалась в кровать. Жрец... точнее, жрица Лайара — вот кем была та, что сейчас смотрела на меня с искренним беспокойством и... благоговением?

— Может быть, хотите пить? — Мягкий голос совсем не вязался с образом лысого, худощавого существа, назвать которое девушкой не поворачивался язык.

Все, что я сейчас хотела, — это снова сомкнуть веки, крепко зажмуриться, а затем, разомкнув их, проснуться. Но я не спала — это было так же очевидно, как и то, что немедленно убивать меня никто не собирается.

Восприняв мое молчание как знак согласия, жрица подошла к стоящему неподалеку кофейному столику и налила в стакан воду из прозрачного графина. Пока она выполняла это нехитрое действие, я пыталась понять, где нахожусь. Воспоминания уже наполняли меня, точно прорвавшая плотину бурная река, и попавшее в это течение бедное сердце колотилось как сумасшедшее.

Последнее, что я помнила, — как позади меня оказался Тайлес. Стоило памяти воспроизвести эту сцену, как я словно наяву вновь ощутила на затылке его холодное дыхание, а на плече — тяжесть руки. Он явно куда-то нас перенес, вот только куда именно?

Я действительно лежала на кровати — просторной и роскошной. Да и вся обстановка комнаты — недешевая темная мебель, отделка, детали в виде тяжелых портьер, абажуров и прочего — могла составлять часть особняка какого-нибудь аристократа.

Великое Поднебесье, куда же меня забросило на этот раз?

— Возьмите, пожалуйста, — вернувшаяся жрица протянула мне наполненный стакан.

У меня не было полной уверенности, что это обычная вода, но пить и впрямь хотелось, так что я сочла за лучшее не спорить. Смочив пересохшее горло жидкостью, все-таки действительно оказавшейся простой водой, я отерла губы и присела.

— Хотите есть? — Очередной вопрос сопровождался тем же благоговейно-заботливым взглядом.

Благоговейно-заботливым настолько, что стало жутко. Появилось ощущение, что так, как на меня сейчас смотрела эта конкретная жрица, фанатики Лайара смотрят... на самого Лайара, ши возьми!

— Где я? — спросила, заставляя голос звучать ровно.

Жрица просияла, если, конечно, так можно было сказать о той, кто поклоняется тьме.

— Дома, — последовал ее обескураживающий ответ, сопровождающийся жутковатой улыбкой, которую, видимо, можно было трактовать как радостную.

Интуиция подсказала, что от этой особы ничего путного я не добыю, поэтому спросила главное:

— Тайлес здесь?

Улыбка померкла моментально! Жрица вздрогнула всем телом и, лихорадочно облизав бескровные губы, теперь уже с высочайшей степенью благоговения произнесла:

— Господин у себя.

— Отлично. — На меня внезапно навалилось какое-то странное спокойствие. — Я хочу его видеть.

— Господин велел вам отдыхать и набираться сил. — Жрица бросила быстрый взгляд на мое лицо и тут же опустила глаза. — Мне велено прислуживать вам, исполнять любые требования, кроме пожелания покинуть дом. Но про встречу с господином сказано не было. Возможно, когда он сам сочтет нужным...

— Я хочу видеть

Тайлеса

, — с нажимом на имя отчеканила я и неожиданно громко рявкнула: — Немедленно!

Не знаю, как долго я «отдыхала», но сил набралась столько, что была готова незамедлительно разнести и эту комнату, и весь дом, каким бы огромным он ни был!

Почувствовав перемену в моем настроении, жрица попятилась, чем вызвала некоторое удивление. Неужели испугалась? И кого — меня, Фриду Талмор?!

Кажется, она хотела еще что-то сказать, но тут дверь внезапно распахнулась, будто от сильного порыва ветра, стукнулась о стену, и в дверном проеме появилась темная фигура.

— Все в порядке, Ая, — прозвучал голос Тайлеса. — Оставь нас.

Жрица, низко склонив голову, без промедления посеменила к выходу и, дождавшись, пока некромант войдет, выскользнула из комнаты. Удивительно, как она не рухнула на колени и не принялась целовать носки черных сапог — отчего-то сложилось впечатление, что прикоснуться даже к обуви хозяина она почла бы за честь.

Пока Тайлес приближался, я вылезла из-под одеяла и встала с кровати. Никакого страха перед ним не испытывала, и хотелось лишь разговаривать на равных, а не смотреть на него снизу вверх.

Остановившись примерно в шаге от меня, он замер. Так мы и стояли некоторое время — молча и глядя друг другу в глаза. Сейчас на Тайлесе не было привычного плаща, а лицо не скрывала набежавшая тень. Наверное, он был по-своему красив, хотя даже словно высеченные из камня черты его лица источали мрачный холод. Все-таки мне не показалось: его глаза были абсолютно черными, как самая беспросветная бездна, а белки уходили в оттенок темного пепла. Почти такие же глаза, только еще темнее, я видела у самого Лайара, навестившего меня во сне. Кожа Тайлеса тоже отливала серым, губы навечно застыли в твердой изломленной линии, тяжелый квадратный подбородок испещряла щетина в тон черных волос. На первый взгляд мы были не очень похожи, но на каком-то ином, энергетическом уровне я улавливала поразительное, объединяющее нас сходство.

— Зачем ты перенес меня сюда? — первой нарушила я повисшую тишину.

Впрочем, ответ мне был известен: моя кровь нужна, чтобы собрать кристалл. А теперь, когда появились все восемь осколков, времени до рокового дня осталось немного.

— Зачем? — ровно переспросил он. — Я тебя спас. Они все видели, какой магией ты обладаешь. Никто, даже твой самый рьяный защитник, не смог бы уберечь тебя от казни. Среди ловцов был отряд, подчиняющийся лично королю. Ты дала им дополнительный повод себя убить.

— Нет. — Я отрицательно качнула головой. — Они бы ничего не сделали. Слишком много тех, кому я пока нужна живой.

— И где были эти твои «те», когда тебя на их глазах похищал ужасный некромант? — Губы Тайлеса искривились в подобии усмешки. — Смертные непостоянны и слишком слабы.

Сколько раз тебе обещали защиту и нарушали данное слово? Сколько раз адмирал королевского флота говорил, что будет оберегать, несмотря ни на что, но ему это не удавалось? Они все — и он, и считающий себя легендарным пират — всего лишь мальчишки, бессильные против истинной мощи.

— И эта мощь — ты? — безэмоционально спросила я.

— Эта мощь — верховный столп Глубины. Лайар, — произнес Тайлес, который вдруг стал казаться еще внушительнее, чем прежде.

Он подошел к стоящему рядом креслу и, опустившись в него, кивнул на соседнее. Почти не колеблясь, я заняла предложенное место, и некромант продолжил:

— Что ты знаешь о Глубине, Фрида? И о тех, кто ее населяет? — собственное имя в его устах заставило меня произвольно вздрогнуть. А он, не дожидаясь моих слов, ответил сам: — Все и ничего. Глубина есть в каждом из нас, и она бесконечна. Но существуют те, кто составляет саму ее суть. В ком не живет она, но кто живет в ней. Верховные столпы, одним из которых является покровитель смерти. В каждом некроманте есть частица его магии, которую можно развивать. Но есть такие темные маги, которые не хотят довольствоваться малым. Прибегнув к древним ритуалам, они призывают Лайара из самой Глубины, заключают с ним договор, скрепляют этот договор кровью и отдают часть души. С того момента в них находится не только магия, но и кровь Лайара. Я сказал — темные маги. Но в настоящее время такой маг всего один.

Облизав мгновенно пересохшие губы, я хрипло спросила:

— И этот маг — ты?

— В некотором смысле Лайар стал для меня названным отцом, хотя это очень обманчиво, — кивнул Тайлес. — У него в залоге вот уже несколько веков находится половина моей души. Пока служу ему, я наделен бессмертием и небывалой мощью, противостоять которой не способен практически никто в нашем двулунном мире.

Слух царпануло прозвучавшее «практически никто», но уточнять я ничего не стала, слишком поглощенная иными мыслями.

Несколько месяцев назад я узнала, что являюсь потомком одной из ундин, расколовших кристалл душ. Затем оказалось, что мой отец — неуловимый могущественный некромант. А теперь меня ошарашивают новостью, что я прихожусь... названной внучкой самому Лайару? Но это ведь бред! Так просто не бывает!

— Думаешь, такого не может быть? — угадал мои мысли Тайлес. — Скажи мне, Фрида, как ты думаешь, откуда у Кайера Флинта такая сила? Ты ведь видела, на что он способен, и это — лишь малая часть. У него в услужении теневой охотник, гидра повинуется каждому его слову. Откуда все это, Фрида?

Я и сама неоднократно задумывалась, откуда черпает свою магию Флинт — такую мощную, позволяющую непрерывно выходить сухим из воды. Изначально я полагала, что сильную помощь ему оказывает теневой охотник, потом — что Флинт не обходится без постоянной поддержки принца Дэрена. Но основную работу он всегда выполнял сам, исхитряясь добывать ценные сведения, находиться на шаг впереди остальных и ощущать связанную с кристаллом магию, которую с трудом распознавала даже я.

— Если ты сейчас скажешь, что он тоже названный сын Лайара — не поверю, — с сомнением произнесла я, не веря скорее собственным словам.

Что-то внутри меня уже натянулось в предчувствии очередного поразительного открытия.

— Я же сказал, магов, подобных мне, сейчас не существует, — возразил Тайлес. — Разумеется, Флинт не маг смерти. Он — сын Нагхара, хотя всячески пытается разрушить эту родственную связь.

Я опешила. Сын Нагхара?

Думала, открытие будет поразительным? Нет, оно стало шокирующим, Глубина меня поглотит! И на этот раз — уж точно невозможным! Это ведь попросту нереально!

— Тоже
названный
? — с напрасной надеждой уточнила я.

— Родной, — так спокойно, словно говорил о чем-то совершенно обычном, ответил Тайлес. — Верховные столпы Глубины, да и Поднебесья издревле любят принимать человеческий облик. Мать Флинта была красивой девушкой, и она приглянулась Нагхару. Шансов воспротивиться и не поддаться глубинному очарованию у нее не имелось никаких. Обесчестив ее, он просто ушел, а она, изгнанная из родного дома, стала торговать своим телом, чтобы хоть как-то обеспечить себя и новорожденного сына. Флинт узнал о своем отце, только когда покинул службу ловца, и, ненавидя его, отвергает всяческое высшее вмешательство в свою жизнь. Глупый мальчишка из-за детских обид отказывается от той силы, что принадлежит ему по праву рождения. Той силы, что многие страстно, но тщетно желают получить. С гидрой и

теневым охотником, приставленными отцом, Флинту пришлось смириться. От них так просто не избавиться, да и пользу приносят немалую.

Чем больше я слушала, тем больше мне казалось, что я сплю. Несмотря на все то, что мне уже довелось пережить и принять, осознать такое все равно было непросто. Да, Флинт рассказывал и о своем нелегком детстве, и о матери, и о неизвестном отце... но кто бы мог подумать, что его отцом окажется сам Нагхар?! Зато это хотя бы объясняло, почему я чувствовала в нем нечто близкое. Хотя у меня родство с Лайаром было скорее условным, все же оно делало нас с Флинтом в некотором смысле похожими.

— Для кого ты собираешь осколки? — спустя долгую паузу спросила у Тайлеса. — Ведь не для...

— Лайара? — усмехнувшись, закончил тот. — Почему нет? Ты должна понять важную вещь, Фрида. Высшие силы от начала создания мира действуют руками людей. Направляют и управляют слабыми, заключают договор с сильными. Кристалл душ — желанный артефакт не только для людей. Кто-то хочет его воссоздать, кто-то уничтожить. Лайар относится к последним. Та, кто мне платит, тоже желает собрать осколки лишь для того, чтобы они не были собраны. Наши желания совпадают, поэтому я принимаю деньги и некоторые прилагающиеся бонусы, упрощающие мне задачу.

У меня родилось предположение, которое в следующее мгновение преобразовалось в практически полное убеждение, и я не преминула высказать его вслух:

— Тебя наняла кронпринцесса?

— Ты моя дочь даже больше, чем я предполагал. — В кривой усмешке появился оттенок довольства.

От таких слов я дернулась, как от пощечины. Но Тайлес этого не заметил или просто сделал вид.

— Оксара неглупа. Она понимает, что, если ее брат соберет кристалл, власть не удержат ни ей, ни даже их отцу. Но Дэрону кристалл не достанется, как, впрочем, и остальным. Я об этом позабочусь.

Он посмотрел на меня в упор, чуть сузил еще сильнее потемневшие глаза и произнес:

— Я не могу иметь детей. Но ты все же родилась — дитя смешанных, несовместимых кровей. И ты не умрешь ни на ритуале воссоздания кристалла, ни от руки королевского палача. Я никому не позволю проливать твою кровь. Ты должна остаться со мной, Фрида. Я стану тебя обучать. Все жрецы Лайара признают тебя своей госпожой. Сам Лайар уже признал тебя, я вижу его незримую печать на твоем челе.

Машинально коснувшись лба, я вспомнила поцелуй, который покровитель смерти на нем запечатлел, прежде чем прекратилось вызванное им видение...

Великое Поднебесье и проклятая Глубина!

— А что, если я не хочу никакого признания? — спросила, глядя прямо в глаза тому, кто по прихоти судьбы являлся моим биологическим отцом. — Мне не нужна никакая печать.

Встретив мой взгляд, он ровно возразил:

— У тебя нет выбора. Я чувствую твою жажду жизни, Фрида. А единственный путь, позволяющий избежать смерти, — начать ею управлять. Ты знаешь, что я прав, и глубоко внутри сама этого хочешь. С самого начала, едва узнав о твоём существовании, я подталкивал тебя к тому, чтобы твоя темная магия раскрылась. И это произошло. Мне нужна преемница, и мы разделим власть. Ты станешь принцессой смерти.

Меня сотрясала дрожь. Смешиваясь с холодом, она взбиралась по позвоночнику, перекидываясь на руки и ноги, стягивала затылок и добиралась до самого сердца.

Принцесса смерти? Я? Немыслимо... а за жутким и одновременно красивым названием кроется лишь чернота.

— Я никогда никого не убью, — ответила с уверенностью, которая пока оставалась непоколебимой. — Не буду врать, мои взгляды относительно некромантии во многом изменились. Я поняла, что могу использовать ее во благо, задерживая души умирающих или защищая тех, кто мне дорог. Но я не стану использовать ее, чтобы кому-то навредить. Никогда.

И никакая власть мне не нужна. Все, чего я хочу, — это иметь свой угол в этом необъятном мире, спокойный и надежный. Чтобы рядом в добром здравии находились близкие и друзья. Хочу просыпаться с улыбкой и ощущать себя самой счастливой во всем мире. Скажи, — в его глаза я теперь смотрела с вызовом, — разве у «принцессы смерти» может быть такая жизнь? Мои слова Тайлеса ничуть не тронули.

— Благо не зависит от типа магии, которую мы используем, — спокойно встретив мой взгляд, изрек он. — Что благо для одного — неизменное несчастье для другого. Возвращать души умерших — преступление против природы еще большее, чем поднимать мертвые тела. И это преступление тебе дается легко. Ты лжешь сама себе, говоря, что не хочешь власти. Власть заключается не в том, чтобы носить корону и управлять королевствами. Власть — в возможности одарить смертью любого, когда сочтешь нужным. Власть — в способности вернуть к жизни каждого, кого захочешь. И, желаешь того или нет, эта власть у тебя есть. Я хотела возразить, но промолчала. Не столько потому, что не знала, что сказать, сколько понимая, что спорить все равно бесполезно.

Поэтому резко сменила тему:

— Что с последним осколком?

Даже не ожидала, что мне ответят, но тем не менее ответ не заставил себя ждать.

— Его забрал адмирал. — Тайлес поднялся на ноги и, когда я поднялась вслед за ним, произнес: — Тебе нужно время, и я готов его дать. В этом доме можешь ходить где пожелаешь, слуги в твоём распоряжении. Но выходить наружу тебе не позволено.

Пока

не позволено.

Когда он двинулся к двери, сковавшее меня спокойствие дало трещину и эмоции все же прорвались.

— А ничего, что эти «слуги» не так давно пытались меня убить? — с горьким сарказмом крикнула я в удаляющуюся спину.

Остановившись, Тайлес через плечо бросил:

— Все, кто был к этому причастен, уже пополнили мою мертвую армию. Отныне для всех жрецов Лайара ты — госпожа. Они усвоили урок.

Когда за ним захлопнулась дверь и на меня, подобно тяжелой глыбе, опустилась давящая тишина, я некоторое время простояла на одном месте, отупело смотря в одну точку. А потом рывком схватила попавшийся под руку графин и со всей силы запустила им в стену. Ни звон бьющегося стекла, ни усыпавшие пол мокрые осколки облегчения не принесли.

ГЛАВА 24

В течение следующих нескольких дней я жила будто в изоляции. Хотя почему будто? Именно изоляцией и была моя отгороженность от всего мира, с его новостями и стремительными происшествиями. За все это время я так ни разу и не заплакала, хотя иногда невероятно хотелось дать волю слезам.

То, что слезы бесполезны, я поняла уже давно. А быть заточенной в мрачном особняке, где со мной обращались в общем-то неплохо, оказалось не так ужасно, как просить милостыню на «Ледянке».

Я ждала. Продумывала всевозможные варианты, как отсюда сбежать. И хотя выхода пока не видела, не позволяла себе отчаиваться. Кольцо, подаренное Эртаном, потускнело, в голубом камешке словно угасла какая-то искра, и он стал бесцветно-серым. Но я все равно смотрела на него, когда становилось совсем невыносимо, и верила, что все образуется.

Особенно тяжело приходилось по вечерам, когда Ая уходила и я оставалась совершенно одна. Лежа на широкой постели, смотрела на темный балдахин и находилась во власти беспокойных мыслей. С наступлением ночи они делались мрачными и тяжелыми, а еще меня начинали терзать сомнения: что является большей жертвой — смириться со своей участью, став такой, какой меня желает видеть Тайлес, или уйти? Оставшись, я могла бы значительно понизить

шансы воссоздания кристалла душ. Уйдя — снова усложнить всем задачу. Да, Тайлес сказал, что в любом случае не допустит воссоединения осколков, но он ведь тоже не всемогущ, правда? Случиться может всякое.

А если я вернусь, то гонка за кристаллом возобновится с небывалой мощью, и это приведет к неизбежным жертвам. Да и как мне возвращаться? А еще важнее... куда? Теперь все знают, что я обладаю некромантией, и, при всех братских узах ловцов, Морской корпус вряд ли встретит меня с распростертыми объятиями. Как ни прискорбно признавать, Тайлес прав: у короля появился весомый повод законно отправить меня на казнь.

Оба варианта были далеко не радужными. И я, обнимая подушку, комкая пальцами шелковую наволочку, беззвучно плакала. Чувствовала себя абсолютно потерянной и ничтожной.

Улитка выползла из своей раковины и отправилась покорять мир... Глупая, глупая улитка! Обычно в такие моменты меня приводил в чувство долг перед папой. Я была обязана вернуться хотя бы для того, чтобы закончить начатое и вывести его из того состояния, в котором он находился по нашей с Тайлесом вине. А еще узнать, как себя чувствует Крилл. С ней ведь произошло фактически то же самое...

Дом я успела изучить вдоль и поперек — весь, кроме той части, где находились комнаты Тайлеса. Несмотря на заверения, что могу ходить где хочу, туда меня мягко, но настойчиво не пускали. Помимо Аи, в особняке находились еще трое жрецов, которые при встрече со мной почтительно склоняли головы.

Все происходящее казалось сном. За последние несколько недель события сменяли друг друга с такой скоростью, что мне едва удавалось за ними поспевать, а сейчас я словно завязла в густом и застывшем мирке.

Логово некроманта оказалось не таким уж жутким, как ожидалось. Мрачный, но все же комфорт, да не особо смахиваемая слугами пыль — вот и все его составляющие. Здесь не было ни скелетов, ни нежити, ни даже самой малюсенькой захудалой нечисти. Хотя, возможно, все скелеты почивали в шкафах тех комнат, которые были мне недоступны. Притом скелеты в данном случае, возможно, вовсе не просто слово.

Однажды, идя по коридору, я внезапно увидела в другом его конце леди Лавьет. Столкнувшись взглядами, мы обе на несколько долгих мгновений замерли. Показалось, в какой-то момент она хотела броситься ко мне, но уже в следующий скрылась за поворотом. Нагнать ее мне не удалось, и в дальнейшем мы больше не сталкивались.

Жила она здесь или просто изредка навещалась, я не знала.

Я находилась под одной крышей с обоими родителями — самая большая и, как мне думалось, несбыточная детская мечта. Мечта, которая сейчас не приносила ничего, кроме боли и тоски. Практически все время я проводила в библиотеке. Здесь она была обширной, но почти все представленные в ней книги так или иначе относились к темной магии, к тому же достаточно высокого уровня. Так что я приходила, просто чтобы посидеть в кресле и посмотреть на отплясывающее в камине алое пламя, которое совсем не грело. Книги всегда были моими добрыми друзьями и в некотором смысле успокаивали.

Сегодня я пришла сюда снова. Устроилась в облюбованном кожаном кресле, взобравшись на него с ногами, и обратила тоскливый взгляд на окно, за которым виднелся лишь серый, скрадывающий все туман.

— Госпожа, вам грустно? — спросила бесшумно проскользнувшая в библиотеку Ая.

— Разве не видно? Веселье из меня морем льется, — саркастично бросила я. — Не дом, а склеп.

— О, вы правы, — вдохновенно проронила жрица. — Это — лучший дом в мире.

Я только вздохнула — уже поняла, что она всегда себе на уме и любые мои слова может вывернуть наизнанку.

— В этом «лучшем доме» даже почитать нечего, — посетовала я. — Что за библиотека, где нет никакой литературы, кроме той, что посвящена темной магии? Даже знаменитый «Старый маяк» — и тот отсутствует!

Разумеется, это было меньшим, что меня волновало, но в сотый раз объяснять, почему из меня «морем льется веселье», не хотелось совершенно. Все равно не поймет.

— Почему же вы раньше не сказали? — искренне удивилась жрица.

И, не успевая сообразить, что она имеет в виду, как в моих руках оказалась любимейшая книга. Выглядел книжный экземпляр как новый, если не считать покрывшей его пыли — сразу видно, в него в лучшем случае заглядывали пару раз, а то и не заглядывали вовсе. Удивительно, как

книга вообще сюда попала. Представить Тайлеса читающим подобную литературу я, хоть убей, не могла.

Отправив Аю восвояси, я поерзала в кресле, устраиваясь удобнее, погладила темно-синий корешок и открыла оглавление. В последний раз я читала эту книгу незадолго до того, как перенеслась в резиденцию принцессы Линарии. Тогда остановилась на седьмой главе, где главный герой, смотритель маяка, описывал свои ощущения от причалившего к берегу пиратского корабля. Ночью на море буйствовал шторм и, вероятно, судно, идущее под черным флагом, напоролось бы на подводные скалы, но свет маяка уберег пиратов от гибели. Смотритель рассуждал, пытаясь понять, совершил он благо или же нет, исполнив свой долг. Пираты — тоже живые существа, а свет маяка разгоняет темноту для всех. Но вот только скольких они еще ограбят, покалечат, убьют?

Каждый раз, читая «Старый маяк», я открывала для себя что-то новое. Вот и сейчас эта сцена, в которой я знала наизусть каждую строчку, предстала для меня в новом свете. Сейчас я тоже мучилась нелегким выбором, задаваясь вопросом, однозначного ответа на который не существовало.

Но все же сегодня я была слишком рассеянна, чтобы с головой погрузиться в любимое чтение. Читала, а в памяти всплывал образ маяка, который я видела в Сумеречной Жемчужине. Вместо описываемого пиратского корабля — «Черный призрак» с Флинтотом у штурвала. Интересно, где Флинт сейчас? Сумел уйти из скал Забвения или его задержали? Впрочем, за него волноваться уж точно не стоит — если сумел сбежать из самой охраняемой тюрьмы однажды, повторит то же самое еще раз. А если не сбежит, то казнят — и все королевство вздохнет спокойно.

Я бессовестно себе врал. Несмотря ни на что, в глубине души мне очень не хотелось, чтобы этого невыносимого, наглого и невозможно язвительного пирата постигла такая участь. Перевернув страницу, я заскользила взглядом по описанной сцене, где смотритель отвернулся от моря и обратил взгляд на маяк. Меня царапнуло какое-то странное ощущение, от которого сердце внезапно забилось сильнее. Казалось, я упускаю нечто важное, в упор не видя того, что лежит прямо передо мной...

А потом до меня дошло. Маяк, который я видела в Сумеречной Жемчужине, не просто подходил под описание в книге, а повторял его в точности до мельчайших подробностей! Обрыв, окружающая природа и ощущения, испытываемые при виде всего этого, совпадали полностью!

В книге не упоминалось, где именно происходят события, это был абстрактный остров. Но сейчас, ошарашенная сделанным открытием, я несколько не сомневалась, что Вайр Оттер побывал в Сумеречной Жемчужине и перенес ее на страницы своего произведения. Или не просто побывал, а жил на этом забытом поднебесными островке?

И все же ощущение, будто я упускаю нечто важное, меня не покидало. Пребывая в невыносимом волнении, я поднялась на ноги и принялась мерить шагами библиотеку. В камине подрагивало алое пламя, в воздухе витали мелкие крупинки пыли, за окном стелился плотный серый туман... все было таким спокойным, размеренным, совершенно не подходящим моему нынешнему взбудораженному состоянию.

Я не знала, что именно хочу понять и почему это так важно. Наверное, просто измученный постоянным стрессом мозг зацепился за конкретную задачу, как за якорь, и вознамерился найти разгадку.

Перелистнув страницу обратно, я заскользила по строкам лихорадочным взглядом и остановилась на описании пиратского корабля. Затем еще раз перечитала рассуждения смотрителя о пиратах. Он осуждал бессмысленные убийства, но восхищался самим духом пиратства, сопровождаемым азартом, нескончаемой погоней за приключениями и ощущением свободы. Глядя на пиратский корабль, смотритель сознавал, что его жизнь слишком спокойна и размеренна, ей не хватает всего того, что доступно ходящим под черным флагом. Смотритель смущался своих мыслей, но знал, что они никогда его не оставят...

Продолжая смотреть в раскрытую книгу, я больше не видела текста. Буквы расплывались, скрадывая смысл, в то время как ко мне постепенно, словно неспешно накрывающая берег волна, приходило то самое понимание. Догадка, поверить в реальность которой было так же сложно, как осознать свое родство с Лайаром.

Сколько раз я читала эту книгу! Сколько раз восхищалась написавшим ее автором, которого представляла тонко чувствующим, порядочным человеком — спокойным, мудрым, возможно, далеко не молодым.

«Мне кажется, мало кто может по-настоящему прочувствовать и понять все то, о чем он пишет», — однажды сказала я Флинту.

«А ты, значит, можешь?» — прищурился поблескивающие глаза, с усмешкой спросил тот. Я провела слишком непродолжительное время рядом с капитаном пиратов, чтобы хорошо его узнать. Но какая-то картина его философии и отношения к миру вырисовалась. Так мог ли за псевдонимом писателя Вайра Оттера скрываться... отъявленный пират Кайер Флинт?

— Бред... — машинально проронила я, а потом возразила сама себе: — Бред? Не больший, чем то, что Флинт является родным сыном одного из верховных столпов Глубины.

Чем больше я об этом думала, сопоставляла и анализировала, тем сильнее утверждалась во мнении, что моя невероятная по своей сути догадка верна. Флинт родился в Сумеречной Жемчужине, провел там немало времени, столкнулся с суровыми тяготами жизни, и наверняка его единственным преданным другом и слушателем с раннего детства являлось море.

Воображение так ярко нарисовало мальчишку, бегающего к старому маяку и смотрящего на причаливающие к берегу корабли, что по коже побежала дрожь. Он мог представлять себя зрителем, забывая об окружающей его несправедливости и всех жизненных тяготах. А потом, когда мальчик вырос, детские фантазии нашли отражение в книге, написание которой стало такой же отдушиной, как покорение морей...

Я чувствовала, что это не мои фантазии. Пусть не в точности так, но все это происходило на самом деле. Колени вдруг ослабли, и я медленно опустилась на холодный пол. Соединить образ того Флинта, которого все знали, и Вайра Оттера было невероятно сложно. Но стоило вспомнить, каким я видела пирата, когда плыла с ним на «Черном призраке», — задумчивого, погруженного в себя и одинокого в глубине души, и задача не казалась такой уж невыполнимой.

Тайлес сказал, что Флинт отказывается от силы, которая принадлежит ему по праву рождения. Отказывается принимать родство с Нагхаром. И это вкупе со сделанным только что открытием заставило мое сердце болезненно сжаться, а глаза — наполниться слезами. На этот раз я их не сдерживала, позволяя бушующему внутри морю вылиться наружу.

Даже Флинт, хотя был пиратом и прибегал к использованию темной магии, не поддавался ей целиком. Не позволял Глубине взять над собой верх, а я... я в последние дни всерьез задумывалась над тем, чтобы сдать и остаться с Тайлесом. Но проще отдать жизнь, чем предать свои убеждения и то, во что веришь. И это — та жертва, которую я не в силах принести. — Поднебесные... — давась слезами, проговорила я. — Не хочу... не хочу терять себя! Не хочу убивать, использовать некромантию, чтобы причинять кому-то вред... не хочу становиться никакой принцессой смерти!

От вырвавшихся из-под контроля эмоций стало трудно дышать, я захлебывалась в них и ощущала жгучую боль в груди — там, где, по всем признакам, находилась душа. В мыслях, сменяя друг друга, представали лица друзей и сослуживцев, капитанов, папы, Эртана... Поддавшись отчаянному, заполнившему все мое существо порыву, я подняла глаза к темному потолку и едва слышно выкрикнула:

— Поднебесье, ты от меня отвернулось? Неужели я совсем не заслуживаю даже надежды на свет? Ритана... — кажется, впервые за очень долгое время я обратилась к ней. — Ты ведь должна быть моей покровительницей! Я наследница одной из унди, которые пожертвовали собой, чтобы разбить кристалл. Нет, я не требую... просто прошу: помоги! Умоляю, не оставляй меня одну, не отдавай на растерзание Глубине... я так не могу...

Не веря в то, что кто-то меня услышит и уж тем более откликнется, я спрятала лицо в ладонях и рвано вздохнула. Глупо было даже надеяться, что Ритана проникнется несвязной просьбой той, которая никогда не находила времени прийти в храм Поднебесных. Правильно говорят — к высшим силам мы обращаемся лишь тогда, когда нам по-настоящему плохо, а в иные моменты вовсе о них забываем...

Внезапно по библиотеке пронесся порыв легкого ветра. Я сидела практически у самого камина, поэтому ощутила, что обычно холодное пламя вдруг стало источать тепло, которое приятно согрело онемевшие пальцы.

Не понимая, что происходит, я отняла ладони от лица и приглушенно ахнула, увидев в нескольких шагах от себя полупрозрачную, проступающую в воздухе фигуру. Длинное платье, подол которого напоминал морскую пену и стелился по полу, опускающиеся ниже пояса и слегка развевающиеся волосы... узнаваемое лицо.

«Ты?» — хотела произнести вслух, но от изумления не смогла проронить ни звука.

Больше всего меня изумила собственная недогадливость. На короткий миг захотелось рассмеяться — столько очевидных подсказок, но я не смогла рассмотреть даже их!

Преобразившаяся, но не утратившая знакомых черт, Яли улыбнулась одними уголками губ.

Передо мной возвышалась настоящая поднебесная — величественная и прекрасная. Ее лицо стало более выразительным, удлинившиеся волосы приобрели оттенок темной морской воды, взгляд стал до того пронизательным, что, вероятно, был способен видеть суть чего угодно.

Лицо Яли всегда казалось мне знакомым, и теперь я понимала почему. Я вообще успела понять и открыть для себя удивительно много всего за какие-то считанные дни. Изображения Ританы встречались часто — даже на носу «Черного призрака» располагалась ее высеченная из дерева скульптура. Что, к слову, удивительно для пиратского корабля.

— А еще Флинт носит мой медальон, — словно (а может, на самом деле?) прочитав мои мысли, кивнула Ритана. — Желая защититься от Нагхара, он прибегает к защите той, кто постоянно ему противостоит. Я никогда не отказываю в помощи тем, кто ее у меня просит.

— Так он знал? — спросила я. — Что Яли... то есть ты...

— Что под обликом девочки-прислужницы скрывается поднебесная покровительница морей? — улыбнулась Ритана. — Нет, не знал. Хотя мог бы догадаться, когда Сумеречную Жемчужину стали осаждать русалки. Они ведь последовательницы Нагхара и, ненавидя ундин, еще больше ненавидят меня. Они и сами не знали, какая сила толкала их к берегам острова. К счастью, не знали этого и остальные, списывая их разгул на воздействие появляющегося осколка.

Все еще не способная в это поверить, я, не сводя с нее глаз, проронила:

— Ты пришла...

— Ты позвала, — спокойно встретив мой взгляд, произнесла Ритана. — Иногда этого бывает достаточно.

«Она придет, когда позовешь», — сказала мне принцесса Линария в нашу последнюю встречу. А ведь Яли столько раз не просто намекала, а фактически прямым текстом говорила, что мне нужно искать покровительства у Ританы! Вот только я хотя и признавала справедливость ее слов, следовать совету не спешила. Еще и все это время, даже после того как Яли перенесла меня в резиденцию Линарии, считала ее всего лишь сильной жрицей... Ши возьми, да мне и в голову не могло прийти, что она — сама поднебесная покровительница морей!

— Ты так забавно сочетаешь глубинные ругательства и поминание Поднебесья, — похоже, мои мысли Ритана все-таки читала. И, предвидя следующий вопрос, но не дожидаясь его, ответила:

— Линария — сильф, носитель первозданной поднебесной магии. Я напомнила ей об этом через видения и подтолкнула к нужным действиям. Передала медальон, который она, в свою очередь, вручила Эртану Рею.

«Я — сильф, — всплыли в памяти слова принцессы. — Пришло время, когда это впервые стало важным».

Теперь стали ясны и они. Казалось бы, от череды неожиданных открытий голова должна была идти кругом, но в какой-то момент я неожиданно успокоилась, просто приняв их как данность.

— Значит, ты, как и Лайар с Нагхаром, действуешь чужими руками? — спросила я. — Через меня?

Ритана покачала головой:

— Ни глубинные, ни поднебесные не могут управлять никем из Двухлунного мира, пока вы сами этого не позволите. Я имею власть лишь направлять и помогать по мере сил. Кристалл душ не должен был попасть в этот мир, да и вообще не должен был создаваться. Ты позвала меня, Фрида. Несмотря ни на что, все же позвала, и этот зов был искренним. Быть может, темная магия в тебе сильней, но душа у тебя далеко не темная. Несмотря на это, я помогала тебе и в том, что касалось темной магии. Чьими стараниями, по-твоему, в твоих руках оказалась потерянная много веков назад брошюрка? Кто бросил значительную часть сил на отвлечение Кайера Флинта, чтобы он не помешал тебе покинуть Сумеречную Жемчужину?

Видя, что я хочу что-то сказать, она этого не позволила, продолжив:

